

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2019. Том 17, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

<i>Тимофеева М. К.</i> Языковые шкалы: направления современных исследований	5
<i>Боднарук Е. В.</i> Актуализация семантики будущего времени в немецком придаточном предложении	18
<i>Либерт Е. А.</i> Письменность языка меннонитов Plautdietsch	32
<i>Бочкарев А. Е.</i> О восхищении в русском языковом сознании	42
<i>Ахапкина Я. Э., Левинзон А. И.</i> Русские стяженные номинации с суффиксом -к(а) в социолингвистическом аспекте: от коммуналки к боевке	54

Прикладная лингвистика

<i>Колмогорова А. В.</i> Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа	71
<i>Шаров К. С.</i> Содержательно-стилистические особенности неканонической православной интернет-проповеди в современной России	83
<i>Абрамкина Е. Е.</i> Идентификационные признаки протокола допроса и методика авто-роведческого анализа	97
<i>Федотова В. А.</i> Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов	109

Лингвокультурная когнитивистика и психолингвистика

<i>Иванова И. Б., Ноева (Карманова) С. Е.</i> Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке	120
<i>Емельянова Я. Б.</i> Организация лингвокультурных знаний переводчика как условие их успешного функционирования в процессе переключения кодов в переводе	130
<i>Башанова М. А., Юй Чжан, Яковлев А. А.</i> Наименования наук в языковом сознании русских и китайских студентов	145
Информация для авторов	156

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2019. Volume 17, № 3

CONTENTS

Linguistics

<i>Timofeeva, Mariya K.</i> Linguistic Scales: Current State-of-the-Art	5
<i>Bodnaruk, Elena V.</i> Actualization of Future Tense Semantics in German Subordinate Clause	18
<i>Liebert, Ekaterina A.</i> How to Write in Plautdietsch?	32
<i>Bochkarev, Andrey E.</i> Voskhishcheniye 'Delight' in the Russian Language Consciousness	42
<i>Akhapkina, Yana E., Levinzon, Anna I.</i> Russian Univerb Nominations with Suffix <i>-k(a)</i> in the Sociolinguistic Perspective: From <i>kommunalka</i> to <i>boyovka</i>	54

Applied Linguistics

<i>Kolmogorova, Anastasia V.</i> Texts of "Internet Confessions" as a Source for Training Data Set for the Research on the Sentiment-Analysis Field	71
<i>Sharov, Konstantin S.</i> Content and Stylistic Peculiarities of Non-Canonical Orthodox Internet Sermon in Modern Russia	83
<i>Abramkina, Elena E.</i> Identification Features of the Minutes of Interrogation and Ways of Authorship Examination	97
<i>Fedotova, Vera A.</i> The Experimental Research of Adaptation Competences of Arab and Indian Students	109

Cultural Linguistics, Cognitive Studies and Psycholinguistics

<i>Ivanova, Irina B., Noeva (Karmanova), Sargylana E.</i> National Cultural Specificity of the Concepts "Center" and "Periphery" in the Yakut Language	120
<i>Emelyanova, Yana B.</i> Organizational Structure of Translator's Linguocultural Knowledge as a Prerequisite for its Effective Functioning in Code-switching in Translation	130
<i>Bashanova, Maria A., Zhang Yu, Yakovlev, Andrey A.</i> Science Names in the Language Consciousness of Russian and Chinese Students	145
Instructions to Contributors	156

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Alevtina N. Leonova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantiev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 81'11

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-5-17

Языковые шкалы: направления современных исследований

М. К. Тимофеева

*Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Цель данной статьи – представить систематизированный обзор и анализ перспектив изучения языковых шкал в лингвистике. В настоящее время языковые шкалы активно изучаются с лингвистических, логических, психолингвистических, нейролингвистических позиций. Литература по этой тематике обширна, однако в отечественных публикациях представлен ограниченный спектр направлений. В данной статье рассмотрена общая картина исследований языковых шкал в семантике и прагматике. Фокус внимания сосредоточен на лингвистических аспектах прагматики; статья продолжает ряд публикаций, нацеленных на систематизацию данной сферы. Интерес к прагматическим аспектам языковых шкал обусловлен прежде всего работами Г. П. Грайса, Л. Хорна, Дж. Газдара, С. Левинсона. Важный класс обсуждаемых ими общих прагматических принципов регламентирует количественные характеристики вербальной коммуникации. Сформулированные Г. П. Грайсом максимы количества были впоследствии уточнены в неограйсовских теориях, для чего и было использовано понятие языковой шкалы. В прагматике языковые шкалы и обусловленные ими скалярные импликатуры изучают с лингвистических, логических, экспериментальных позиций. Скалярные импликатуры возникают в результате выбора говорящим позиций на шкалах. Каждая позиция порождает определенный набор импликатур. В статье намечены следующие перспективы изучения прагматических шкал: 1) выявление системы шкал для конкретного языка; 2) анализ индивидуально / ситуативно обусловленных шкал, 3) анализ динамики шкал в речи (на основе идей динамической семантики). Предлагаемые области прикладного использования языковых шкал: анализ стилистических и авторских характеристик текстов, моделирование рассуждения и коммуникации (в частности, в диалоговых системах), построение онтологий предметных областей.

Ключевые слова

прагматика, семантика шкал, языковые шкалы, шкалы Хорна, динамическая семантика, диалоговая система, онтология предметной области, анализ стиля, авторские стили

Благодарности

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований СО РАН № I.1.1, проект № 0314-2019-0003, и при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-01134

Для цитирования

Тимофеева М. К. Языковые шкалы: направления современных исследований // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 5–17. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-5-17

Linguistic Scales: Current State-of-the-Art

Mariya K. Timofeeva

*Sobolev Institute of Mathematics SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The aim of this article consists in reviewing the basic areas of studying language scales in pragmatics; several prospects of their investigation are discussed. Presently, language scales are the object of intensive research in semantics

© М. К. Тимофеева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

and pragmatics, from linguistic, logical, psycholinguistic, and neuro-linguistic perspectives. We are interested mainly in pragmatics (although the area of semantics is also considered) and concentrate on linguistic rather than logical, psycholinguistic, or neuro-linguistic aspects. The article continues the series of publications intending to review and systematize pragmatic investigation in basic topical areas. An interest in studying linguistic scales in pragmatics has increased primarily due to the works of H. P. Grice, L. Horn, G. Gazdar, and S. Levinson. An important class of general pragmatic principles of communication was introduced by H. P. Grice and then was elaborated on greater detail in neo-gricean pragmatics. This class of principles specifies quantity characteristics of communication, and can be defined in terms of scales. Language scales give rise to a special class of implicatures called "scalar implicatures". In many cases, it is necessary for a speaker to choose some position on a scale. Scalar implicature appears as a result of this choice. Each position potentially generates a certain set of implications. This pragmatic phenomenon is intensively studied in linguistics, logic, and experimental investigations.

The literature in the area is ample; the article draws only a general picture of the area. The article proposes: 1) to elicit a system of potential language scales for a concrete language; 2) to consider individual / situational scales; 3) to consider dynamics of scales in speech (in accordance with basic ideas of dynamic semantics).

The proposed areas of practical application are the following: stylistic analysis and studying an author's style, modeling of reasoning and communication (particularly in dialogue systems), constructing formal ontologies of different subject areas.

Keywords

pragmatics, degree semantics, linguistic scales, Horn scales, dynamic semantics, dialogue system, ontology, stylistic analysis, author's styles

Acknowledgements

The work was supported by the program of fundamental scientific research of the SB RAS № I.1.1, project № 0314-2019-0003, and was funded by RFBR according to the research project № 19-07-01134

For citation

Timofeeva, Mariya K. Linguistic Scales: Current State-of-the-Art. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 5–17. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-5-17

Введение

Внимание исследователей, занимающихся сферой прагматики, фокусируется на том, что при высказывании любой мысли человек сталкивается с проблемой выбора (осознанного или нет), касающегося объёма, состава, последовательности высказывания информации, языковых средств её вербализации. Процессы осуществления такого выбора, обуславливающие их принципы, и вытекающие из них следствия относятся к сфере прагматики и отражены, в частности, в постулатах коммуникации, сформулированных Г. П. Грайсом и уточнённых в неограйсовских теориях. Одно из направлений уточнения послужило стимулом для изучения языковых шкал.

Понимание и выражение мыслей в процессе коммуникации часто подразумевает обращение к измерениям, шкалам, выбору подходящих позиций на шкалах. Такие шкалы могут соотноситься с общеизвестными средствами измерения (времени, пространства, веса, плотности и т. д.) или использовать более специфичные для языка способы оценивания информативности, интенсивности, объёма различных характеристик (перцептивных, рациональных, эмоциональных, эстетических и т. д.), упоминаемых в ходе коммуникации.

Языковые шкалы изучаются как в семантике, так и в прагматике.

В семантическом исследовании фокус внимания сосредоточен на рассмотрении тех типов слов, смысл которых включает измеримую компоненту (таковы, например, градуальные прилагательные *хороший, зелёный, шустрый* и присоединяемые к ним наречия меры и степени *очень, несравненно, слегка, едва* и др.). Каждому слову (словосочетанию) такого типа соответствует своя шкала, такая шкала и является единицей лингвистического анализа. Например, использование слова *красивый* означает обращение к шкале оценивания красоты, а вопрос *Что красивее: роза или чертополох?* – это, по сути, вопрос о выборе подходящей шкалы и позиций на ней. Семантическое изучение слов с подобным значением может состоять в анализе формальных свойств соответствующих им шкал.

В прагматике языковые шкалы привлекают интерес прежде всего в связи со скалярными импликатурами. Единицей анализа в этом случае является не шкала, соответствующая отдельно взятому слову, а шкала, состоящая из ряда разных семантически однородных слов. Каждое слово из такого ряда именует определённую позицию на единой для всего ряда шкале. Выбор слова означает выбор позиции на шкале и обуславливает появление импликатур, называемых скалярными импликатурами. Будем называть такие шкалы прагматическими, чтобы отличать их от однословных шкал, обычно изучаемых в семантике.

Элементы шкалы принято упорядочивать по убыванию значений варьирующегося признака (характеризующего информативность, интенсивность, объем и т. д.), например, *<великоленно, красиво, мило>*, *<знание, предположение>*, *<и, или>* (конъюнктивное суждение типа *P* и *Q* информативнее, чем дизъюнктивное *P* или *Q*, где *P* и *Q* – пропозиции). Некоторые авторы используют обратный порядок записи элементов шкалы (по возрастанию значений признака), мы будем использовать упорядочение по убыванию.

По приведённым примерам видно, что рассматриваемые в прагматике языковые шкалы состоят из конкретных языковых единиц, а не классов единиц. Понятно, что общее количество таких шкал для любого языка велико, представительного описания их состава не удалось найти даже для английского языка, несмотря на многочисленность англоязычных публикаций по данной тематике. Прагматические исследования свойств языковых шкал обычно опираются на анализ типовых (прототипических) примеров шкал.

Последующая структура статьи такова. В разделах 1 и 2 представлена общая картина исследований языковых шкал в семантике (раздел 1) и прагматике (раздел 2). В разделе 3 обсуждаются возможности изучения состава и функционирования языковых шкал русского языка. В разделе «Заключение» рассмотрены перспективы прикладного использования информации о языковых шкалах.

Количество публикаций, посвящённых изучению языковых шкал в семантике и прагматике, очень велико. Более детальную информацию о рассмотренных далее проблемах можно найти в обширных библиографических списках, содержащихся в текстах упоминаемых работ.

1. Семантика языковых шкал

Языковая шкала может соотноситься: 1) с семантикой отдельного слова (например, *добрый*), с его дериватами, упорядоченными по интенсивности некоторого признака (*<лучшие, получше>*), возможно, в сочетании с наречиями меры и степени (*чрезвычайно, очень, почти, слегка*), 2) с последовательностью разных слов, упорядоченных по некоторому признаку (например, шкала *<мудрый, умный, смыслённый>*). Во втором случае речь идет не о трех шкалах (одна – для слова *мудрый*, вторая – для слова *умный*, третья – для слова *смыслённый*), а о единой шкале, на которой имеются области, соотносимые с указанными тремя словами. Для семантических исследований характерен интерес к первому из названных видов языковых средств, для прагматических – ко второму виду. Наличие шкал, образованных последовательностью разных слов, изредка упоминается также в семантических исследованиях (см., например, [Колесникова, 2012. С. 138–139]), но такие шкалы здесь не являются выделенным самостоятельным предметом интереса (каковым они являются в области прагматики).

Один из основных разделов семантики языковых шкал – изучение категории градуальности. Наибольший интерес привлекают градуальные прилагательные (*gradable adjectives*), наряду с ними рассматриваются проявления градуальности у других частей речи, например, в [Kennedy, McNally, 2005]. Особое внимание может уделяться деривативным способам образования шкал, например, в [Kagan, 2012] префиксы *под-* и *до-* обсуждаются в связи с анализом градуальности в семантике русского языка. В [Bochnak, 2015] семантика градуальности рассматривается в сравнительном межъязыковом плане.

Проблематика семантических исследований градуальности в значительной степени предопределена работой Э. Сэпира [1985]. Из отечественных публикаций следует, прежде всего, выделить фундаментальную, подытоживающую многолетний труд монографию С. В. Колесниковой [2012], посвященную анализу и систематизации на основе функционального подхода проявлений градуальности на уровне слова, предложения, текста, а также ее более раннюю монографию [1998].

Лексика, соотносимая со шкалами, рассматривается в работах по анализу оценочных суждений [Арутюнова, 1988; Вольф, 2009], соотношений между разными семантическими типами шкал (категории экспрессивности, интенсивности, оценочности, эмоциональности, образности) [Кадысева, 2010], конкретных типов шкал, их отражений в языке, в том числе в сравнительном плане (например, шкалы пространства и времени [Яковлева, 1994]) и в плане онтогенеза [Пузанова, 2012].

В отечественной лингвистике перечисленные выше направления представлены большим числом публикаций, вместе с тем понятие языковой шкалы, структура и формальные свойства шкал не фигурируют как самостоятельные области исследовательского интереса. Эти области исследований представлены в англоязычных публикациях. Так, например, S. Solt [2015] относит к семантике анализ соотношений между языковыми и числовыми шкалами, в частности, вопрос о применимости к языковым шкалам тех характеристик, которые учитываются при классификации шкал в теории измерений.

В теории измерений обычно различают следующие типы шкал: 1) номинальная или шкала наименований (в этом случае элементы шкалы различаются только качественно, числа (если они используются), трактуются только как наименования, обычные операции над числами к ним неприменимы); 2) порядковая шкала (в отличие от предыдущего случая элементы шкалы упорядочены, но различаются также только качественно, например, оценки за успеваемость в школе); 3) шкала интервалов (интервалы между элементами шкалы измеримы, они могут быть равны друг другу, однако точка отсчёта (нулевая позиция) и единица измерения условны, примером могут служить координаты точки на прямой); 4) шкала отношений (имеются измеримые интервалы и естественная точка отсчета, означающая отсутствие измеряемого качества, но нет естественной единицы измерения; так измеряют, например, денежные доходы); 5) шкала разностей (имеются измеримые интервалы и естественная единица измерения, но нет естественной точки отсчета; например, лунный месяц); 6) абсолютная шкала (имеются измеримые интервалы, естественная точка отсчета и естественная единица измерения, например, количество книг в библиотеке).

Языковую шкалу можно рассматривать с аналогичных позиций, полагая, что она может иметь или не иметь четко идентифицируемые градации, иметь или не иметь естественную единицу измерения, точку отсчета, может быть или не быть упорядоченной. Теоретически языковые шкалы могут быть похожи на номинальные шкалы, шкалы порядка, интервалов и т. д. В [Solt, 2015] предпринята попытка исследовать данный вопрос, выявив формальные свойства языковых шкал. Автор использует классификацию типов шкал, предложенную С. Стивенсом [Stevens, 1946], и строит на этой основе общую семантическую структуру языковых шкал.

Вопрос о соотносимости языковых шкал с названными выше типами шкал непрост и относится к числу междисциплинарных. Поясним это на очень простом иллюстративном примере, использующем данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Измерения степени красоты, интеллекта, значимости обычно соотносят со шкалами порядка, то есть с качественными, нечисловыми шкалами. Однако в речи можно встретить оценки, по форме являющиеся числовыми, например, *Сам красив, а поет в два раза красивее* (А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)). Конечно, эти оценки следует воспринимать скорее как метафорические характеристики. Тем не менее проявляется тенденция к измеримым градациям. Так, в НКРЯ были найдены вхождения выражения *в N раз умнее* для следующих значений числа N (в скобках указана частота встречаемости словосочетания в ос-

новном корпусе; число N, как правило, отображается числительным): 1000 (9), 100 (5), 20 (3), 15 (1), 10 (4). Аналогично для прилагательных *красивее* (*краше*, *красивше*): 1000 (5), 100 (4), 10 (1), 4 (1), 2 (1) и *важнее*: 1000 (9), 100 (5), 10 (1). Интересно, что чаще всего в этих случаях использованы количественные оценки, кратные 10. Это позволяет предположить, что оценки ума, важности, красоты все-таки можно условно соотнести не только с порядковыми, но и с интервальными (т. е. числовыми) шкалами, однако для (метафорического) измерения таких характеристик подходят шкалы с крупными делениями.

Для проверки предположений о формальных свойствах языковых шкал анализ текстов недостаточен, нужно привлекать другие методы, в частности экспериментальные. Данный круг исследований их авторы относят к сфере экспериментальной семантики. Примером может служить экспериментальное исследование градуальных прилагательных английского языка [Solt, 2012]. Изучаемый автором вопрос таков: какой тип шкалы подразумевает говорящий, высказывая суждение о росте, размере, цвете и т. д. какого-либо объекта? Например, семантика высказывания *Иван – высокий человек* может соответствовать качественной шкале (т. е. шкале порядка), интервальной шкале или шкале отношений, причем только в третьем случае можно в полной мере оперировать с показателями роста как с числами. Проведенные эксперименты основывались на том, что тип используемой шкалы предопределяет условия истинности высказывания в конкретной ситуации его использования.

В ходе экспериментов его участникам предлагалось высказать суждение о соответствии предъявляемого слова (градуального прилагательного, например, *big*, *tall*, *dark*) и одновременно предъявляемого изображения (изображения варьировались по площади, высоте, раскраске). Результаты экспериментов дали косвенные аргументы в пользу третьего из указанных вариантов семантики.

Представленное в [Solt, 2012] исследование также подтвердило отсутствие убедительных свидетельств в пользу того, что структура языковых шкал зависит от наличия / отсутствия соответствующих принятых числовых мер (высоты в метрах, веса в килограммах и т. д.). В [Solt, Gotzner, 2015] обсуждаются другие формальные свойства языковых шкал, в частности наличие границ, т. е. минимального / максимального элемента. Например, языковая шкала высоты не предполагает верхней границы (т. е. для любого *X* возможен *Y*, превышающий *X* по высоте), а шкала открытости / закрытости имеет обе границы, максимум и минимум достижимы (окно может быть открыто настежь или полностью закрыто).

Как видно из примеров экспериментальных исследований, семантика шкал и – более широко – семантика измерений (*semantics of measurement*) пересекается по проблематике с когнитивной семантикой и с формальной (логической) семантикой. Экспериментальное исследование языковых средств, используемых для подсчёта, разделения на части, измерения, дает информацию о когнитивных составляющих представления о мире. Само же это экспериментальное исследование невозможно было бы осуществить без понимания формальных (логических) следствий использования каждого типа шкал: именно на основе анализа следствий делается вывод о типе используемой шкалы. Эти три подхода – экспериментальный, когнитивный, формальный (логический) – могут присутствовать в конкретных исследованиях по отдельности или в разных комбинациях. Например, подробное представление о подходе со стороны формальной семантики можно почерпнуть из диссертации [Scontras, 2014]. Целью своего исследования автор полагает изучение когнитивных аспектов семантики измерений, само же исследование проводится средствами формальной семантики. В фокусе интересов находится «онтология вещей», процедуры измерения, используемые применительно к событиям, оставлены за рамками рассмотрения.

Надо заметить, что формальная семантика составляет основу исследований градуальности и семантики измерений в целом. Метаязык формальной семантики используется в перечисленных выше публикациях [Kennedy, McNally, 2005; Kagan, 2012; Bochnak, 2015; Solt, Gotzner, 2012; Solt, 2015; Scontras, 2014], а также во многих других работах, относящихся к данной области.

2. Языковые шкалы в прагматике

В прагматике изучение языковых шкал фокусируется на ассоциированных с ними импликатурах. Триггером импликатуры является выбор позиции на шкале. Например, адресат высказывания *Некоторые животные живут на деревьях* выведет скалярную импликатуру *Не все животные живут на деревьях*, хотя по правилам логики из сказанного такое заключение не следует. В данном примере использована шкала <все, некоторые>.

Функционирование скалярных импликатур характеризуются довольно высокой регулярностью, поэтому (наряду с другими видами прагматически выводимых следствий) они представляют интерес в плане формализации языка и построения его математических описаний, значимы для исследований в области когнитивной науки и искусственного интеллекта [Pott, 2009]. Это делает изучение языковых шкал важным для разработки компьютерных моделей языка и онтологий предметных областей, на основе которых эти модели работают.

В рамках экспериментальной прагматики (например, [Katsos, 2008; Зевахина, 2012; de Carvalho et al., 2016; Tiel et al., 2016]) исследуются процессы порождения импликатур в речи; формирование этой способности в онтогенезе; варьирование импликатур, обусловленных разными шкалами, по «силе» (по степени их психологической реальности); влияние контекста на порождение скалярных импликатур (в частности, возможность блокирования импликатур).

Классическим типом языковых шкал, обсуждаемых в прагматике, являются «шкалы Хорна» [Horn, 1972; 2018], или Q-шкалы (от слова *quantity*), предложенные Л. Хорном для уточнения максимы количества Г. П. Грайса. Эти шкалы используются при формулировке количественных принципов коммуникации в неограйсовских теориях Л. Хорна и С. Левинсона.

Шкала Хорна – это упорядоченное множество языковых (лексических) единиц, для которого в [Huang, 2007] приведено следующее обобщающее определение.

$\langle e_1, e_2, \dots, e_n \rangle$ есть шкала Хорна, если:

1) $e_1, e_2, \dots, e_n$ – альтернативные языковые единицы, различающиеся между собой по информативности или по интенсивности обозначаемого признака, причем порядок расположения соответствует убыванию степени информативности / интенсивности слева направо (некоторые авторы используют обратный порядок упорядочения);

2) $e_1, e_2, \dots, e_n$ сходны по степени лексикализации и по функциональным свойствам; например, последовательность <если и только если; если> не считается шкалой Хорна, так как не удовлетворяет этим требованиям;

3) $e_1, e_2, \dots, e_n$ входят в одно и то же семантическое поле.

Множество $e_1, e_2, \dots, e_n$ называют также «скалярным множеством» (scalar set [Yeom, 2013]).

Перечисленные три свойства обеспечивают взаимозаменяемость (возможно, сопровождающуюся незначительными коррекциями) элементов шкалы в типовых контекстах: если $A(e_i)$, где $i > 1$, – правильное предложение рассматриваемого языка, содержащее элемент e_i , то замена в этом предложении элемента e_i на элемент e_{i-1} дает правильное предложение $A(e_{i-1})$ того же языка. Поскольку элементы шкалы упорядочены, из истинности пропозиции, выраженной предложением $A(e_{i-1})$, логически следует истинность пропозиции, выраженной предложением $A(e_i)$, но не наоборот. Иначе говоря, высказывание $A(e_{i-1})$ логически сильнее высказывания $A(e_i)$.

В общем виде прагматическое правило, регулирующее использование шкал (и уточняющее максимум количества из теории Г. П. Грайса [1985]), можно сформулировать так: если имеется шкала $\langle \dots a, b \dots \rangle$, то среди всех элементов шкалы, которые логически совместимы

с описываемой ситуацией, говорящий выбирает наиболее сильный (стараясь соблюдать при этом остальные постулаты коммуникации). Если, например, говорящий выбрал *b*, то слушающий имеет основание сделать вывод, что – с точки зрения его собеседника – более сильный элемент *a* может не соответствовать описываемой ситуации. Это заключение и есть скалярная импликатура.

Рассуждение такого типа относится к числу абдуктивных [Pierce, 1955] и состоит в выводе гипотезы, объясняющей наблюдаемые факты, в данном случае – высказанное собеседником суждение. Адресат (осознанно или нет) задается вопросом, почему говорящий не высказал более информативное суждение. В ответ на этот вопрос и возникает импликатура («объясняющая гипотеза»).

Скалярные импликации традиционно (следуя Л. Хорну) рассматривают как представляющие класс общих (или обобщенных, *generalized*) импликаций, обусловленных преимущественно общеязыковыми стереотипными правилами и лексическим составом высказывания, а не контекстом. Под влиянием этой позиции в большинстве публикаций фигурирует небольшое число шкал (чаще всего – шкала *<all, most, many, some, few>* или ее части) и импликаций, рассматриваемых в качестве типовых представителей всего класса данных явлений. В отличие от общих, частные (*particularized*) импликации обусловлены преимущественно контекстом.

Традиции считать скалярные импликации «глобальными» (общими) противостоит позиция рассмотрения их как «локальных», обусловленных прежде всего (локальным) контекстом. Соответственно различают «локалистский» и «глобалистский» подходы. Приемлемость разделения импликаций на общие и частные, а также спорность отнесения скалярных импликаций к первому из этих классов, обсуждается, например, в [Chierchia, 2004] (автор – сторонник локалистского подхода). Тот же вопрос дискутируется в области экспериментальной прагматики, занимающейся сравнительным анализом психологической реальности разных шкал и связанных с ними импликаций (см., например, [Geurts, 2010; de Carvalho et al., 2016; Tiel et al., 2016]).

С. Левинсон [Levinson, 1983] в своей прагматической теории помимо шкал Хорна использует клаузуальные шкалы и шкалы альтернатив.

В общем виде клаузуальная шкала определяется так:

$$\langle X(p); Y(p) \rangle,$$

где *p* – пропозиция, является клаузуальной шкалой, если истинность пропозиции *p* следует из содержащего ее высказывания *X(p)*, но не следует из высказывания *Y(p)*. Это означает, что выбор говорящим более слабого высказывания *Y(p)* обуславливает появление импликации ‘говорящий считает суждение *p* ложным или не уверен в истинности *p*’. Примеры клаузуальных шкал: *<поскольку p, то q; если p, то q>*, *<необходимо p; вероятно p>*, *<знаю, что p; верю, что p>*.

Шкалы альтернатив подразделяются на два подтипа: упорядоченные и неупорядоченные. В шкалах первого подтипа элементы информационно упорядочены, например, *<удаться, пытаться>*. Так, высказывание *Им удалось решить задачу* информационно сильнее высказывания *Они пытались решить задачу* (если им удалось решить задачу, то они пытались ее решить, но обратное не обязательно верно).

Шкалы второго подтипа подобны номинальным шкалам: элементы в них не упорядочены и одинаковы по информационной силе. Примером может служить шкала *<английский язык, французский язык, итальянский язык>*. Если в ответ на вопрос *Какой иностранный язык изучали ваши дети?* было сказано *Они изучали английский язык*, то человек, задавший вопрос, выводит импликацию ‘Дети изучали только один иностранный язык – английский’ (хотя в данном случае элементы шкалы логически совместимы, можно изучать более одного языка).

В диссертационном исследовании Джулии Хиршберг [Hirschberg, 1991], представляющем результаты детального изучения скалярных импликатур и их классификации, понятие языковой шкалы трактуется в более расширенном плане, чем в классической теории Л. Хорна. Отправной точкой служит намерение изучать естественно возникающие в реальной речи случаи использования шкал. Рассматриваемые семантические типы шкал включают не только линейные отношения меньшей / большей интенсивности (как у Л. Хорна), но и иерархические отношения: часть / целое, род / вид, сущность / атрибут, множество / подмножество. К числу шкал отнесены также последовательные наименования этапов некоторого процесса (например, перечень последовательно изучаемых взаимосвязанных предметов учебного плана в сфере образования) и последовательности, образованные согипонимами, то есть гипонимами одного и того же гиперонима (аналог шкал альтернатив, о которых было сказано ранее). Кроме того (и это представляется важным) Дж. Хиршберг рассматривает динамику шкал в речи и более широкий спектр импликатур, связанных с использованием шкал.

3. Языковой материал

Отношения часть / целое, род / вид (и связанное с ним отношение согипонимии), сущность / атрибут, множество / подмножество, представимые в виде шкал и обуславливающие возникновение скалярных импликатур, отражены в многочисленных тезаурусах, в частности, в электронных тезаурусах типа WordNet. Для исходного понятия прагматической языковой шкалы, введенного Л. Хорном (Q-шкалы), аналогичных коллекций языковых данных нет. Поэтому возникает естественный вопрос: каков состав множества Q-шкал для конкретного языка, например, для русского или английского?

Среди очень большого количества публикаций, посвященных изучению Q-шкал, не удалось найти исследований, нацеленных на выявление представительного по объему множества таких шкал для какого-либо конкретного языка. Как уже говорилось, чаще всего (как в теоретических, так и в экспериментальных исследованиях) рассматривают небольшое число типовых шкал, импликатур, контекстов, обобщая рассуждения на все Q-шкалы. Возможность такого обобщения подвергается сомнению, например, в [Tiel et al., 2016], где проводится экспериментальное сравнение большого количества шкал английского языка (43 шкалы).

Объединив примеры прагматических шкал английского языка, приводимые в ряде публикаций по данной тематике, удалось составить список, содержащий около 70 шкал (из вложенных шкал выбиралась максимальная). Публикации по анализу Q-шкал русского языка отсутствуют.

Полезную информацию о языковых шкалах может дать анализ значений лексической функции Magn из теории лингвистических моделей «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» [Мельчук, 1974], означающей высокую степень интенсивности. Например, Magn (*аплодисменты*) = *окации*, что соответствует шкале <*окации, аплодисменты*>. Однако определение лексической функции не предполагает, во-первых, упорядоченности значений в виде шкалы и, во-вторых, одинаковой лексикализации. Это делает невозможным непосредственное построение языковых шкал по значениям лексических функций: требуется существенная предварительная работа по выявлению тех значений функции Magn, которые могут образовывать шкалы, и упорядочению этих значений.

Наряду с анализом типовых языковых шкал представляет интерес и выявление шкал, отражающих авторский стиль, стилистические или ситуационно обусловленные параметры коммуникации. Важны не только перечни шкал, но и динамика их использования в речи (например, смещение позиции на шкале, установление связи между шкалами). Приведем для иллюстрации несколько текстов из Национального корпуса русского языка.

(1) – Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучшие всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? (Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Девочка на шаре (1963))

(2) – Я потому и забрел в твоё жилище, а не в чье-то еще, что уловил эту мелодию. Платоша, заволновавшись, спросил не сразу: – Ты думаешь, моя балалайка издавала ту мелодию? – Не думаю – знаю. (Ким Балков. Балалайка // «Сибирские огни», 2013)

(3) Туча, неторопливо свертываясь, уплывала на север, открывая затянутое серой мглой небо, с которого лился уже не ливень, а сыпал мелкий серенький дождик. (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974))

(4) – Сороки-то мои, глупые... ах, глупые!.. – смеется старушка монахиня. Будто летят в дожде бело-синие птицы по лугу. Уж не ливень, а проливень – леса совсем не видно. (И. С. Шмелев. Богомолье (1930–1931))

(5) И опять – диван, папироса, далекая и слегка головокружительная мечта о незнакомой женщине, – даже не мечта, а чувство, даже не чувство, а предчувствие... (Г. А. Газданов. История одного путешествия (1938))

(6) Наши папа умел играть на рояле (выучился играть самостоятельно ещё в молодости), и звучание этого инструмента запало в мою память очень рано. Поэтому я с детства полюбила «рояльные» звуки, и до сих пор они для меня самые красивые – красивее звуков органа, скрипки, виолончели, которые, бесспорно, тоже прекрасны. (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996))

(7) Помню, Осетинский заклинал меня: никому не рассказывай, что я пишу сценарий за три дня. В скобках заметим, что при удачном стечении обстоятельств и запуске в производство на гонорар от одного сценария можно было широко жить пару лет. (Николай Климонтович. Далее – везде (2001))

В примере (1) использована шкала <лучшие всех, славная>, причем эта шкала вводится в динамике: от более слабого варианта к более сильному. Аналогичная динамика есть в тексте (2), использующем сдвиг от менее надежной информации к более надёжной на шкале <знать, думать>. Примеры (3) и (4) используют шкалы <ливень, мелкий дождик> и <проливень, ливень>, которые можно объединить в одну шкалу: <проливень, ливень, мелкий дождик>. В (3) происходит сдвиг от сильного элемента к слабому, а в (4), наоборот, от слабого – к сильному. В (5) последовательно проявляются, переходя от сильного к более слабому, три элемента шкалы <мечта, чувство, предчувствие>. В примере (6) автор использует общую шкалу <самый красивый, прекрасный> для субъективной локализации своих восприятий, полученная конкретизированная шкала <самый красивый (звуки рояля), прекрасный (звуки органа / скрипки / виолончели)> отражает индивидуальные представления автора. Если бы далее автор сказал: Эта музыка для меня как звучание скрипки, то было бы основание вывести (частную) скалярную импликацию 'С точки зрения говорящего эта музыка прекрасна, но не в высшей степени'. В примере (7) есть отсылка к двум числовым шкалам, совпадающим по составу элементов, но противоположным по способу упорядочения и интерпретации. Шкала <1, 2, 3, 4, 5...> интерпретируется как время написания сценария (если трех дней достаточно для написания сценария, то и пяти дней также достаточно). Шкала <...5, 4, 3, 2, 1> интерпретируется как годы благополучия (из того, что два года были благополучными, следует, что и один год был таким же). На первой шкале говорящий выбрал позицию «3» (скалярная импликация: 'Говорящий не может написать сценарий за два дня или не уверен в такой возможности'). На второй шкале выбрана позиция 2 (скалярная импликация: 'Говорящий не сможет жить на гонорар три года или не уверен в такой возможности'). Данные две шкалы мыслятся говорящим как взаимосвязанные.

Изучение динамики использования языковых шкал хорошо вписывается в рамки исследовательской позиции, отражённой в динамической семантике (*dynamic semantics*). Базовые идеи этого подхода опираются на тот факт, что человеческая речь неизбежно линейна, поэтому смысл текста не возникает одномоментно, а создаётся постепенно, представляя собой

процесс, в ходе которого очередные фрагменты текста воздействуют на ранее достигнутое понимание. Вариантами динамической семантики являются теория репрезентации дискурса (Discourse Representation Theory, DRT) и Теория сегментной репрезентации дискурса (Segmented Discourse Representation Theory, SDRT). Динамическая семантика – это абстрактная модель, трактующая интерпретацию текста как процесс, а не как продукт (результат). Формально-логические аспекты данного подхода обсуждаются, например, в [Kracht, 2002; Venhuizen et al., 2018]. Вопрос об использовании DRT применительно к скалярным импликатурам рассматривается в [Yeom, 2013] (автор – сторонник глобалистской позиции по отношению к скалярным импликатурам).

Заключение

В заключение назовем те направления изучения языковых шкал русского языка, которые представляются перспективными для прикладных исследований и построения формальных (математических или компьютерных) моделей языка, в частности, при решении задач, связанных с формализацией рассуждений и коммуникации.

Прежде всего, необходимо выявление представительного множества Q-шкал для русского языка и параллельного уточнения самого понятия «языковая шкала».

Стоит исследовать возможность сопоставительного анализа состава, типологии, функционирования (в том числе динамики) языковых шкал в текстах разных типов. В таких характеристиках может проявляться индивидуальная / стилистическая / тематическая специфика текстов; межязыковые различия.

Изучение множества прагматических шкал и логических свойств скалярных импликатур, учет такой информации в составе онтологии предметной области позволят разнообразить и обогатить функционирование моделей рассуждения и коммуникации.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Вольф, Е. М.** Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2009. 280 с.
- Грайс Г. П.** Логика речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- Зевахина Н. А.** Экспериментальные исследования в области прагматических импликатур (как одно из направлений лингвистической прагматики): Сб. науч. ст. по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2012. С. 76–92.
- Кадысева С. С.** Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5. С. 196–199.
- Колесникова С. М.** Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. М.: МПУ, 1998. 180 с.
- Колесникова С. М.** Градуальность: системные связи и отношения. М.: Прометей, 2012. 294 с.
- Мельчук И. А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М.: Наука, 1974. 315 с.
- Пузанова Ю. С.** Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 250 с.
- Сэпир Э.** Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 43–78.
- Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 343 с.

- Bochnak, M. R.** The degree semantic parameter and cross-linguistic variation. *Semantics and Pragmatics*, 2015, vol. 8, article 6: 1–48.
- de Carvalho, A., Reboul, A., Van der Henst J.-B., Cheylus, A., Nazir, T.** Scalar implicatures: The psychological reality of scales. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7, article 1500.
- Chierchia, G.** Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax / pragmatics interface. In: *Structures and beyond*. Ed. by A. Beletti. Oxford, Oxford University Press, 2004, p. 39–103.
- Geurts, B.** Quantity implicatures. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, iii + 209 p.
- Hirschberg, J. A.** Theory of scalar implicature. New York, Garland, 1991, 329 p.
- Horn, L. R.** On the semantic properties of logical operators in English. Los Angeles, University of California, 1972, 285 p.
- Horn, L. R.** Words in edgewise. *Annual Review of Linguistics*. 2018, vol. 4, p. 1–19.
- Huang, Y.** Pragmatics. Toronto and New York, Oxford University Press, 2007, 366 p.
- Kagan, O.** Degree semantics for Russian verbal prefixes: the case of pod- and do-. *The Russian verb. Oslo Studies in Language*, 2012. vol. 4, no. 1, p. 207–243.
- Katsos, N.** The semantics / pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicatures. *Synthese*, 2008, vol. 165, p. 385–401.
- Kennedy, C., McNally, L.** Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 2005, vol. 81, no. 2, p. 345–381.
- Kracht, M.** Dynamic semantics. In: *Semantics. Linguistische Berichte, Sonderheft 10*. Helmut Buske Verlag, 2002, p. 217–241.
- Levinson, S.** Pragmatics. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge University Press, 1983. 438 p.
- Peirce, C.S.** Philosophical writings of Peirce. New York, Dover Publications, 1955, 386 p.
- Pott, C.** Formal pragmatics. In: *Routledge Pragmatics Encyclopedia*. London, Taylor & Francis Ltd, Routledge, 2009, 650 p.
- Sauerland, U.** Scalar implicatures in complex sentences. In: *Linguistics and Philosophy*. Kluwer Academic Publishers, 2004, vol. 27, p. 367–391.
- Scontras, G.** The semantics of measurement. Doctoral dissertation. Harvard University, 2014. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/13064988> (accessed: 12.06.2019).
- Solt, S., Gotzner, N.** Experimenting with degree. In: *Proceedings of the 22nd Semantics and Linguistic Theory Conference*. Ed. by Anca Chereches. Chicago, Illinois, University of Chicago, 2012, p. 166–187.
- Solt, S.** Measurement scales in natural language. *Language and Linguistics Compass*, 2015, vol. 9, p. 14–32.
- Venhuizen, N. J., Bos, J., Hendriks, P., Brouwer, H.** Discourse semantics with information structure. *Journal of Semantics*, 2018, vol. 35, iss. 1, p. 127–169.
- Stevens, S. S.** On the theory of scales of measurement. *Science*, 1946, vol. 103, p. 677–680.
- Tiel, B. van, Miltenburg, E. van, Zevakhina, N., Geurts, B.** Scalar diversity. *Journal of Semantics*, 2016, vol. 33, iss. 1, p. 137–175.
- Yeom, Jae-II.** Global Approach to Scalar Implicatures in Dynamic Semantics. In: *27th Pacific Asia Conference on Language, Information, and Computation Taipei*. Taiwan, 2013, p. 27–36.

References

- Arutyunova, N. D.** The types of meanings in language. Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka, 1988. 541 p. (in Russ.)
- Bochnak, M. R.** The degree semantic parameter and cross-linguistic variation. *Semantics and Pragmatics*, 2015, vol. 8, article 6: 1–48.
- Chierchia, G.** Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax / pragmatics interface. In: *Structures and beyond*. Ed. by A. Beletti. Oxford, Oxford University Press, 2004, p. 39–103.

- de Carvalho, A., Reboul, A., Van der Henst J.-B., Cheylus, A., Nazir, T.** Scalar implicatures: The psychological reality of scales. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7, article 1500.
- Geurts, B.** Quantity implicatures. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, iii + 209 p.
- Grice, H. P.** Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics*. Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. New York, Academic Press, 1975, vol. 3: Speech Acts, p. 41–58.
- Hirschberg, J. A.** Theory of scalar implicature. New York, Garland, 1991, 329 p.
- Horn, L. R.** On the semantic properties of logical operators in English. Los Angeles, University of California, 1972, 285 p.
- Horn, L. R.** Words in edgewise. *Annual Review of Linguistics*. 2018, vol. 4, p. 1–19.
- Huang, Y.** Pragmatics. Toronto and New York, Oxford University Press, 2007, 366 p.
- Kadyseva, S. S.** Category of intensity in the system of functional-semantic, functional-syntactic categories. *Izvestia of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no. 5, p. 196–199. (in Russ.)
- Kagan, O.** Degree semantics for Russian verbal prefixes: the case of pod- and do-. *The Russian verb. Oslo Studies in Language*, 2012. vol. 4, no. 1, p. 207–243.
- Katsos, N.** The semantics / pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicatures. *Synthese*, 2008, vol. 165, p. 385–401.
- Kennedy, C., McNally, L.** Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 2005, vol. 81, no. 2, p. 345–381.
- Kolesnikova, S. M.** Graduality: systemic links and relations. Moscow: Prometheus, 2012. 294 p. (in Russ.)
- Kolesnikova, S. M.** The semantics of graduality and the ways of its expression in the modern Russian language. Moscow, MPU Press, 1998, 180 p. (in Russ.)
- Kracht, M.** Dynamic semantics. In: *Semantics. Linguistische Berichte, Sonderheft 10*. Helmut Buske Verlag, 2002, p. 217–241.
- Levinson, S.** Pragmatics. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge University Press, 1983. 438 p.
- Mel'čuk, I. A.** A Tentative Implementation of the Theory of Linguistic Models “Meaning $\Leftrightarrow$ Text”. Moscow, Nauka, 1974, 315 p. (in Russ.)
- Peirce, C.S.** Philosophical writings of Peirce. New York, Dover Publications, 1955, 386 p.
- Pott, C.** Formal pragmatics. In: *Routledge Pragmatics Encyclopedia*. London, Taylor & Francis Ltd, Routledge, 2009, 650 p.
- Puzanova, Yu. S.** Russian parametric adjectives in ontogenesis. Dr. philol. sci. diss. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University, 2012, 250 p. (in Russ.)
- Sapir, E.** Grading, a study in semantics. *Philosophy of Science*, 1944, vol. 11, no. 2, p. 93–116.
- Sauerland, U.** Scalar implicatures in complex sentences. In: *Linguistics and Philosophy*. Kluwer Academic Publishers, 2004, vol. 27, p. 367–391.
- Scontras, G.** The semantics of measurement. Doctoral dissertation. Harvard University, 2014. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/13064988> (accessed: 12.06.2019).
- Solt, S.** Measurement scales in natural language. *Language and Linguistics Compass*, 2015, vol. 9, p. 14–32.
- Solt, S., Gotzner, N.** Experimenting with degree. In: *Proceedings of the 22nd Semantics and Linguistic Theory Conference*. Ed. by Anca Chereches. Chicago, Illinois, University of Chicago, 2012, p. 166–187.
- Stevens, S. S.** On the theory of scales of measurement. *Science*, 1946, vol. 103, p. 677–680.
- Tiel, B. van, Miltenburg, E. van, Zevakhina, N., Geurts, B.** Scalar diversity. *Journal of Semantics*, 2016, vol. 33, iss. 1, p. 137–175.
- Venhuizen, N. J., Bos, J., Hendriks, P., Brouwer, H.** Discourse semantics with information structure. *Journal of Semantics*, 2018, vol. 35, iss. 1, p. 127–169.
- Volf, E. M.** Functional semantics of evaluation. Moscow, Librokom, 2009, 280 p. (in Russ.)

- Yakoleva, E. S.** Fragments of the Russian language picture of the world (Models of space, time and perception). Moscow, Gnozis, 1994, 343 p. (in Russ.)
- Yeom, Jae-II.** Global Approach to Scalar Implicatures in Dynamic Semantics. In: 27th Pacific Asia Conference on Language, Information, and Computation Taipei. Taiwan, 2013, p. 27–36.
- Zevakhina, N. A.** Experimental studies of implicatures (as one of the aspects of pragmatics). In: Problems of language. Moscow: Institute for Linguistics RAN, 2012, p. 76–92. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
03.05.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Тимофеева Мария Кирилловна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (пр. Академика Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия); зав. кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya K. Timofeeva, Dr. Sci. (Linguistics), senior researcher at Sobolev Institute of Mathematics SB RAS (4 Academician Koptug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
timof@math.nsc.ru

УДК 81'37-811.112(045)
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-18-31

Актуализация семантики будущего времени в немецком придаточном предложении

Е. В. Боднарук

*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия*

Аннотация

Выявляются особенности сочетаемости темпоральной семантики будущего времени с различными типами придаточного предложения, не получившие до сих пор должного освещения в лингвистической литературе. Материалом исследования послужили высказывания со сложноподчиненными предложениями, содержащие прямую речь, извлеченные методом сплошной выборки из текстов немецкоязычного художественного и публицистического дискурса. Общий объем анализируемого материала составил 1089 языковых единиц с семантикой будущего времени. Несмотря на зависимый характер предикации придаточного предложения, экспликация семантики будущего времени в нем носит весьма разнородный характер. Наиболее частотными типами придаточных предложений с футуральным значением в обоих дискурсах оказались придаточные условия, атрибутивные, объектные и субъектные придаточные предложения, а также придаточные времени и цели. Разнообразие репертуара языковых средств, среди которых не только собственно грамматические (напр., презенс, футур I, перфект, кондиционалис I, претерит конъюнктива), но и лексико-грамматические (напр., конструкции с модальными глаголами), дает возможность формального и семантического варьирования, обнаруживая определенную чувствительность в отношении дискурсивных характеристик высказывания. Наиболее значимыми экспликаторами футуральной семантики в немецком придаточном предложении являются грамматические формы *презенс* и *футура I*. Презенс характеризуется высокой частотностью во всех типах придаточных предложений и «нейтральностью» на фоне футура I, имеющего ограничения при использовании, к примеру, в придаточных условия, цели, времени, в виду наличия в них эксплицитно выраженной футуральной направленности. Вместе с тем форма футура может служить акцентированию внимания на предстоящем действии, что способствует ее появлению в составе зависимой предикации. Семантика *перфекта*, *модальных глаголов*, их функциональных синонимов, форм *конъюнктива* также обнаруживает определенные сочетательные предпочтения при актуализации значения будущего времени в придаточном предложении.

Ключевые слова

языковые средства выражения будущего времени, придаточное предложение, немецкий язык, художественный и публицистический дискурс

Для цитирования

Боднарук Е. В. Актуализация семантики будущего времени в немецком придаточном предложении // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 18–31. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-18-31

Actualization of Future Tense Semantics in German Subordinate Clause

Elena V. Bodnaruk

*Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russian Federation*

Abstract

The purpose of the article is to identify the features of the expression of temporal future tense semantics in various types of subordinate clauses of complex sentences, which so far have not received adequate coverage in linguistic literature. Analyzed are utterances with complex sentences containing direct speech, obtained with the random sampling

© Е. В. Боднарук, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

method from the German fictional and publicistic texts. The total volume of the analyzed material makes up 1089 linguistic units with future tense semantics. In spite of dependent character of predication in the subordinate clause, the explication of future tense semantics in it is very heterogeneous. The most frequent types of subordinate clauses with future-oriented meaning in both analyzed discourses are conditional clauses, attribute, object, and subject clauses as well as subordinate clauses of time and purpose. The diverse repertoire of linguistic means, among which are not only grammatical ones (for example, *Präsens*, *Futur I*, *Perfekt*, *Konditionalis I*, *Präteritum Konjunktiv*), but also lexical and grammatical (for example, modal verb constructions), allows of formal and semantic variation, revealing a certain sensitivity in relation to discursive characteristics of the utterance. The most significant explicators of future tense semantics in the subordinate clause are the grammatical forms *Präsens* and *Futur I*. *Präsens* is characterized by high frequency in all types of subordinate clauses and “neutrality” against *Futur I*, which has limitations when used, for example, in conditional clauses, subordinate clauses of time and purpose, in view of their future time orientation. *Futur I* can also serve to focus attention on the upcoming action, which contributes to frequency of its use in dependent predication. The semantics of *perfect* forms, *modal verbs*, their functional synonyms and *conjunctive forms* also reveals certain combination preferences by expressing future tense semantics in a subordinate clause.

Keywords

linguistic means with future tense semantics, subordinate clause, the German language, fictional and publicistic discourse

For citation

Bodnaruk, Elena V. Actualization of Future Tense Semantics in German Subordinate Clause. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 18–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-18-31

Введение

Сложноподчиненное предложение неоднократно оказывалось в центре внимания российских и зарубежных ученых. Вместе с тем многие аспекты его исследования до сих пор остаются малоизученными. Внимания заслуживают, в частности, вопросы функционирования разного рода семантических категорий в составе сложноподчиненного предложения, изучение которых позволило бы получить новые данные о сущностных характеристиках сложного предложения, а также глубже понять механизмы сочетаемости его семантических и формальных показателей с теми или иными языковыми средствами.

Цель настоящей работы – выявление особенностей сочетаемости темпоральной семантики, в частности, семантики будущего времени, с различными типами придаточного предложения.

Языковое значение будущего времени является одним из противочленов семантической категории темпоральности, наряду с настоящим и прошедшим временем. Будучи ингерентно связанным с такими категориями, как модальность и эвиденциальность, оно практически не встречается в речи в «чистом виде». В зависимости от того, какое значение налагается на темпоральную основу при использовании языкового средства, можно выделить несколько типов будущего времени – волитивное и эпистемическое (соединение будущего с модальными характеристиками), эвиденциальное, а также эпистемико-эвиденциальное будущее. Симбиоз темпоральной семантики будущего времени как основы и нетемпоральных характеристик модального и эвиденциального свойства образует семантическую категорию футуральности [Боднарук, 2018].

Комплексный характер семантики будущего времени обуславливает многообразие используемого для ее актуализации репертуара разноуровневых языковых средств. Так, в формировании предикативных основ (частей) придаточного предложения участвуют следующие формы индикатива: презенс, футур, перфект; формы конъюнктива: претерит, кондиционалис (*würde* + инфинитив), плюсквамперфект. Упоминания заслуживают также конструкции с модальными глаголами и их функциональные синонимы – конструкции *haben* / *sein* + *zu* + инфинитив, конструкция *lassen* + инфинитив, используемые в формах индикатива или конъюнктива. Перечисленные языковые средства имеют не только разный грамматический статус, они с разной степенью эксплицитности или дискретности выражают семантику будущего. Большинство средств характеризуется многозначностью. Выражение значения

будущего может быть как основным (например, у футура или кондиционалиса), так и второстепенным значением этих средств (напр., у презенса или перфекта). Кроме того, у большинства не собственно грамматических (или лексико-грамматических) средств семантика будущего времени выводится из их основного, преимущественно модального, значения (у конструкций с модальными глаголами и их функциональных синонимов).

Материалом исследования послужили 1 089 высказываний с придаточными предложениями, содержащими прямую речь, извлеченные методом сплошной выборки из текстов художественного дискурса (*Hein Ch. Landnahme*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005; *Kehlmann D. Ruhm*. Hamburg: Rowohlt, 2009; *Noll I. Ehrenwort*. Zürich: Diogenes, 2010) и публицистического дискурса (*Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ). № 169 / 23.07.2011; *Der Spiegel* № 45 / 7.11.2011; *Süddeutsche Zeitung* (SZ). № 168 / 23./24.07.2011).

Основными методами, задействованными при проведении эмпирического исследования, являются методы контекстуального и дистрибутивного анализа, а также метод количественного анализа.

В качестве *гипотезы исследования* может служить предположение о том, что средства выражения будущего времени проявляют определенную «чувствительность» к тому или иному семантико-синтаксическому типу предложения. Следовательно, должны существовать тенденции и / или закономерности использования данных средств в составе придаточного предложения, которые могут быть выявлены в ходе эмпирического исследования.

Структурно-семантическая характеристика придаточного предложения

Сложноподчиненное предложение (далее СПП) является одной из разновидностей сложного предложения. Сложное предложение состоит, как известно, из двух или более предикативных основ [Немченко, 2011. С. 352], или предикативных частей, объединенных определенным видом синтаксической связи. Поскольку компоненты сложного предложения близки по своему строению к предложению, их также называют *элементарными предложениями* [Адмони, 1988. С. 177].

Подчинительная связь, представленная в СПП, обуславливает неравноправность входящих в него элементарных предложений, что позволило назвать одно из них – стержневое – главным предложением, а другое – зависимое – придаточным (см. [Гулыга, 1971. С. 6] и др.).

Впрочем, в немецкой традиции понятие «главное предложение» (*Hauptsatz*) применяется не только для обозначения стержневого компонента СПП, но и для именования простого предложения, а также – иногда – для обозначения элементарных предложений в составе сложносочиненного предложения [Duden, 2006. S. 1030; Glück, 2000. S. 269]. Этим термином могут обозначаться и сложные предложения в их целостности (*komplexer Hauptsatz*) [Pafel, 2011. S. 78]. Но даже применительно только к СПП это понятие оказывается безупречным. Его внутренняя форма указывает на ведущую роль данного типа элементарного предложения в составе СПП не только в формальном плане, но и в содержательном, что на самом деле не всегда имеет место. Немецким аналогом термина «придаточное предложение» является «*Nebensatz*». Однако внутренняя форма данного термина отсылает скорее к сочинению (*Nebenordnung*), чем к подчинению (*Unterordnung*), и таким образом не отражает сути понятия. Видимо, именно в этой связи оба термина подвергаются критике. Термин *Hauptsatz* иногда заменяется термином *Matrixsatz* «матричное предложение», а *Nebensatz* – термином *Konstituentensatz* «предложение-конституент» [Glück, 2000. S. 702]. С другой стороны, термин *Matrixsatz* может обозначать как главное, так и придаточное предложение – т. е. любое стержневое предложение, от которого зависит какое-либо придаточное предложение [Pittner, Berman, 2007. S. 97].

При построении классификации сложноподчиненных предложений лингвисты часто исходят из определенного *изоморфизма* в устройстве простого и сложноподчиненного предло-

жения, позволяющего приравнять функцию придаточного предложения к синтаксической функции члена простого предложения.

В отношении немецкого языка принято говорить о придаточных предложениях в функции:

а) члена предложения (Gliedsatz) – подлежащего, именной части сказуемого, дополнения и обстоятельства;

б) части именного члена предложения (Gliedteilsatz) – определения.

Особый статус имеют *присоединительные придаточные предложения* (weiterführende Nebensätze), не выполняющие функцию какого-либо члена предложения или его части (например, [Pittner, Berman, 2007. S. 99–100]).

Придаточные предложения в функции обстоятельства традиционно систематизируются далее в зависимости от выражаемой ими семантики. В данной статье будем использовать классификацию обстоятельственных предложений В. Г. Адмони [Admoni, 1986. S. 276–277], включающую придаточные предложения места (Lokalsätze), времени (Temporalsätze), способа действия (Modalsätze), причины (Kausalsätze), следствия (Konsekutivsätze), условия (Konditionalsätze), цели (Finalsätze), уступки (Konzessivsätze), сравнения (Komparativsätze) и ограничения (Restriktivsätze).

Сложность представляют собой с точки зрения синтаксического статуса предложения, имеющие подчинительный союз, но характеризующиеся нетипичным для придаточного предложения вторым местом сказуемого. Это предложения типа [Ich kaufe immer in Spanien ein], *weil da ist alles viel billiger*, рассматривающиеся в современной германистике либо как придаточные предложения [Thielmann, 2014. S. 67], либо как компоненты сложносочиненного предложения [Reis, 2013. S. 232]. Подобное употребление сказуемого наблюдается иногда и при использовании относительного местоимения в качестве средства связи: [Das Buch hat eine Seite], *die ist ganz schwarz* [Blühdorn, 2013. S. 211].

Неопределенный статус имеют и зависимые от предиката главного предложения предикативные структуры с глаголом на втором месте без союза. П. Ауэр рассматривает их как «зависимые главные предложения» (abhängige Hauptsätze) [Auer, 1998]: [Ich fürchte], *ich habe einen Fehler gemacht*. Отсутствие союза имеет обычно дискурсивно-прагматические причины. Бессоюзное придаточное предложение чаще содержит новую информацию, находящуюся в фокусе внимания [Auer, 1998. S. 293; Müller, 2012. S. 145; Weinert, 2012. P. 243]. Такие предложения стоят, как правило, после главного предложения, что согласуется с теорией о коммуникативном членении, согласно которой новая информация (рема) обычно находится в предложении после известной (темы).

Особенности функционирования языковых средств с футуральной семантикой в придаточном предложении

В создании футуральной семантики придаточного предложения в прямой речи текстов художественного (ХД) и публицистического (ПД) дискурса участвует значительный репертуар языковых средств грамматического и лексико-грамматического характера (табл. 1).

Наиболее высокой частотностью в придаточном предложении обоих дискурсов характеризуются грамматические формы презенса. Например: *Du stellst dich vor ihn, Thomas, das meine ich. Du siehst dafür ein, dass ihn keiner in deiner Klasse scheel ansieht, verstehst du?* (Hein, 49).

Dass sich die Lage nach der Abstimmung entspannt, ist ohnehin nicht zu erwarten (Spiegel, 44).

В ХД относительно часто встречались конструкции с модальными глаголами *wollen* и *können* в презенсе индикатива, например: *In der Pause kommst du zu mir, Bernhard, damit ich dich in das Klassenbuch eintragen kann* (Hein, 17).

Таблица 1

Языковые средства, актуализирующие семантику будущего времени
в придаточном предложении

Table 1

Linguistic means with future tense semantics in subordinate clause

Языковые средства	ХД		ПД	
	ед.	%	ед.	%
презентс индикатива	226	62,78	387	53,09
футур I индикатива	16	4,44	74	10,15
können (в презенсе индикатива) + инфинитив I	24	6,67	53	7,27
können (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I	5	1,39	30	4,12
sollen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	12	3,33	39	5,35
sollen (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I	4	1,11	17	2,34
müssen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	11	3,05	23	3,16
müssen (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I	–	0	2	0,27
dürfen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	2	0,56	6	0,82
dürfen (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I	–	0	6	0,82
mögen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	–	0	2	0,27
mögen (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I	5	1,39	–	0
wollen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	30	8,33	27	3,7
кондиционалис I	7	1,95	25	3,43
претерит конъюнктив	3	0,83	22	3,02
плюсквамперфект конъюнктив	–	0	1	0,14
перфект индикатива	10	2,78	7	0,96
haben + zu + инфинитив I	3	0,83	3	0,41
sein + zu + инфинитив I	1	0,28	2	0,27
lassen (в презенсе индикатива) + инфинитив I	1	0,28	3	0,41
Всего	360	100	729	100

В ПД довольно высокую частотность показали футур I, конструкции с модальными глаголами können и sollen в презенсе индикатива. Напр.: *Die Aktionäre halten künftig nur noch 0,8 % des Kapitals, während Hedgefonds mit mindestens 80 Prozent das Sagen haben werden* (FAZ, 14) или: *Umfragen von Forsa ergaben, dass 25 Prozent der Privatanleger künftig in Immobilien investieren wollen* (Spiegel, 50).

Роль остальных средств в создании футуральной семантики придаточного предложения менее существенная, а в ряде случаев – маргинальная. Нечастотность использования отдельных языковых средств объясняется, как правило, спецификой / узостью их значения, а также их большей востребованностью не в области футуральности (например, mögen (в презенсе индикатива) + инфинитив I или müssen (в претерите конъюнктив.) + инфинитив I, плюсквамперфект конъюнктив).

Доля СПП со средствами выражения футуральной семантики в текстах ПД приблизительно в два раза больше, чем в ХД. Причина тому – специфика текстов прессы, их письменная форма, в отличие от устной формы прототипа диалогической речи, представленной в художественном произведении. Письменная форма речи характеризуется, как известно, более сложным синтаксисом. Ожидаемо в этой связи более частое использование в ней СПП, нежели в устной форме речи.

В ХД наиболее значимый тип придаточного предложения с футуральной семантикой – придаточное условное, вторым по частотности идет придаточное объектное, третьим – придаточное времени, четвертое место у придаточного атрибутивного, пятое у придаточного субъектного, шестое у придаточного цели. В ПД на первом месте – придаточное атрибутивное, на втором – придаточное объектное, на третьем – придаточное условия, на четвертом – придаточное субъектное, пятое место у придаточного времени, шестое у придаточного цели. Остальные типы придаточного предложения оказались менее частотными в обоих дискурсах.

Частота использования языковых средств с семантикой будущего времени в различных типах придаточного предложения может существенно варьироваться (табл. 2).

Начнем анализ особенностей использования языковых средств, актуализирующих футуральную семантику в придаточном предложении, с форм *презенс* и *футура I* – основных грамматических маркеров будущего времени в немецком языке:

Презенс: «*Wenn Sie diesen Wahnsinn nicht aufgeben, werden Sie und Ihre Familie dafür büßen*», zitierte er (Noll, 147).

Футур I: *Es wird in Leipzig jedenfalls keinen Beschluss geben, der Hessen dazu veranlassen wird, seine Schulpolitik zu ändern* (Spiegel, 31).

Презенс встретился в наибольшем количестве типов придаточных предложений. Можно утверждать, что он обладает определенной предрасположенностью к употреблению в придаточном предложении. Доля футура I в придаточном предложении значительно меньше. Ограничен в сравнении с презенсом и круг типов придаточных, особенно в прямой речи ХД. Вместе с тем в ПД футур I фиксировался в придаточном предложении чаще, чем в ХД, и в большем количестве типов придаточных. Это обстоятельство свидетельствует о предпочтительном употреблении футура в письменной речи, нежели в устной речи.

В отличие от презенса, использование футура I в придаточном предложении сопряжено с ограничениями. Футур I не встречается в придаточном цели, в котором для выражения футуральной перспективы часто употребляется презенс: *...Aber diese Steuer wird immer wieder erwähnt, und **damit** man einfach mal versteht, wum's da geht, versuchen wir, Ihnen das in einer Minute zu erklären* (Spiegel, 173).

В придаточных предложениях цели выражается следование действия за действием главного предложения. При этом в главном предложении эксплицируются намерение, побуждение или каузация будущей ситуации, и обычно используются глаголы, обозначающие активное, контролируемое действие (votieren, erklären, tun и др.): *Ich sehe auf dieses Bild und schwöre, dass ich alles in meiner Macht stehende **tun** werde, damit so etwas nie wieder passiert* (Spiegel 111). В этой связи использование футура I в придаточном предложении цели оказывается избыточным.

Семантикой следования характеризуется и конзекутивное предложение. В нем футур I также встречается редко. В нашем эмпирическом материале был зафиксирован лишь один пример с данной формой: *Er distanziert sich so nachhaltig von der SPD, **dass** dieser Partei wahrscheinlich nichts anderes übrigbleiben wird, als ihn zum Kanzlerkandidaten zu machen* (SZ, V2, 2).

Крайне редкое использование формы футура I наблюдается в придаточных времени и в условных придаточных предложениях. Реже всего сочетаются с данной формой темпоральные придаточные с союзами *ehe*, *bevor*, *bis*, имеющие семантику следования. Обычно в них встречается презенс: *Der Bombenbau soll so lange aufgehoben werden, **bis** das Regime in Teheran gestürzt ist* (Spiegel, 112).

Футур I не был зафиксирован в нашем материале в придаточных предложениях условия. В них также преимущественно употребляется форма презенса: *Es wirft kein gutes Licht auf die „Wutbürger“ von Baden-Württemberg, **wenn** die „Stuttgart 21“ – Gegner sich jetzt in die Schmollecke zurückziehen* (FAZ, 2).

Таблица 2

Употребление языковых средств с семантикой будущего времени
в зависимости от типа придаточного предложения

Table 2

Usage of the linguistic means with future tense semantics
depending on the type of subordinate clause

Языковые средства	ХД	ПД
презенс индикатива	ПС-12, ПО-60, ПА-11, ПК-3, ПУ-94, ПТ-39, ПЦ-4, ПП-3	ПС-57, ПО-78, ПА-75, ППр-4, ПК-5, ПУ-87, ПТ-40, ПЦ-24, ПП-7, ПОД-1, ПУст-7, ПСр-2
футур I индикатива	ПО-12, ПА-4	ПС-13, ПО-25, ПА-27, ППр-1, ПК-1, ПУ-3, ПТ-3, ПОД-1
können (в презенсе индикатива) + инф. I	ПС-1, ПО-7, ПА-2, ПЦ-5, ПУ-6, ПТ-1, ПП-1, ПУ-1	ПС-9, ПО-12, ПА-15, ППр-2, ПЦ-6, ПУ-3, ПТ-2, ПК-2, ПУ-2
können (в претерите конъюнктива) + инф. I	ПО-3, ПА-2	ПС-3, ПО-7, ПА-15, ППр-2, ПУ-2, ПП-1
sollen (в презенсе индикатива) + инф. I	ПО-9, ПА-2, ПУ-1	ПС-5, ПО-11, ПА-19, ПМ-1, ПУ-2, ПП-1
sollen (в претерите конъюнктива) + инф. I	ПО-1, ПА-1, ПУ-1, ПУст-1	ПС-2, ПА-1, ПУ-14
müssen (в презенсе индикатива) + инф. I	ПО-6, ПА-3, ПУ-2	ПС-3, ПО-6, ПА-9, ППр-1, ПУ-3, ПУст-1
müssen (в претерите конъюнктива) + инф. I	–	ПК-1, ПОД-1
dürfen (в презенсе индикатива) + инф. I	ПО-2	ПО-4, ПА-2
dürfen (в претерите конъюнктива) + инф. I	–	ПО-2, ПА-3, ПТ-1
mögen (в презенсе индикатива) + инф. I	–	ПО-1, ПЦ-1
mögen (в претерите конъюнктива) + инф. I	ПА-2, ПУ-3	–
wollen (в презенсе индикатива) + инф. I	ПС-1, ПО-9, ПА-2, ПУ-18	ПС-5, ПО-5, ПА-13, ПУ-4
кондиционалис I	ПО-2, ПК-1, ПУ-4	ПС-5, ПО-8, ПА-5, ППр-1, ПК-1, ПУ-4, ПП-1
претерит конъюнктива	ПУ-3	ПО-1, ПА-3, ПУ-15, ПОД-1, ПУст-1, ПТ-1
плюсquamперфект конъюнктива	–	ПС-1
перфект индикатива	ПУ-2, ПТ-7, ПУст-1	ПУ-2, ПТ-3, ПП-1, ПЦ-1
haben + zu + инф. I	ПС-1, ПО-1, ПУ-1	ПС-1, ПА-2
sein + zu + инф. I	ПУ-1	ПО-1 ПА-1
lassen + инф. I	ПУ-1	ПО-2, ПА-1

Примечание: ПС – придаточное субъектное, ПО – придаточное объектное, ПА – придаточное атрибутивное, ППр – придаточное предикативное, ПК – придаточное консеквентное (= придаточное следствия), ПУ – придаточное условия, ПТ – придаточное темпоральное (= придаточное времени), ПЦ – придаточное цели, ПП – придаточное причины, ПУст – придаточное уступки, ПОД – придаточное образа действия, ПСр – придаточное сравнения, ПМ – придаточное места.

Придаточные предложения условного типа могут создавать футуральный контекст для всего СПП, особенно если в них представлен предельный глагол в презенсе, обозначающий единичное действие. Поскольку условие всегда предшествует следствию, действие придаточного предложения, относясь к будущему (благодаря предельности и единичности), относится в область будущего времени и действие главного предложения.

При описании сложного предложения с условной семантикой наряду с терминами *условие* (выражено в зависимой части СПП) и *следствие* (выражено в главной части) используются также термины *Antezedens* и *Konsequens* [Bülow, Schamberger, 2013. S. 280] или заимствованные из античной риторики греческие термины *protasis* и *apodosis* (см., например, [Pittner, 2011]). Принято также говорить о реальных и ирреальных условных предложениях, в зависимости от того, какое наклонение в них используется – индикатив или конъюнктив [Glück, 2000. S. 362; Kotin, 2013. S. 415]. Встречается, однако, и точка зрения, согласно которой любые условные предложения, в том числе и с индикативом, следует считать нереальными [Eisenberg, 2006. S. 116]. Причиной противоречивого толкования условных предложений следует считать их промежуточное положение между повествовательным и вопросительным предложением [Onea, 2015. S. 106]. Генетическая связь условных предложений с вопросительными наблюдается во многих языках мира [Ibid. S. 117]. Известно, что наиболее часто употребляемый в условном значении немецкий союз *wenn* восходит к вопросительному слову *wann* [Kotin, 2013. S. 421; Pittner, 2011. S. 80]. Кроме того, союз *ob* первоначально регулярно использовался для введения условных предложений [Bücking, 2015. S. 267]. Данные особенности семантики условных предложений свидетельствуют об их темпоральном потенциале, согласующемся с семантикой будущего. Не случайно именно СПП с придаточными условиями оказались одними из наиболее частотных типов предложений, актуализирующих семантику будущего.

Меньшая степень ограниченности в использовании футура I обнаруживается в придаточных предложениях обстоятельственного типа, не связанных с семантикой следования, таких как придаточные уступки, образа действия, причины, сравнения, места. Например:

*Es wird für sie erheblich billiger, **zumal** auch die anderen Staaten, die über ihre Verhältnisse gelebt haben, den Ernst der Lage begreifen und endlich versuchen werden, sich zu retten* (Spiegel, 25) – придаточное предложение причины.

Впрочем, высокой частотностью данная временная форма не отличается и в этих типах предложений.

С другой стороны, в придаточных субъектного, предикативного, объектного и атрибутивного типов возможно употребление как презенса, так и футура I, и можно говорить о полноценной конкуренции данных форм при выражении будущего, например:

*Familienrechtler wie der Bielefelder Anwalt Georg Rixe erwarten, **dass** der BGH nun Aufklärung gebietet* (Spiegel, 45).

*Und es spricht vieles dafür, **dass** auch nach dem jüngsten G-20-Treffen so bleiben wird* (Spiegel, 22).

Исключением являются придаточные предложения, зависящие от глаголов-сказуемых воликативного типа, таких как *wollen*, *verlangen*, *versprechen*, *befehlen* и некоторых др. Глаголы воликативного типа всегда локализуют действие придаточного предложения в будущем. Употребление в придаточных предложениях данного типа форм футура I исключено:

*Malzacher **besteht darauf, dass** ihr euch übermorgen seht. Das ganze Projekt wackelt!..* (Kehlmann, 16).

*Ich **will, dass** die Union insgesamt Erfolg hat, im Bund und in den Ländern* (Spiegel, 31).

Аналогичный эффект может оказывать сказуемое главного предложения в императиве или в вежливой императивной форме: ***Achten Sie bitte darauf, dass** er immer genügend trinkt* (Noll, 34).

Если придаточное в функции дополнения вводится другими глаголами, например, ментального типа: *glauben*, *hoffen*, *wissen*, *bezweifeln*, *annehmen*, способными локализовать дейст-

вие как в будущем, так и в настоящем и в прошлом, употребление футура I не только не исключается, но в ряде случаев (например, когда контекстуальные факторы не способствуют однозначной интерпретации временной семантики глагольной формы) оказывается предпочтительным: *Glauben die Experten an den Devisenmärkten ernsthaft, dass das neueste „umfassende Rettungspaket“ der Regierungen für den Euro länger als ein paar Monate Bestand haben wird?* (Spiegel, 24).

Еще одной функцией, способствующей выбору футура I вместо презенса, является акцентирование внимания на точке зрения говорящего лица, на его мнении: ... *Sie können sich auch sicher sein, dass ich mich auf dem Parteitag einmischen werde* (Spiegel 30).

Оценивая факторы конкуренции презенса и футура I в придаточном предложении, следует отметить, что презенс предпочтителен для данного типа предложения при наличии футурального – вербального или ситуативного – контекста, футур I – когда он оказывается единственным маркером будущего времени, либо когда необходимо акцентировать внимание на предстоящем событии и на отношении к нему говорящего.

Высокую частотность в СПП имеют *модальные глаголы*. Все модальные глаголы могут актуализировать семантику будущего времени при использовании в презенсе. Эта возможность обусловлена особенностями их модального значения. Известно, что модальные глаголы могут иметь эпистемическое и неэпистемическое (деонтическое) употребление (см., например, [Abraham, 2013. S. 388]). Неэпистемическое употребление является первичным, оно проявляется при реализации значений *возможности, необходимости, желания* и ингерентно связано с проспективно-волеитивной семантикой [Боднарук, 2018. С. 39]. Эпистемическое значение вторично, не связано напрямую с выражением какой-то определенной временной перспективы, оно характеризует полноту знаний говорящего о событии, представленном в пропозиции, и согласуется с разными отрезками времени (прошлым, настоящим и будущим).

Модальные глаголы в первичной функции могут быть использованы в придаточном предложении для актуализации семантики будущего без каких-либо ограничений. Более того, некоторые из них обнаруживают предрасположенность к определенному типу придаточного предложения. Так, *können* в презенсе индикатива довольно часто используется в придаточном предложении цели, эксплицируя семантику потенциальной возможности: *Wir müssen wieder kreditwürdig sein, politisch und finanziell, damit wir unseren Partnern auf Augenhöhe begegnen können* (Spiegel, 104).

К условному придаточному предложению тяготеет глагол *sollen* в форме претерита. Употребляясь для выражения условия в будущем времени, он в значительной степени уподобляется грамматическим формам будущего времени: *Und sollte mich ein oppositionelles Politikprogramm begeistern, wechsele ich auch da die Seiten* (Spiegel, 116).

Модальные глаголы во вторичной функции сочетаются обычно с третьим грамматическим лицом. В этой функции они не имеют выраженной футуральной семантики, но могут приобретать ее в контексте. В придаточной части предложения модальные глаголы *können, dürfen, müssen* выражают предположение о будущем обычно в форме претерита конъюнктива. В этой связи примечательно отсутствие в ХД нашего эмпирического материала модальных глаголов *müssen* и *dürfen*, и лишь незначительное количество примеров с глаголом *können* в претерите конъюнктива в составе придаточного предложения. В текстах ПД доля названных глаголов в форме претерита конъюнктива значительно выше, поскольку в них чаще выражается предположение о будущем:

In Washington erwarten zurzeit nicht wenige hitzige Szenen – natürliche wegen der Verhandlungen über die US-Schuldengrenze, die an diesem Wochenende ihren Siedepunkt erreichen dürften (SZ, 12).

Модальные глаголы *sollen* и *wollen* часто выражают при употреблении в презенсе индикатива наряду со значением будущего времени значение эвиденциальности. Под эвиденциальностью понимается «отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [Козин-

цева, 1994. С. 92]. Наличие большого многообразия источников и способов получения информации побуждает лингвистов выстраивать шкалу подтипов данного значения (см., например: [Aikhenvald, 2018. Р. 12]). Одним из таких значений является значение пересказываемости, свойственное глаголам *sollen* и *wollen*. Глагол *sollen* передает речь другого лица или лиц; автор(ы) передаваемого высказывания при этом не конкретизируются. Глагол *wollen* передает речь лица, являющегося в предложении подлежащим, обычно относительного самого себя. Использование *sollen* и *wollen* в эвиденциальном значении в составе придаточного предложения характерно для публицистического дискурса, в котором в большей степени представлены высказывания со ссылкой на источник информации:

Besonders aber empört es ihn, dass ausgerechnet bei Rivoxaban jede Pille eine ganze Tagesdosis enthalten soll, obwohl die Wirkung schon nach sieben bis elf Stunden nachzulassen beginnt (Spiegel, 159).

Was sie gleichermaßen anzieht, sind die 52 ostdeutschen Bahnhöfe, die Karhausen versteigern will (SZ, 34).

Конструкции *haben + zu + инфинитив*, *sein + zu + инфинитив*, а также *lassen + инфинитив* – это функциональные синонимы модальных глаголов, но только в первичной функции последних. В этой связи они – так же как и модальные глаголы – способны актуализировать значение будущего времени. В ХД и ПД они были зафиксированы в придаточных предложениях субъектного, объектного, атрибутивного и условного типов:

Die Frühindikatoren deuteten darauf hin, dass auch im weiteren Jahresverlauf mit einem flacheren Wachstumspfad zu rechnen ist (SZ, 25).

Ich will sich allein sprechen. Was ich zu sagen habe, ist nicht für deine Sylvie bestimmt. (Hein, 142).

Er warnt schon seit über zehn Jahren vor Iran, er glaubt nicht, dass sich mit Dagans Schattenkrieg allein die Bombe verhindern lässt (Spiegel, 112).

Претерит конъюнктива и кондиционалис I реализуют в прямой речи наряду с семантикой будущего времени чаще всего значение потенциальности, реже ирреальности. Обе формы нередко используются вместе, демонстрируя признаки конкуренции, аналогичной конкуренции между футуром I и презенсом. Между парами существует ряд сходств структурно-семантического плана. Так, кондиционалис I (как и футур I) имеет аналитическое строение, а претерит (как презенс) – синтетическое. У кондиционалиса I сильно выражена футуральная семантика, в то время как у претерита она актуализируется в определенных условиях контекста.

В ХД обе формы используются главным образом в условном придаточном:

Sie will sich verloben ... Und so richtig mit Ringen und Familienfeier. Wenn ich damit zu Hause ankäme, meine Eltern würden ausrasten, glaube ich (Hein, 136).

Wieso? Hast du einen Polizisten stehlen sehen? Hast du irgendjemandem so etwas erzählt? Ich nicht. Ich hätte alles abstreiten müssen, und das wäre dann sogar die Wahrheit.» «Trotzdem, ein armes Schwein. Wenn er uns in die Finger kriegen würde, ich glaube, da gibt es eine Abreibung für uns. (Hein, 186).

Кондиционалис I употребляется и для выражения предположения говорящего, как, например, в следующем бессоюзном придаточном объектном: *Und wenn man Treppen hochgeht oder auf einer Mauer entlang-, ich glaube, ich würde sterben* (Hein, 115).

В ПД претерит конъюнктива также тяготеет преимущественно к условному придаточному: *Wenn Skandale wie bei der HRE passierten, würden er und seine Kollegen von den Kunden nicht mehr ernst genommen* (Spiegel, 90).

При этом он чаще кондиционалиса I употребляется для выражения ирреального будущего: *Wenn im Herbst Bundestagswahlen wären, sähe es schlecht aus für Merkel und die CDU/CSU, für die FDP sowieso* (SZ, 4).

Кондиционалис I, в свою очередь, более частотен в ПД при выражении разного рода предположений: *Die Kosten eines Ausstiegs für ein kleines Land wie Griechenland wären unan-*

nehmbar hoch, weil das Land über Nacht den Zugang zu den internationalen Kapitalmärkten verlieren würde (Spiegel, 132).

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от футура I, кондиционалис I довольно частотен в условном придаточном предложении. Данное обстоятельство объясняется исторически [Glück, 2000. S. 36]. Даже внутренняя форма этого термина указывает на возможность его употребления для выражения условия. Впрочем, сегодня кондиционалис I существенно расширил сферу использования и может быть употреблен для передачи предстоящего действия в косвенной и несобственно-прямой речи, для выражения вежливого желания, предположения и в некоторых других значениях [Боднарук, 2016]. По-видимому, в том числе по этой причине его доля в придаточном предложении условия в нашем корпусе примеров оказалась ниже доли претерита конъюнктива.

К употреблению в придаточном предложении тяготеет *перфект*. Семантика перфекта – завершенное будущее, предшествующее другому действию в будущем – располагает к его использованию в данном типе предложения. В нашем эмпирическом материале перфект встречается главным образом в придаточном предложении времени и условия, в единичных случаях в других типах предложения (уступки, причины, цели): *Na schön, Bürger. Ein paar Auskünfte brauche ich von Ihnen. Und später, wenn wir die Brandstelle untersucht haben, wird es sicher noch ein paar Fragen an Sie geben* (Hein, 41).

Для актуализации семантики будущего времени в редких случаях может использоваться и *плюсквамперфект конъюнктива*. Основным назначением данной формы является выражение ирреальности, относящейся к прошлому. Но не исключено и употребление в потенциальном или ирреальном значении, относящемся к будущему: *Es gibt keine Führungskraft. Diejenigen, die damit hätten dienen können, wollen nicht* (FAZ, 2).

Плюсквамперфект конъюнктива отличается от претерита конъюнктива и кондиционалиса I в сфере будущего времени в первую очередь в аспектуальном плане, т. е. обязательным наличием семы «завершенность».

Заключение

В придаточном предложении представлено значительное разнообразие языковых средств грамматического (презенс индикатива, футур индикатива, перфект индикатива, претерит конъюнктива и плюсквамперфект конъюнктива) и лексико-грамматического характера (конструкции с модальными глаголами, конструкции *haben / sein + zu + инфинитив*, *lassen + инфинитив*), эксплицирующих футуральную семантику. Данные средства обнаруживают разную частотность, а в ряде случаев и определенные предпочтения либо, наоборот, непереносимость некоторых типов придаточных предложений. Более половины всех случаев употребления в каждом дискурсе составили формы футурального презенса, встретившиеся в большинстве типов придаточных предложений. Ограничения в использовании демонстрировал футур I. Он неупотребителен в придаточных, однозначно указывающих на значение следования (цели, условия, времени, конзекутивности), а также в придаточных предложениях, зависимых от глаголов с волитивной семантикой. Вместе с тем доля футура I увеличивается, если требуется создать, поддержать либо подчеркнуть будущность действия. Высокую частотность при актуализации семантики будущего времени в придаточном предложении показали модальные глаголы. У некоторых модальных глаголов отмечается предрасположенность к определенному типу предложения (так, *können* в форме презенса индикатива часто встречается в придаточном цели, *sollen* в претерите – в придаточном условия). Главным образом в придаточном предложении условия использовался футуральный претерит конъюнктива. Преимущественно в придаточном предложении времени и условия встретился футуральный перфект. Придаточные предложения условия, времени и цели, наряду с придаточными атрибутивными, объектными и субъектными, оказались и наиболее значимыми типами предложений, в которых была актуализирована семантика будущего времени. В целом сле-

дует констатировать, что структурно-семантические характеристики придаточного предложения действительно демонстрируют определенную избирательность в вопросе сочетаемости с языковыми единицами, актуализирующими семантику будущего времени в немецком языке, блокируя либо, наоборот, отдавая предпочтение тому или иному языковому средству.

Список литературы

- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 239 с.
- Боднарук Е. В. Würde + инфинитив: между индикативом и конъюнктивом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 2. С. 47–50.
- Боднарук Е. В. Будущее время и средства его экспликации в немецком языке // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2018. № 53. С. 32–47. DOI 10.17223/19986645/53/3
- Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высш. шк., 1971. 206 с.
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Немченко В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2011. 592 с.
- Abraham, W. Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation. In: Funktionen von Modalität. Berlin, Boston, De Gruyter, 2013, S. 25–76.
- Admoni, W. Der deutsche Sprachbau. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 336 p.
- Aikhenvald, A. Y. Evidentiality: The Basics. In: The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford, University Press, 2018, p. 1–37.
- Auer, P. Zwischen Parataxe und Hypotaxe: „abhängige Hauptsätze“ im Gesprochenen und Geschriebenen Deutsch. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 1998, Bd. 26 (3), S. 284–307.
- Blühdorn, H. Syntaktische Nebensatzklassen im Deutschen. *Deutsche Sprache*, 2013, Bd. 41 (3), S. 193–219.
- Bücking, S. Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2015, Bd. 43 (2), S. 261–305. DOI 10.1515/zgl-2015-0012
- Bülow, L., Schamberger, Ch. Die Logik indikativischer wenn-Sätze. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2013, Bd. 41 (2), S. 277–298. DOI 10.1515/zgl-2013-0015
- Duden. Die Grammatik. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006, 1343 S.
- Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz. Stuttgart; Weimar, J. B. Metzler, 2006, 564 S.
- Glück, H. Metzler-Lexikon Sprache. Stuttgart; Weimar, Metzler, 2000, 817 S.
- Kotin, M. L. Die wenn-dann-Hypotaxe aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2013, Bd. 41 (3), S. 413–442. DOI 10.1515/zgl-2013-0023
- Müller, S. Diskurssemantische Beschränkung der Fragebildung: [+w]-Extraktionen aus dass-Komplementsätzen im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2012, Bd. 31 (1), S. 101–151. DOI 10.1515/zfs-2012-0003
- Onea, E. Wenn-Sätze als propositionale Argumente. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2015, Bd. 34 (1), S. 79–124. DOI 10.1515/zfs-2015-0003
- Pafel, J. Einführung in die Syntax: Grundlagen – Strukturen – Theorien. Stuttgart, Weimar, J. B. Metzler Verlag, 2011, 264 S.
- Pittner, K. Anmerkungen zur (Un)Integriertheit von Konditionalsätzen mit Verberststellung. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2011, Bd. 30 (1), S. 75–105. DOI 10.1515/ZFSW.2011.003
- Pittner, K., Berman, J. Deutsche Syntax. Tübingen, Narr, 2007, 200 S.

- Reis M.** „Weil-V2“-Sätze und (k)ein Ende? Anmerkungen zur Analyse von Antomo & Steinbach (2010). *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2013, Bd. 32 (2), S. 221–262. DOI 10.1515/zfs-2013-0008
- Thielmann, W.** *Weil* – zur Funktionalität eines „kausalen“ Ausdrucks. *Deutsche Sprache*, 2014, Bd. 42 (1), S. 65–77.
- Weinert, R.** Complement clauses in spoken German and English: Syntax, deixis, and discourse-pragmatics. *Folia Linguistica*, 2012, vol. 46 (1), p. 233–265. DOI 10.1515/flin.2012.8

References

- Abraham, W.** Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation. In: *Funktionen von Modalität*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2013, S. 25–76.
- Admoni, V. G.** Grammatical structure as a construction system and the general theory of grammar. Leningrad, Nauka, 1998, 239 p. (in Russ.)
- Admoni, W.** Der deutsche Sprachbau. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 336 p.
- Aikhenvald, A. Y.** Evidentiality: The Basics. In: *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford, University Press, 2018, p. 1–37.
- Auer, P.** Zwischen Parataxe und Hypotaxe: „abhängige Hauptsätze“ im Gesprochenen und Geschriebenen Deutsch. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 1998, Bd. 26 (3), S. 284–307.
- Blühdorn, H.** Syntaktische Nebensatzklassen im Deutschen. *Deutsche Sprache*, 2013, Bd. 41 (3), S. 193–219.
- Bodnaruk, E. V.** Future time reference and the means of its explication in the German language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 53, p. 32–47. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/53/3
- Bodnaruk, E. V.** Würde + infinitive: between indicative and conjunctive. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2016, no. 3 (57), section 2, p. 47–50. (in Russ.)
- Bücking, S.** Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2015, Bd. 43 (2), S. 261–305. DOI 10.1515/zgl-2015-0012
- Bülow, L., Schamberger, Ch.** Die Logik indikativischer *wenn*-Sätze. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2013, Bd. 41 (2), S. 277–298. DOI 10.1515/zgl-2013-0015
- Duden.** Die Grammatik. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006, 1343 S.
- Eisenberg, P.** Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz. Stuttgart; Weimar, J. B. Metzler, 2006, 564 S.
- Glück, H.** Metzler-Lexikon Sprache. Stuttgart; Weimar, Metzler, 2000, 817 S.
- Gulyga, E. V.** Theory of the complex sentence in the modern German language. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 206 p. (in Russ.)
- Kotin, M. L.** Die *wenn-dann*-Hypotaxe aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2013, Bd. 41 (3), S. 413–442. DOI 10.1515/zgl-2013-0023
- Kozintseva, N. A.** Category of evidentiality. *Voprosy yazykoznaniya*, 1994, no. 3, p. 92–104. (in Russ.)
- Müller, S.** Diskurssemantische Beschränkung der Fragebildung: [+w]-Extraktionen aus *dass*-Komplementsätzen im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2012, Bd. 31 (1), S. 101–151. DOI 10.1515/zfs-2012-0003
- Nemchenko, V. N.** Grammatical terminology: a reference dictionary. Moscow, Flinta: Nauka, 2011, 592 p. (in Russ.)
- Onea, E.** *Wenn*-Sätze als propositionale Argumente. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2015, Bd. 34 (1), S. 79–124. DOI 10.1515/zfs-2015-0003

- Pafel, J.** Einführung in die Syntax: Grundlagen – Strukturen – Theorien. Stuttgart, Weimar, J. B. Metzler Verlag, 2011, 264 S.
- Pittner, K.** Anmerkungen zur (Un)Integriertheit von Konditionalsätzen mit Verberststellung. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2011, Bd. 30 (1), S. 75–105. DOI 10.1515/ZFSW.2011.003
- Pittner, K., Berman, J.** Deutsche Syntax. Tübingen, Narr, 2007, 200 S.
- Reis M.** „Weil-V2“-Sätze und (k)ein Ende? Anmerkungen zur Analyse von Antomo & Steinbach (2010). *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2013, Bd. 32 (2), S. 221–262. DOI 10.1515/zfs-2013-0008
- Thielmann, W.** Weil – zur Funktionalität eines „kausalen“ Ausdrucks. *Deutsche Sprache*, 2014, Bd. 42 (1), S. 65–77.
- Weinert, R.** Complement clauses in spoken German and English: Syntax, deixis, and discourse-pragmatics. *Folia Linguistica*, 2012, vol. 46 (1), p. 233–265. DOI 10.1515/flin.2012.8

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

18.02.2019

Информация об авторе / Information about the Author

Боднарук Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163000, Россия)

Elena V. Bodnaruk, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17 Severnoj Dviny Emb., Arkhangelsk, 163000, Russian Federation)

e.bodnaruk@narfu.ru

ORCID 0000-0003-4405-4513

Письменность языка меннонитов Plautdietsch

Е. А. Либерт

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья поднимает вопросы фиксации языка меннонитов *Plautdietsch* (плотдич), использующегося почти исключительно в устном общении и не имеющего еще устойчивой письменной нормы. Его носители проживают по всему миру: в Канаде, Германии и России, в частности, в Сибири, и в отсутствие тесных связей между ними везде складываются свои письменные традиции этого языка. Кроме того, проблемы с его фиксацией неизбежно вызывают сложный вокализм и высокая вариативность при произношении ряда гласных и дифтонгов. Статья представляет краткий обзор имеющихся на данный момент форм записи плотдич, принятых в Канаде, Германии и России, часть которых ориентирована на немецкую орфографию. Другие, наоборот, отходят от нее, используя необычные буквосочетания, удвоения согласных, отказываясь от написания существительных с большой буквы или от использования умлаутов для технического удобства. Известны разработки отдельных германистов, пытавшихся обосновать свой способ отображения этого языка на письме. В качестве примера приводятся пробы лингвиста из Новосибирска И. А. Канакина (1940–2018), находящиеся в личном архиве автора статьи.

Обосновывается принцип записи в связи с реализацией проекта – небольшого детского пособия для чтения на этом языке, которое будет адресовано детям, владеющим плотдич как родными и повсеместно изучающим в школе литературный немецкий язык. Поэтому для детского пособия наиболее адекватным кажется использовать ту форму записи, которая близка к немецкой орфографии и принята на сегодняшний день в Германии.

Ключевые слова

язык меннонитов Plautdietsch, нижненемецкий, вокализм, принципы языковой фиксации, орфография

Для цитирования

Либерт Е. А. Письменность языка меннонитов Plautdietsch // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 32–41. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-32-41

How to write in Plautdietsch?

E. A. Liebert

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article raises issues related to written fixation of the oral Mennonite language called Plautdietsch. The Mennonites – members of one of the Protestant churches, established first in Holland and northern Germany – changed their place of residence over the centuries. The Mennonite language emerged in Prussia and later in Ukraine, where their large colonies had lived. Being a striking feature of this specific ethno-confessional community, Plautdietsch was and still is used almost exclusively in oral communication and does not have any established written standard. The phonology of Plautdietsch may be identified, in general, as Low German, although there is a number of significant phonological features are not characteristic of Low German area. Now the Plautdietsch native speakers live all over the world: in Canada, Germany, Russia, in particular, in Siberia, where their own, yet unstable, written standard of the language is being formed. One of the main problems concerning its fixation is caused by the complicated vocalism

and high instability observed in the pronunciation of many vowels and diphthongs, the main source of difficulties preventing elaboration of the means for writing.

In this paper, we focus on these unstable features of the vocal system. It provides a brief overview of currently available written samples of Plautdietsch, produced in Canada, Germany, and Russia. Some of them are based on the Latin alphabet and norms of the German spelling. Others, on the contrary, depart from it, using specific letter combinations, unknown earlier, introducing geminates (double consonants), refusing to spell nouns with a capital letter or to use umlauts (for technical convenience). Developments and tentative approaches of some Germanists from Russia who introduced their own ways of writing Plautdietsch in their research papers are presented. As an illustration, the samples of such a graphic system, elaborated by the linguist from Novosibirsk I. A. Kanakin (1940–2018), are given. They were not published and are kept in the personal archive of the author of the article.

Our own principle of writing is presented too, and this as a part of the project implementation – compiling and publishing a small handbook for reading in this language, which is addressed to children, whose native language is Plautdietsch and who study literary German at school. Taking this into account, the most appropriate ad-hoc solution seems to use a form of writing that is close to German spelling and is accepted today in Germany.

Keywords

Plautdietsch, Mennonites, Low German, vocalism, orthography

For citation

Liebert, Ekaterina A. How to Write in Plautdietsch? *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 32–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-32-41

Язык меннонитов *Plautdietsch* и его носители

Одним из миноритарных языковых образований Сибири является язык меннонитов плотдич (*Plautdietsch*), выступающий яркой чертой их этнической идентичности. Выходцы из Голландии и северных земель Германии, приверженцы одной из наиболее старых протестантских церквей, меннониты в XVI–XVII вв. селились на территории Пруссии (берега Вислы), где в первые годы своего пребывания там пользовались Библией на голландском языке. Вместе с тем проповеди велись как на голландском, так и на нижненемецком [Penner et al., 1984. S. 77], который стал, однако, постепенно вытеснять голландский, осуществлялся переход на немецкоязычные тексты. Язык, на котором прусские меннониты общались в семейном кругу и который может быть обозначен как предшественник современного плотдич, существовал в этот период исключительно в устной форме. Школьное преподавание и интенсивная религиозная жизнь в общине – проповеди и пение в молельном доме – проходили на *Hochdeutsch* (литературном немецком), которым все владели безупречно, на нем же в семьях велись родословные. Вся необходимая переписка и документооборот того времени (например, акты о рождении и браках) также писали исключительно на литературном немецком. Следует отметить, что меннонитам всегда был свойственен высокий уровень грамотности.

В 1789 г. первая группа меннонитов основывает поселение на реке Хортица (Днепр, Украина), несколькими годами позже недалеко от первого возникло второе поселение. Именно здесь, в условиях иноязычного окружения и вдалеке от каких-либо материнских говоров и диалектов Германии окончательно складывается особый язык меннонитов, самоназвание которого *Plautdietsch* (плотдич) [Kanakin, Wall, 1994. S. 2; Nieuwebouwer, 1998. S. 2].

В XVIII в. началась миграция меннонитов в Канаду и в страны Южной Америки, которая продолжилась и в начале XX в. В Канаде плотдич оказался в контакте с английским (преимущественно провинция Манитоба), в странах Южной и Центрально Америки – с испанским языком (Парагвай, Мексика, Белиз).

В Сибири первые меннониты появились в начале XX в. Целый ряд сел и деревень Омской области, Алтайского края, по традиции причисляемые отечественными германистами к нижненемецким, были основаны меннонитами¹. Во многих из них по-прежнему большой процент населения – потомки тех самых первых переселенцев, представители особой этно-

¹ Репрезентативны для Сибири населенные пункты Омской области – Солнцевка, Миролубовка, Аполлоновка; Алтайского края – Протасово, Полевое, Редкая Дубрава; Новосибирской области – Неудачино.

конфессиональной группы, которая по ряду причин уже вряд ли может классифицироваться как «языковой остров» [Stölting-Richert, 1994. S. 190]. Примечательно то, что и в XXI в. меннониты сохраняют свой религиозный уклад и особый язык, который используется преимущественно в быту и почти исключительно в устной форме².

Особенности вокализма Plautdietsch

Несмотря на то что плотдич в целом имеет нижненемецкую базу, он располагает целым рядом ярких фонологических особенностей, которые не находят аналогов в нижненемецком звуковом ареале [Quiring, 1928. S. 42; Tolsdorf, 1985. S. 327–328], при этом наиболее значимыми для нас здесь будут особенности вокализма.

В имеющихся описаниях [Kanakin, Wall, 1994. S. 4; Niewebouer, 1998. S. 61, 66, 72; Siemmens, 2012. S. 89] система гласных этого языка представлена 18 фонемами. Наиболее устойчивой его частью являются четыре исторически кратких гласных

i	u
ε	ɔ

Другая часть системы вокализма – неусеченные долгие гласные, не имеющие резкого отступа. Шесть из них характеризуются устойчивой, стабильной артикуляцией; это монофтонги

i:	y:	u:
e:		o:
	a:	

Остальные восемь фонем отличаются изменяющейся, скользящей артикуляцией. Это дифтонги разных типов, четыре из которых можно обозначить как расширяющиеся:

iə	uə
εΛ	ɔΛ,

затем – сужающиеся:

εi	ɔu,
----	-----

и, наконец, два дифтонга, которые мы вслед за [Kanakin, Wall, 1994. S. 4] будем называть центральными; их первым компонентом выступает гласный среднего ряда и среднего подъема [ə]:

əi	əu.
----	-----

Эти центральные, или, в другой терминологии, «обращенные», дифтонги [Жирмунский, 1956. С. 217] характеризуются особой сложностью (*həi* ‘он’, *fəut* ‘нога’). Их аналоги, имеющиеся в некоторых диалектах немецкого (верхнегессенский, севернобаварский) [Жирмунский, 1956. С. 39, 203, 217, 223], являются большой редкостью для языковых образований на основе нижнефранкского и нижнесаксонского [Panzer, Thümmel, 1971. S. 59, 76]. В плотдич они представляются результатом независимого развития.

² Нам встречались записи на плотдич, выполненные самими информантами и их родителями, например, небольшие воспоминания, стихи и песни, рецепты блюд. При самозаписи предпочтение отдается латинице, крайне редко – кириллице (дети).

Таким образом, вокализм плотдич предстает как ассиметричная система со значительным доминированием долгих монофтонгов и дифтонгов.

Актуальная фонетическая реализация этой системы варьирует от говорящего к говорящему. Наиболее очевидные различия касаются расширяющихся дифтонгов, которым в речи свойственна частая монофтонгизация. Так, вариативна реализация [iə]:

[iəd] и [i:d] ‘земля’ (нем. *Erde*) и [uə]: [ruək] и [ru:k] ‘дым’ (нем. *Rauch*);

[ɔl]: [frɔlxə] и [frɔ: xə] ‘спрашивать’ (нем. *fragen*) и [ɛl]: [t'ɛlt'] и [t'ɛ:t'] ‘кухня’ (нем. *Küche*).

Сужающиеся дифтонги также подвержены в плотдич монофтонгизации, особенно [ɔu], часто реализующийся как [ɔ]: [zɔut] и [zɔ:t] ‘сытый’ (нем. *satt*), [lɔunt] и [lɔ:nt] ‘земля’ (нем. *Land*). Тот же дифтонг представлен в слове *Plautdietsch*, которое носители часто произносят как [plɔuttič] и как [plɔttič].

Центральные [əi] и [əu] не имеют позиционных вариантов при реализации в речи, однако можно отметить, что [əi] часто выступает как [ɔi]: [həinə] и [hɔinə] ‘куры’ (нем. *Hühne*), [fnəi] и [fnɔi] ‘снег’ (нем. *Schnee*).

Особого внимания заслуживает также общегерманская тенденция к сужению долгих гласных, описанная в [Плоткин, 1982. С. 65], которая сводится к преобразованию долгого [a:] в [o:], сопровождающееся часто дальнейшим сужением до [u:]. Так, в речи разных носителей плотдич можно слышать колебания:

[la:t], [lo:t] и [lu:t] ‘поздно’ (нем. *spät*);

[ko:tl] и [ku:tl] ‘кот’ (нем. *Kater*);

[flo:pə] и [flu:pə] ‘спать’ (нем. *schlafen*);

[no:mə] и [nu:mə] ‘имя’ (нем. *Name*);

[go:nə] и [gu:nə] ‘идти’ (нем. *gehen*).

Другим проявлением той же тенденции является сужение долгого [e:] до [i:], что ведет к многочисленным колебаниям в произношении, а также к формальному совпадению звуковых оболочек ряда слов, например, [ti:n] (*Zahn*) und [ti:en] (*zehn*).

Сложный вокализм и вариативное произношение долгих монофтонгов и дифтонгов являются в условиях отсутствия общепризнанной языковой нормы причиной неустойчивости письменной фиксации. Особенно ярко она проявляется при отображении дифтонгов, вызывая порой значительные расхождения.

Основные традиции орфографии языка меннонитов

В настоящее время существуют три центра меннонитской культуры, где создаются произведения на плотдич – Канада и некоторые страны Южной и Центральной Америки (Парагвай, Белиз, Мексика), Россия и, наконец, в последние десятилетия – Германия.

Первые попытки письменного творчества на этом языке появились в начале XX в. Сначала это были тексты малых форм – стихи и рассказы, а позже, в послевоенные годы, начинается создание более крупных произведений. В Канаде, где язык меннонитов имеет свою молодую литературную традицию (наиболее значимые представители – *Arnold Dick*, *Rudi Wiebe*, *Jack Tiessen*, *Reuben Epp*), немногие авторы, пишущие на плотдич, сами порой меняют собственную орфографию, адаптируя ее для адресата [Siemens, 2012. S. 16]. Что касается России, то здесь практиковались малые жанры – стихи и юмористические шванки, публиковавшиеся в 70–90-е гг. прошлого века в составе литературных сборников и в районных газетах российских немцев.

Условно можно выделить несколько традиций письменной фиксации, так или иначе ориентированных на письменную норму литературного немецкого.

Первая традиция направлена на максимальное сближение с нормами немецкой орфографии – ее придерживается часть авторов России и Германии, а также некоторые канадские авторы. Для такой орфографической традиции характерно:

- сохранение всех букв немецкого алфавита, часто включая и умлауты;
- использование букв *v* / *f* по немецкому образцу;
- использование *h* для отображения долготы;
- написание существительного с большой буквы.

Пример текста, записанного в близкой к немецкой орфографии (пример 1), приведем из диссертации [Niewebour, 1998. С. 246].

Пример 1

Daut gauf bi ons naemlich aulahaunt dietsche Natioune. Doa weare dei Kelniste, en dei rede kelnisch. Daut wea uk ne Sort Huagdietsch wann et mau wea festunt. Doa weare dei Jaumborja, en dei rede jaumborjsch... Dann weare doa dei Praeisse, dei mearendeils aus Waundaborsche em Darp kaume... Uk dei Russe runt romm jleiwde daut sou en nande blous ons 'Njemzy', ouden uk 'prokljatyje Nemzy', enn dei aundre nande sei 'Jamburzy', 'Prussaki' enn sou.

‘У нас там были самые разные немецкие национальности. Были колонисты, они говорили как в колониях. Были те, чей язык был похож на литературный немецкий, насколько я мог понять. Были там ямбуржцы, они говорили по-ямбуржски... Потом были прусаки и те, кто пришли в село. Ну а все русские, жившие вокруг, звали нас просто «немцы», а то и «проклятые немцы», а другие называли «ямбуржцы», «прусаки» и так далее’.

«Немецкая» традиция написания характерна для потомков меннонитов, переезжавших в Германию. Так, на близости к немецкой орфографии настаивает лингвист Г. Сименс (H. Siemens), главный редактор журнала *Plautdietsch Frind* (Германия). На страницах этого журнала ставятся достаточно остро и активно обсуждаются вопросы, связанные с письменной фиксацией родного языка: *Dee wichtijste Reajel ess: Wie rechte ons noh dee hochdietsche Schriewwies, wiels wie aula dee enne School lehre en hochdietsche Betja lese: Daut ess dee Schriewwies, dee wie aum Basten tjane* [Plautdietsch Frind. № 26. 2012. С. 13]³.

Вторая традиция написания представляет собой отход от немецкой орфографии в разной степени и существует прежде всего в Канаде, где меннониты признаются отдельной этнической группой и не считаются немцами. Результат таких попыток – издание в 1984 г. словаря Х. Ремпеля, в котором последовательно проводится отказ от букв *v*, *q*, *y*, *x*, а также от символа *h* как обозначения долготы; используются знаки умлаутов *ä* / *ü*: *Üag* ‘глаз’, *wäa* ‘кто’, *Kjäakj* ‘кухня’, *Däa* ‘дверь’, *läwe* ‘жить’ [Rempel, 1984].

Имеются примеры и радикального отхода от всяких исторических традиций. Так, совершенно непривычен облик текста Нового Завета в передаче Й. Нойфельда [Daut Niehe Testament, 1984], который использует последовательно удвоение согласных для передачи краткости предыдущего гласного (пример 2).

Пример 2

Waut ne Mutta felangd

(Markus 10.35-45)

20. *Donn kjemmde Mutta Tsebedäus, met äare twee Säns, kjneed fer Jesus en säd, see hod ne Bed aun am.*

21. *En Jesus fruuch äa, waut see wull. See säd: Saj daut miene beid Säns, eena aune rajchte Sieden en eena aune linkje Sied, bie die enn dien Kjeenichrikj seten selen.*

22. *He säd to äa: Du weetst nichj no waut du frajchst. Kje jiendaut drinkjen mott? See säden to am: Daut kje wie.*

³ Важнейшее правило: мы ориентируемся на письмо литературного немецкого языка, потому что мы все учим его в школе и читаем книги на литературном немецком: это тот письменный язык, который мы можем понимать лучше всего’ (перевод наш. – Е. Л.).

23. < >

24. *Donn roppt Jesus an no sikj en säd: Jie weeten daut de Heiden doaropp utsent äare Harschofft met Jewault opptobuhen.*

‘Просьба матери
(Маркус 10.35-40)

20. Затем пришла мать Цебедеус с ее двумя сыновьями, преклонила колени перед Иисусом и сказала, что у нее есть к нему просьба.

21. И Иисус спросил ее, чего она хочет. Она сказала: вот оба моих сына, один по правую руку, другой – по левую руку, которые должны быть с тобой в твоём Царствии.

22. Он сказал ей: ты не знаешь, о чем просишь. Сможете ли вы с этим справиться? Она сказала ему: «Сможем».

23. < >

24. Затем призвал Иисус их к себе и сказал: найдите, что только язычники начинают строить свое царство насилием’.

Форма записи приведенного текста Библии сильно отличается от других представленных выше образцов текстов на плотдич, потому что наряду с активным использованием удвоения согласных (*nn*, *pp*, *tt*), автор также вводит свои диграфы для передачи дифтонгов (*äa*).

Среди других вариантов можно привести некоторые появившиеся в 60–80-е гг. в России попытки записи этого языка, встречающиеся преимущественно в диссертационных исследованиях, в которых отечественные германисты прибегали к фонетической транскрипции [Jedig, 1966; Авдеев, 1967; Валл, 1974; Kanakin, Wall, 1994]. В таком виде, понятном прежде всего специалистам в области языка, был составлен малоизвестный, но очень содержательный словарь с плотдич (заявленного как нижненемецкий диалект) на немецкий, издававшийся частями в составе межвузовского сборника научных трудов в Омске [Wall, Wendel, Jedig, 1979].

Другой вариант, разработанный в 80-е гг. отечественным лингвистом И. А. Канакиным (Новосибирск), отличал полный отказ от диакритических значков (умлаутов), обусловленный не лингвистическими, а техническими (типографскими) причинами. В целом автор следовал принципам, установленным в [Rempel, 1984], а именно:

- *tj*, *dj*, *nj*, *chj* обозначали мягкие согласные (как в словах *etj* ‘я’, *enj* ‘конец’, *wachj* ‘дорога’, *tredj* ‘назад’);
- *zh* и *ts* использовались для обозначения аффрикат (*hiez* ‘просо’);
- вводились сочетания следующих гласных, включая геминаты: *uu* (*luut* ‘поздно’), *oa* (*foada* ‘отец’), *ei* (*mei* ‘май’), *ou* (*dout* ‘то’), *ee* (*twee* ‘два’), *oo* (*oora* ‘дедушка’).

И. А. Канакин полностью отказался также от букв *q*, *v*, *x*, *y* и от написания существительных с большой буквы. Буквосочетания *ng*, *sp*, *st*, *ie* использовались им так же, как и в литературном немецком.

В такой записи тексты детского фольклора выглядели следующим образом (пример 3).

Пример 3

Wull etj mul een bya woare
Wull etj uck een hantje habe
Wulle oule lietjes weete
Woo mien hantje zoul dan heete?
Rane, rane, ran
Zoo heet dan miene han.

‘Если бы был я крестьянином,
Была бы у меня курочка.
Все бы люди захотели узнать,
Как зовут мою курочку?’

Ране, ране, ран,
Так зовут мою курицу'.
(И. А. Канакин – из личного архива автора статьи).

Текст детской сказки «Кот в сапогах» в ходе работы был записан И. А. Канакиным в трех разных вариантах. В качестве примера приведем начало сказки (пример 4, варианты а, b, с).

Пример 4

Вариант а

De jeshtöiwelte kuta

Öin mala hood dröi zeens, ne meel, nem ezel on nem kuta. De zeens muste mole, de ezel weit hole on meel wachjdroge on de kuta de miiz fedriewe.

Oos de mala shtorf, döilde zich de dröi zeens en dot oafgöut: de elste tjrich de meel, de twöide dem esel on de dredde dem kuta; wida blöif jo uk nusht ewa.

Вариант b

De jesteewelte kuta

En Mala haud dree Säns, ne Mäl, nem Äsel onn nem Kuta. De Säns muste mole, de Äsel Weit hole on Mäl wachjdroage onn de Kuta de Mies fedriewe.

Auss de Mala storf, deelde sich de dree Säns enn daut Oafgoot: de elste tjrich de Mäl, de tweede dem Äsel onn de dredde dem Kuta; wieda bleef jo uck nuscht äwa.

Вариант с

Een mala houd dree zens, ne mel, nem izel enn nem kuta. De zens muste mole, de izel weit hole enn mel wachjdroage enn de kuta de miez fedriewe.

Ous de mala storf, deelde sich de dree zens en dout oafgoot: de elste tjrich de mel, de tweede dem izel enn de dredde dem kuta; wieda bleef jo uk nuscht ewa.

‘У одного мельника было три сына, мельница, осел и кот. Сыновья должны были молоть муку, осел – возить пшеницу, а кот – ловить мышей.

Когда мельник умер, стали три сына делить наследство: первому досталась мельница, второму – осел, а третий взял кота; больше ничего другого не оставалось’ (И. А. Канакин – из личного архива автора статьи).

При общей графемной пестроте представленных выше образцов записи как устных текстов, так и некоторых письменных и авторских переложений можно увидеть то общее, что объединяет фиксацию латиницей, а именно:

- написание долгого *ie*;
- передача фонемы [ʃ] по немецкому образцу как *sch*;
- как правило, все единообразно передают старый дифтонг [au], который сегодня звучит уже как [ou] / [o] – интересная черта, идущая еще от говора Данцига: *Plautdietsch* ‘плотдич’, *Launt* ‘земля’ ‘страна’, *Haund* ‘рука’;
- центральные дифтонги [əu / əi] (*fəit* ‘нога’, *fəut* ‘ноги’) отображаются как двойное *ee* или *oo*: *hee* ‘он’, *goot* ‘хороший’, *Unjascheet* ‘разница, различие’ [Rempel, 1984];
- активное использование удвоения согласных (геминат) для отображения краткости предшествующего гласного: *oppbliewe* ‘вставать, бодрствовать’;
- преимущественное написание существительных с большой буквы.

Наконец, запись кириллицей тоже можно считать возможной. Она встречалась нам у информантов (прежде всего, у детей), например, при попытке написать названия блюд: риблплоц, твойбак, ролькухен. Однако нельзя не согласиться с мнением о том, что выбор в пользу кириллицы не позволяет в полной мере отразить особенности вокалической системы плотдич, в частности, изменения позднего характера [Nieuweboer, 1998. S. 243].

В 2018 г. Международным союзом немецкой культуры была поддержана идея написания нами небольшой тетради для чтения на плотдич для детей, владеющих этим языком как род-

ным⁴. При выборе способа записи текстов мы руководствовались принципом, заявленным в журнале «Plautdietsch Frind». Мы сочли целесообразным соблюдать в написании принцип близости к современной немецкой орфографии, так как дети из семей меннонитов, носители этого языка, всегда изучают литературный немецкий в школе (хотя еще чаще знакомство с ним начинается в семье и в кругу общины). Мы предполагаем, что именно такой способ записи будет наиболее доступен детям. В пособии мы отказываемся от букв, обозначающих умлауты *ä, ö, ü*, а также от *ß*. В качестве примера приведем небольшой текст из пособия (пример 5).

Пример 5

Miene Groossma weet vel interessaunte Jeschichte. See jeiht dree mol enne Weatj to Aundacht. See vetahlt jern, woo see frejoah jelewit habe. Wie habe tus vele Betja. Oba daut gaunz wichtigste ess dee Bibel. Daut jefft uck ne Tjinjabibel. Ooma last ons ut dee vea. Ditt ess eene Jeschicht, dee ons Ooma vetahld.

‘Моя бабушка знает много интересных историй. Она три раза в неделю ходит в молеальный дом. Она часто рассказывает нам о прежней жизни. У нас в доме много книг. Но самая важная – Библия. Есть и детская Библия. Бабушка нам из нее часто читает. Вот одна из историй, которую рассказала бабушка’ [Liebert, 2018].

Первые пробы прочтения текстов пособия мы провели в мае 2019 г. во время последней поездки в д. Неудачино, где проживает 142 носителя плотдич. Тексты, выполненные вышеприведенной формой записи, прочитали 18 носителей языка, из которых четыре человека среднего возраста (включая учителя немецкого языка местной школы), остальные – подростки от 12 до 18 лет. Наиболее легко чтение и понимание текстов далось старшим подросткам и, конечно, учителю, – всем тем, кто наиболее свободно владеет литературным немецким языком. Информанты с низким уровнем знания литературного языка воспринимали тексты с большими трудностями. Насколько успешным окажется выбранный нами способ фиксации, покажет время.

Данным проектом нам хотелось бы поддержать статус родного языка среди детей из семей меннонитов в России, для которых *Plautdietsch* – родной язык, и он имеет существенные отличия от литературного немецкого. Мы отдаем себе отчет в том, что при выборе той или иной формы фиксации в стороне неизбежно оказывается богатство языковых вариантов живой речи, ведь, как известно, «в противоположность богатству акустических возможностей... письменная норма есть ограниченное количество оптических средств, и там, где устная норма показывает пеструю картину мелодических, артикуляционных и других элементов, письменная норма довольствуется скудным инвентарем дифференцирующих средств»⁵ [Vachek, 1964. S. 447]. Возможно, что наблюдение за тем, как повлияет выбор письменности в данном случае на восприятие родного языка и будет ли такое влияние прослеживаться, могло бы стать темой дальнейшего исследования. В настоящей статье мы исключаем этот аспект из нашего рассмотрения, не имея пока достаточного количества фактических данных.

Заключение

На сегодняшний день можно констатировать, что при отсутствии единой нормы для *Plautdietsch* в Канаде, Германии и России существует не менее шести различных вариантов

⁴ Издание «Пособие по развитию навыков устной и письменной речи на языке меннонитов Plautdietsch (плотдич) как на родном для школьников младшего и среднего возраста» является лауреатом Всероссийского конкурса «Российские немцы в авангарде будущего», проведенного в 2018 г. Международным союзом немецкой культуры, с целью поддержки проектов и присуждения общественных грантов в сфере искусства, образования, науки, спорта и развития гражданского общества.

⁵ Здесь перевод наш. – Е. Л.

формы его записи только на латинице. Каждая из существующих традиций написания имеет культурно-историческое, лингвистическое или техническое обоснование: стремление приблизиться к правилам немецкой орфографии, попытки сделать текст более понятным для читающего, типографическая простота или сложность написания. При отсутствии общей и устойчивой орфографической нормы каждый носитель порой вынужден буквально догадываться о смысле написанного. Сами говорящие оказываются часто недовольны записью родного языка, чему мы не раз были свидетелями. «*Daut aules es nichj daut*» ‘Все это не то’ (нем. *Das alles ist doch nicht das*), – сказал один из наших информантов. Очевидно, что для формирования навыка письма и чтения необходима традиция обучения, начинающаяся в школе, без нее говорящий оказывается просто не готов увидеть родной язык в его «буквенном выражении».

Список литературы

- Авдеев И. Е.** Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // *Германские языки: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Плоткин*; Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 84–118.
- Валл Г. И.** Словообразовательные модели нижненемецкого говора Омской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1974. 24 с.
- Плоткин В. Я.** Эволюция фонологических систем. М.: Наука, 1982. 128 с.
- Жирмунский В. М.** Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.
- Brandt C.** Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg, Elwert, 1992, 436 S.
- Daut Niehe Testament Plautdietsch fonn J. J. Neufeld äwasat.** Winnipeg, Canada, 1987.
- Jedig H.** Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademieverlag. Berlin, 1966, 106 S.
- Kanakin I., Wall M.** Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994, 58 S.
- Liebert E.** Plautdietsch miene Muttasproak. Novosibirsk, NSU Press, 2018.
- Nieuweboer R.** The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998, 380 S.
- Rempel H.** Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984, 295 S.
- Panzer B., Thümmel W.** Die Einteilung der niederdeutschen Mundarten auf Grund der strukturellen Entwicklung des Vokalismus. München, Hueber, 1971, 200 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein, 1984, 332 S.
- Plautdietsch Frind.** 2012 / 13. Utgow № 26. Rutjewa, Plautdietsch-Freunde e.V. 39 S.
- Siemens H.** Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn, 2012, 268 S.
- Stölting-Riechert W.** Glaube und Sprache: Die Rolle der Konfession bei sprachsoziologischen Wandlungen in deutschen Sprachinseln. In: *Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig*. Sonderdruck, 1994, S. 179–191.
- Tolksdorf U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes. In: *Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes*. Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985, S. 313–336.
- Vachek J.** Zum Problem der geschriebenen Sprache. In: *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington, Indiana University Press, 1964.
- Wall H., Wendel S., Jedig H.** Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979, 66 S.
- Quiring J.** Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Diss. München, 1928. *J. Quiring*, Münster, 1985, 128 S.

References

- Avdeev I. Ye.** Phonetic system of Low German dialect of Altay in its historical development. In: Germanic languages. Digest of articles. Ed. by V. Ya. Plotkin. Novosibirsk: West-Siberian book publishing, 1967, p. 84–118 (in Russ.)
- Brandt C.** Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg, Elwert, 1992, 436 S. Daut Niehe Testament Plautdietsch fonn J. J. Neufeld äwasat. Winnipeg, Canada, 1987.
- Jedig H.** Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademieverlag. Berlin, 1966, 106 S.
- Kanakin I., Wall M.** Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994, 58 S.
- Liebert E.** Plautdietsch miene Muttasproak. Novosibirsk, NSU Press, 2018.
- Nieuweboer R.** The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998, 380 S.
- Panzer B., Thümmel W.** Die Einteilung der niederdeutschen Mundarten auf Grund der strukturellen Entwicklung des Vokalismus. München, Hueber, 1971, 200 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein, 1984, 332 S.
- Plautdietsch Frind. 2012 / 13. Utgow № 26. Rutjewa, Plautdietsch-Freunde e.V. 39 S.
- Plotkin V. Ya.** Evolution of phonological systems. Moscow, Nauka, 1982, 128 p. (in Russ.)
- Quiring J.** Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Diss. München, 1928. *J. Quiring*, Münster, 1985, 128 S.
- Rempel H.** Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984, 295 S.
- Siemens H.** Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn, 2012, 268 S.
- Stölting-Riechert W.** Glaube und Sprache: Die Rolle der Konfession bei sprachsoziologischen Wandlungen in deutschen Sprachinseln. In: Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Sonderdruck, 1994, S. 179–191.
- Tolksdorf U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes. In: Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes. Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985, S. 313–336.
- Vachek J.** Zum Problem der geschriebenen Sprache. In: A Prague School Reader in Linguistics. Bloomington, Indiana University Press, 1964.
- Vall G. I.** Word formation models of Low German dialect of the Omsk region. PhD dissertation. Kalinin, Kalinin State University Press, 1974, 24 p. (in Russ.)
- Wall H., Wendel S., Jedig H.** Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979, 66 S.
- Zhirmunski V.** German Dialectology. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, 636 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

30.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Либерт Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Ekaterina A. Liebert, Cand. Sci. (Linguistics), Researcher, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Senior Lecturer, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

azzurro@rambler.ru

ORCID 0000-0002-1459-5178

О восхищении в русском языковом сознании

А. Е. Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению *восхищения* в плане концептуальной его конфигурации в русском языке. Обращение к Национальному корпусу русского языка представляется в этой связи тем более оправданным, что содержание анализируемого эмоционального концепта, как и экспликация связанных с ним ситуаций и переживаний, не представлено в готовом виде ни в одном из отдельно взятых контекстов употребления, а реконструируется на совокупности всех возможных употреблений. О специфичной конфигурации *восхищения* можно судить и по засвидетельствованным предметно-понятийным соответствиям, и по построенной на множестве употреблений пропозициональной модели, и по способности к специфическим преобразованиям и переосмыслениям, позволяющим реконструировать содержание анализируемого концепта в отношении к сопутствующим смыслам, так или иначе встроенным в семантику *восхищения* в русской языковой картине мира.

По данным Национального корпуса русского языка, в наиболее частотных своих употреблениях *восхищение* входит в отношения дополнительности с самыми разнообразными понятиями, позволяющими воссоздать основные ситуации восхищения по отношению к сопутствующим переживаниям и как восхищение-преклонение, и как восхищение-обожание, и как восхищение-одобрение, и как восхищение-удивление, и как восхищение-благодарность, и как восхищение-зависть. Эмоционально-психологическое состояние восхищения вызывается при этом не самим по себе событием, а тем, что думает об этом событии субъект восхищения. В этом смысле восхищение – это не только эмоциональное, но еще и ментальное состояние.

Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет, кроме того, информацию о том, что приложимые к *восхищению* действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания. В функции семантического объекта к *восхищению* приложимы предикаты *чувствовать, испытывать, выражать, изображать, высказывать, доставлять, вызывать, возбуждать, предвкушать, разделять, скрывать, преодолевать, разыгрывать*. В функции семантического субъекта *восхищение* переосмысливается поверх категориальных границ в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для силы, водной стихии, огня. По аналогии с неподвластной человеку силой восхищение *охватывает и овладевает*, по аналогии с водной стихией – *переполняет и захлестывает*, по аналогии с огнем – *разгорается и гаснет*. При этом аргументом в пользу такого переосмысления служит такое весьма примечательное обстоятельство, что для определения означенного эмоционального состояния в асумптивном универсуме говорящих нет более подходящих вспомогательных объектов, кроме разве только силы, жидкости или огня.

Ключевые слова

чувства и эмоции, языковая картина мира, лингвоспецифичные слова, установка мнения, пропозициональная модель, концептуальная метафора, аксиологические нормы

Для цитирования

Бочкарев А. Е. О восхищении в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 42–53. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-42-53

***Voskhishcheniye* ‘Delight’ in the Russian Language Consciousness**

Andrey E. Bochkarev

*National Research University “Higher School of Economics”
Nizhniy Novgorod, Russian Federation*

Abstract

The article is concerned with *voskhishcheniye* ‘delight’ as a language-specific word in order to show its specific conceptual configuration in the Russian language consciousness. In this regard, the National Corpus seems to be most appropriate since a conceptual configuration of the analyzed emotional concept is not given in a “finished” form in any single utterance, but may be reconstructed only on the sum total of all possible utterances. It can be manifested in many different ways: distribution, predisposition to be associated with some emotional attitudes, concepts, propositional and metaphoric models.

According to the available data, *voskhishcheniye* ‘delight’ is related, in its most manifestations, to many different concepts like *gratitude*, *adoration*, *fascination*, *sympathy*, *mistrust*, *pity*, *fear*, *envy*, that allow us to reconstruct some basic delight-situations as a *delight-adoration*, *delight-approval*, *delight-surprise*, *delight-gratitude*, *delight-envy*, etc. As such, the delight-emotion is caused not by an event itself, but what the subject thinks about it. In this perspective, *voskhishcheniye* is not only an emotional but also a mental state that causes a corresponding emotional reaction.

The propositional model, built on the National Corpus, includes information that predicates associated with *voskhishcheniye* ‘delight’ vary according to the position in a syntactic structure of a proposition. As a semantic object *voskhishcheniye* ‘delight’ is felt, expressed, shown, delivered, caused, excited, anticipated, divided, given out, performed; as a semantic subject it worries, delivers gladness, covers your eyes. In a metaphoric mapping *voskhishcheniye* ‘delight’ is redefined over the categorical boundaries in terms of propositional models more appropriately applied to power, aquatic substance, honey or fire. By analogy with power it embraces and seizes; by analogy with an aquatic substance, it overfills and overflows; by analogy with fire it flames up and goes out, etc. And there are no other auxiliary objects more appropriate to characterize *voskhishcheniye* ‘delight’ in Russian except just power, aquatic substance, honey and fire, since native speakers don’t consider expressions like *sweetest-smelling delight*, *awash with delight* or *to be smothered by delight* as metaphoric ones, but rather take them for the authentic characteristic of *voskhishcheniye* ‘delight’.

Keywords

feelings and emotions, language picture of the world, language-specific words, opinion, propositional attitude, conceptual metaphor, axiological norms

For citation

Bochkarev, Andrey E. *Voskhishcheniye* ‘Delight’ in the Russian Language Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 42–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-42-53

Вводные замечания

Значение восхищения в эмоциональной и интеллектуальной жизни человека очевидно; и не только потому, что восхищение относится к «окультуренным» человеческим эмоциям с локализацией в сердце, груди и душе [Апресян, 1995. С. 356], но еще и потому, что сопрягается в релевантном контексте жизни с особо значимыми ценностными смыслами. Установив, что вызывает восхищение, можно понять, как варьируются приоритеты, что избирается в качестве критерия оценки и как взаимодействуют между собой разнообразные установки мнения. Ибо, как справедливо замечает Е. В. Падучева, психическое состояние восхищения вызывается не самим по себе событием, а тем, что думает об этом событии субъект восхищения [Падучева, 2004. С. 274]. В этом смысле восхищение – это не только эмоциональное, но еще и ментальное состояние. Даже за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов со значением «иметь мнение» базисная установка мнения, как и совершаемая на ее основе оценка, фигурирует в интенционально-ориентированной рефлексии в качестве необходимой прагматической пресуппозиции, позволяющей если не пояснить, то хотя бы представить объект восхищения как нечто заслуживающее наивысшей оценки в данном кон-

тексте мнения¹. Аксиологию здесь в основном интересует, как распределяются в структуре ценностной парадигмы основополагающие человеческие ценности; психологию – психосоматическая реакция на состояние восхищения; лингвистику – как репрезентируется данное эмоционально-психологическое состояние в языке. Причем лингвисту недостаточно сказать, что восхищение – это то, что называют *восхищением* и что определяют в словарях как высшую степень удовлетворения или удовольствия от чего-либо. Требуется еще установить, как употребляются и что означают выражения восхищения в высказываниях вида ...*чуть не подпрыгнул от восхищения* (В. Аксенов), ...*восхищаюсь их расчетом* (Д. Рубина) или ...*вкусь мед восхищения* (Л. М. Леонов). Обращение к Национальному корпусу русского языка представляется в этой связи тем более необходимым, что содержание анализируемого концепта не представлено исчерпывающим образом ни в одном из отдельно взятых контекстов употребления, а реконструируется с определенностью только на множестве всех возможных употреблений.

Симптоматика

За редким исключением внешние проявления восхищения – жестикуляция, мимика, поза, возгласы, аплодисменты – сходны по большей части для всех представителей рода человеческого [Ильин, 2001], чего нельзя сказать о способах отображения в языке, позволяющих представить обозначающее выражение как лингвоспецифичное слово с особой концептуальной конфигурацией в языке².

Обратившись к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), можно в первом приближении установить, что наряду с соответствующим именным выражением означенное эмоциональное состояние выражается в языке предикатами состояния, в том числе глагольными выражениями *восхититься*, *прийти в восхищение*, *быть в восхищении*, *приводить в восхищение*, *быть вне себя от восхищения*, прилагательным *восхищенный*, наречием *восхитительно*, *великолепно*, *чудно*, междометиями с ярко выраженной экспрессивно-разговорной окраской *Ну и ну...! Ай да...! Вот это...! Здорово! Супер!* и что квазисинонимами восхищения могут быть также *восторг*, *воодушевление*, *умиление*, *обожание* и проч. С симптоматикой исследуемого эмоционального состояния коррелируют при этом засвидетельствованные в корпусе указания на лицо: *На его лице были написаны восхищение и черная зависть* (Е. Прошкин), глаза: *...и столько было в этих глазах восхищения* (Г. Щербакowa), взгляд: *В этом взгляде было и удивление, и одобрение, и восхищение* (А. Маринина), голос: *...в Маринкином голосе прозвучало явное восхищение* (В. Белоусова), грудь: *Чувство невольного, умиленного восхищения занялось в груди* (Ф. Д. Крюков), сердце: *Сердце мое наполнилось восхищением* (М. Д. Чулков).

На физическую и/или психологическую реакцию тела в состоянии восхищения указывают также глагольные выражения с причинным предлогом «от». Судя по засвидетельствованным употреблениям, от восхищения приходят в восторг: *...в восторг приходишь от восхищения* (Э. Володарский), застывают: *...прохожие застывали от восхищения* (Е. Маркова), обмирает сердце: *...и сердце ее обмирало от восхищения* (Т. Набатникова), замирают: *...и замер от восхищения* (И. А. Бунин), каменеют: *Пока я, окаменев от восхищения, смот-*

¹ В отношении к установке мнения восхищение можно даже признать «интеллектуальным чувством» и соответственно изучать наравне с удивлением и как эмоциональное, и как ментальное состояние [Арутюнова, 1976. С. 177; Падучева, 2004. С. 278] (ср. [Рубинштейн, 2002. С. 547]). Сначала как ментальное состояние в связи с выносимой на основе мнения интеллектуальной оценкой, затем как эмоциональную реакцию на данное ментальное состояние. Ср. в этой связи распределение значений в паре *восхищаться* (преобладает рациональная оценка объекта) – *восторгаться* (преобладает непосредственная эмоциональная реакция на объект) [Апресян, 1995. С. 382].

² Условием лингвоспецифичности как особой концептуальной конфигурации, характерной именно для данного языка, обычно признают специфичные условия употребления, предрасположенность ассоциироваться с определенными переживаниями и представлениями, возможность аккумулировать в качестве встроенных смыслов «ключевые идеи» национальной картины мира [Зализняк, 2015] (ср. [Шаховский, 2012]).

рел на это богатство, дядя снял доспехи со стула и стал их надевать на меня (Ю. О. Домбровский), округляют глаза: ...округляя в восхищении глаза (А. Азольский), закатывают глаза: ...закатывал от восхищения глаза (М. Кучерская), жмурятся: ...и зажмурил от восхищения глаза (М. А. Алданов), скрещивают пальцы: ...аж пальцы скрестил от восхищения (М. Валеева), качают головой: Покачав от восхищения головой, она многозначительно улыбнулась (А. Геласимов), крутят головой: ...и крутил от восхищения головой: «Ну и ну!» (К. Г. Паустовский), хватаются за голову: ...хватаясь за голову от восхищения (Г. И. Успенский), подпрыгивают: Гена даже подпрыгнул на стуле от восхищения (М. Баранова, Е. Велтистов), открывают рот: ...даже Чукча от восхищения рот открыла (М. Вишневецкая), высовывают язык: Дмитрий Львович высовывал язык от восхищения (Д. С. Мережковский), вскрикивают: ...даже вскрикнул от восхищения (В. Черкасов), плачут: ...многие плакали от восхищения (Н. А. Полевой), ахают: ...женщина от восхищения ахнула (Ю. Петкевич), крикают: Профессор крикнул от восхищения (И. А. Ефремов), заикаются: ...и заикаясь от восхищения, мог произнести только «бу» (Д. Дар), теряют на время дар речи: Он не нашел слов от восхищения (Т. Тронина), не могут вымолвить ни слова: От восхищения я не мог произнести ни слова (И. И. Панаев), немеют: А те, кто не могли завопить от счастья, те просто замерли, онемели от восхищения (М. Шишкин), втягивают воздух сквозь зубы: Яков от восхищения втянул воздух сквозь зубы (И. Ратушинская), захлебываются: ...захлебываясь от восхищения, рассказывает о том, как он с барским сыном издевался над полешками (И. Е. Вольнов), едва дышат: Едва дыша от восхищения (И. А. Ефремов), задыхаются: Она задохнулась от восхищения: какой! (В. Аксенов), бледнеют: ...он от восхищения побледнел (М. Мишин), краснеют: Барахолкин весь покраснел от восхищения (Ю. Вяземский), горят: ...и весь как бы горел от восхищения (В. А. Никифоров-Волгин), тают: ...все во мне тает от восхищения (Н. Н. Берберова), по коже мурашки: ...только мурашки по коже забегают от восхищения (Г. И. Успенский), дрожат: Я задрожал от восхищения (Г. Ф. Квитка-Основьяненко), пьянеют: Госпожа Подачкина опьянела от восхищения (И. И. Лажечников), себя не помнят: Алцест не помнил себя от восхищения, что успел проложить себе путь к сближению с Аделиною (А. Погорельский).

Предметная область

Как показывают примеры общим числом свыше десяти тысяч вхождений³, причин для восхищения в русском языковом сознании много, как много и ситуаций, в которых испытывают восхищение. Судя по засвидетельствованным употреблениям, сферой действия глагола или любого другого пропозиционального оператора в значении восхищения становится фактически всё, что превосходит общепринятые стандарты, признается особо ценным и потому заслуживает самой высокой оценки⁴: достоинства, таланты, трудолюбие, успехи в учебе, решимость, бесстрашие, мужество, смелость, героизм, открывающаяся перед глазами панорама, желание работать в школе, красоты родной природы, метро, социалистическая индустрия, размах пятилеток, террор революции, профессия, мысль, ум, достижения, блистательные победы, сила, могущество, великодушие, элегантность, телосложение, щедрость, твердость характера, молодецкий поступок, удачливость, девичья гордость, богатые наряды, Россия, Москва, Петербург, красоты Алтая, Эрмитаж, музыка, оружие, дача, твердость духа, человеческие возможности, военная техника, собственная персона, мироздание, театральная постановка, игра актеров, музыкальное исполнительское искусство, балет, грохот барабанов, сверканье сабель, волосы, натуральная коса, глаза, бицепсы, идеальные фигура, нежные чувства,

³ Объем исследовательского корпуса составил 115 645 документов.

⁴ Поэтому наряду с «переживанием» в семантику глагола *восхищаться* включается также презумптивный оценочный компонент [Зализняк, 2006. С. 425].

незаурядные способности, логика мышления, маневренность автомобиля, революционная поэзия Маяковского, умение приготовить яичницу, любовь к порядку, знание английского языка, правильные черты лица, улыбка, душевная щедрость, военная дисциплина, острота полемических выступлений, дерзость, торжественность события, роскошь, родословная, доброта, христианская кротость русской души, картина добрых нравов, грация, бесконечность космоса, классная команда специалистов, разносторонняя деятельность Академии наук, хороший вкус, новаторство, косметика, человеческая наглость, тонкий юмор, способность шутить при любых обстоятельствах, буйство красок Северной Пальмиры, расчет, мужественная старость, жизнь, что родила в таком возрасте, что красиво сказал и многое другое.

Разумеется, в ценностном отношении восхитившая театральная премьера не равнозначна проявленной в бою отваге, как неравнозначны аксиологические нормы, относительно которых устанавливают «градус» исчисляемого свойства – игру актеров, отвагу, юмор, логику мышления, атлетическое телосложение или обворожительную улыбку. Больше того, как свидетельствуют примеры, предписания одной системы ценностей могут не совпадать и даже входить в противоречие с предписаниями другой системы ценностей. В таких случаях приходится говорить не только о дизъюнкции разных норм-формулировок [Вригт, 1986. С. 290–410], но и, что важно, об эволюции аксиологических ориентиров вплоть до кардинальной смены вектора оценки и девальвации особо значимых ценностных смыслов. Так, некоторые порицаемые ранее свойства вроде хитрости, наглости или расчета порой принимают в оценке говорящих положительное значение, а нечто традиционно считавшееся достойным и похвальным, становится, напротив, непривлекательным. Ср. *А я и сейчас восхищаюсь их расчетом: как всё толково обмозговали, как грамотно ловушку расставили!* (Д. Рубина), *Меня всегда восхищает человеческая наглость; может быть, потому, что я сама так не умею, поэтому и завидую прохиндеям* (С. Есин), *...он троллил систему хитро – и эта хитрость восхищала его самого* (В. Пелевин).

Несмотря на многообразие оценочного пространства и разные предметные области, общей для всех без исключения ситуаций восхищения остается прототипическая модель: X испытывает восхищение перед Y , где X и Y – переменные, вместо которых можно подставить при необходимости имена привлекаемых по случаю субъекта и объекта восхищения⁵. При этом признаки, свойства и состояния, по которым X восхищается Y , нередко остаются неэксплицированными⁶, так что собеседникам требуется установить, по каким именно признакам, свойствам и состояниям Y восхищает X в высказываниях вида *...я в восхищении. Снимаю шляпу!* (Л. Н. Разумовская) или *Я в восхищении, – заорал прямо в лицо поднявшемуся по лестнице господину Жаку кот* (М. А. Булгаков).

⁵ Данная модель представляет собой разновидность более общей модели, применимой ко всем возможным эмоциональным состояниям: X выражает определенную эмоцию по поводу факта или объекта Y , делая высказывание P [Иорданская, 2016. С. 172, 173, 174, 175]. Напр. *Великолепно (P), – восхитился отец (X) картиной (Y)*. Причем, как замечает Ю. Д. Апресян, валентность высказывания P может оставаться нереализованной [Апресян, 1995. С. 32], как, впрочем, и свойства, по которым X восхищается Y -ом. Ибо, если быть точным и строгим, картина может восхищать и красками, и композицией, и выбором сюжета, и рейтингом художника. Поэтому, когда говорят: *Я в восхищении от картины*, нелишне уточнить, что именно восхищает в данной картине: краски, композиция, сюжет или нечто другое.

⁶ Иначе обстоит в высказываниях с эксплицированным основанием восхищения: напр. величие Наполеона во фразе *Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он grand* (Л. Н. Толстой); черты лица полюбившейся девушки во фразе *Прямой носик! Очертание рта – восхищение! Так что я вам скажу: я влюбился в нее как дурак какой-нибудь набитый!* (А. Ф. Писемский); атрибуты военной формы во фразе *Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками* (А. Н. Островский).

Параметризация

Особо примечательными для репрезентации означенного эмоционального состояния становятся, кроме того, и такие параметры, как внешние проявления, эмоционально-психологические переживания, интенсивность переживания, морально-этическая оценка и проч., на которые ориентируются, по сути, все или почти все суждения восхищения.

По охвату восхищение может быть общим: *Общее восхищение вызывает тощая девушка по кличке Стекла* (М. Петросян), всеобщим: *...не разделяла всеобщего восхищения* (И. Грекова), единодушным: *...единодушное восхищение разведчиков* (В. П. Катаев), всенародным: *...всенародное восхищение* (Ю. Давыдов);

по интенсивности и глубине переживания – глубоким: *И на смуглом, еще детском личике с яркими синими глазами отразилось такое искреннее, такое глубокое восхищение, что небольшая толпа слушателей горячо зааплодировала* (В. Михальский), глубочайшим: *...выражаю автору глубочайшее восхищение* (Е. Хаецкая), полнейшим: *...выказывая ей свое полнейшее восхищение* (В. Слипечук), величайшим: *...всем своим видом выражая величайшее восхищение* (В. Белоусова), чрезмерным: *Чрезмерное восхищение чьими-либо достоинствами всегда пахнет. Либо подхалимством, либо апартейдом* (А. Битов), непомерным: *Восхищение Хвостикова было непомерно; он не мог наблагодариться* (В. Т. Нарезный), безмерным: *Голос ее полон безмерного восхищения и глубокой нежности* (О. Онойко)⁷;

по внешним проявлениям – неопишмым: *...моряк Чарли пришел в неопишмое восхищение* (А. М. Волков), несказанным: *...и восхищение его было несказанное, когда он вытащил полную сеть рыбы* (П. Ю. Львов), особым: *К тому же в каждой лавке хвалили он что-нибудь с особым восхищением* (В. А. Соллогуб), шумным: *...дань шумного восхищения* (А. Анфиногенов), бурным: *Бурное восхищение статьями Сергея Василий Маркович сочетал с не менее бурным восхищением женой и дочкой его* (Ф. Искандер), неумным: *Я не мог скрыть какое-то неумное восхищение* (К. Воробьев), неистовым: *...публика впадала в неистовое восхищение* (В. Астафьев), иступленным: *Балда привел его в иступленное восхищение* (Б. А. Лавренев), явным: *...и заставлял их щупать свои напряженные бицепсы, что врачи исполняли с явным восхищением* (В. Т. Шаламов), откровенным: *Бугай смотрел на девушку с откровенным восхищением* (А. Житков), нескрываемым: *...чувствуя себя виноватым перед этим несчастным, затравленным судьбой неудачником, смотревшим с нескрываемым восхищением на сигары, куриные котлеты, вино, тонкого сукна пиджак и прочее, чем заботливо окружил его Рюмин* (А. Т. Аверченко), плохо скрываемым: *В голосе Ила слышалось плохо скрываемое восхищение* (М. Дяченко, С. Дяченко), неосторожным: *Неужели за это неосторожное восхищение он должен расплачиваться* (Б. Л. Пастернак), невольным: *...чем заслужил при всей своей несомненной странности невольное восхищение механиков* (И. Бояшов), сдержанным: *...со сдержанным восхищением, будто в первый раз слыша музыку блоковского стиха, от начала до конца сказал на память без единой запинки волшебное стихотворение* (В. П. Катаев), затаенным: *...глядя на дядю Сандро с затаенным восхищением* (Ф. Искандер), тихим: *...как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении пред красотой!* (М. Горький), тайным: *Кто бы ей самой помог понять ее тайное восхищение мужчиной, который манипулирует людьми и который у нее на глазах обманывает жену, хороводясь с подчиненной* (П. Акимов), молчаливым: *И физрук с молчаливым восхищением уставился на эту косыночку, как бы удивляясь,*

⁷ Ввиду особой интенсивности описываемого эмоционального состояния *восхищению* противопоставлены, как видно, сочетания с прилагательными с малой степенью интенсивности типа *слабый, маленький, небольшой*. Вероятно, поэтому большую степень интенсивности следует трактовать, по определению Ю. Д. Апресяна, как семантическую константу и соответственно включать в описание всех сильных эмоций [Апресян, 1995. С. 371].

где она могла достать ее (Ф. Искандер), немой: ...он застыл в немом восхищении (Г. Адамов) ⁸;

по физическим ощущениям – приятным: ...приятное восхищение меня обьяло (Д. И. Фонвизин), свежим: При виде Юли тут же, без паузы, наполнился свежим восхищением (С. Данилюк), сладким: Мельникова охватило сладкое восхищение (С. Т. Семенов), жарким: ...такое жаркое восхищение Стасова (К. И. Чуковский), холодным: Холодное восхищение охватывало меня. Постигнуть величие этих сооружений я не мог (И. Меттер);

по сопутствующим эмоционально-психологическим переживаниям – мечтательным: ...он произнес со знакомым уже мечтательным восхищением (В. Слипечук), суеверным: Но Охотник знал и всегда испытывал чувство какого-то суеверного восхищения могучей силой жизни (А. Стругацкий, Б. Стругацкий), нежным: Нежное восхищение сияло в ее глазах (Р. Киреев), сердечным: Сердечное восхищение, которое он к ней испытывал, имело налет стариковского умиления всем тем новым, что происходит с ребенком и никогда не происходит с взрослыми (Л. Улицкая), восторженным: Было восторженное восхищение метро в молодости (Г. Щербакова), упоительным: Бурзум тонет в упоительном восхищении (В. Спектр), почтительным: ...с почтительным восхищением (Ю. В. Трифонов), уважительным: Но лица зрителей сияли уважительным восхищением (Д. Рубина), благоговейным: ...испытывать к нему хоть что-то, кроме благоговейного восхищения и затаенного почтения, было бы нелепо (Т. Соломатина), благодарным: Кити с благодарным восхищением взглянула на отца (Б. А. Садовской), удивленным: ...даже проникался удивленным восхищением к даме, сумевшей предпочесть своего супруга соблазнительному вниманию государя (Б. Окуджава), грустным: ...и смотрел на девочку с грустным восхищением (В. Ф. Панова), тревожным: ...дочь смотрела на нее с тревожным восхищением (Д. Рубина), робким: ...полный признательности и робкого восхищения (А. Маринина), боязливым: Впервые за все годы боязливое восхищение, с которым Наталья относилась к Евгению Досюкову, сменилось всепоглощающей жалостью и состраданием (А. Маринина), ироническим: Ну-ну! – с ироническим восхищением произнес Матвеев (Г. Адамов), эстетическим: Чисто эстетическое восхищение смешивалось у него с первобытной тягой к физической силе (И. Л. Солоневич);

по морально-этической оценке – высшим: ...и был он движим не короткой мужской яростью к женскому телу, а тем высшим восхищением, какое способна извлечь из нас женщина (А. Солженицын), бескорыстным: ...что вызывало у Рябова бескорыстное восхищение (О. Славникова), простодушным: Он отшучивался, но простодушное восхищение девчонок было приятно (Д. Рубина), наивным: ...она слушала его с наивным восхищением (В. Г. Короленко), детским: Сланцев смотрел на него все с большим, уже почти детским совершенно восхищением (М. Кучерская), похотливым: ...сообщил с каким-то похотливым восхищением: Какая женщина – арабский скакун! (О. Павлов), ядовитым: ...воскликнул с ядовитым восхищением Булгаков (В. П. Катаев), злым: ...и сказал со злым восхищением: Вот ведь Сидоры Поликарповичи, и нашли где баланду разводить! (Ю. О. Домбровский);

по аутентичности – истинным: Я обозревал шестаковские ноги с истинным восхищением и даже некоторой гордостью – хоть один человек из нашей камеры не носит портянок (В. Т. Шаламов), искренним: Ох и силен наш отец! – сказал с искренним восхищением Гетманов (В. Гроссман), непритворным: ...в голосе Семена появилось непритворное восхищение (С. Лукьяненко), неподдельным: ...его восхищение было неподдельным (Р. Полищук), преувеличенным: ...чуткий слух Коньшина легко различал в этом преувеличенном восхищении насмешку (Е. Чижов), притворным: Ну дает! – прошептал в притворном вос-

⁸ В отличие от ликования, обожания или восторга, требующих в гораздо большей степени выхода в речи, поведении, действии, жесте или мимике, восхищение можно только испытывать, никак внешне не выдавая своего чувства [Апресян, 1995. С. 356, 383].

хищении Михайлыч (В. Шукшин), наигранным: ...даже с некоторым совсем не наигранным восхищением восклицает бабка (Т. Соломатина), фальшивым: ...она излагала обстоятельства предстоящего ей счастья с таким неискусным, фальшивым восхищением, что не верилось ни одному ее слову (Л. М. Леонов), совершенным: ...я в совершенном восхищении от вашей истории (А. С. Грин);

по участию субъекта – женским: Крупные, неожиданные для нее самой слезы женского восхищения брызнули из ее глаз (А. С. Грин), мужским: Татушина красота вспыхивает в лучах мужского восхищения (Ю. М. Нагибин), мальчишеским: «Все-то он видит!» – с каким-то мальчишеским восхищением подумал Юра (А. Берсенева) и проч.

Предметно-понятийные связи

Реконструировать возможные ситуации восхищения позволяют также установленные в корпусе коллокации. Как показывают примеры из Национального корпуса русского языка, восхищение сочетается по принципу дополнительности с одобрением: ...слышала слова одобрения и восхищения (А. Маринина), уважением: Это вызывало у меня огромное уважение и восхищение (А. Маринина), признательностью: ...чувство признательности и восхищения (С. Довлатов), благодарностью: Слова благодарности и восхищения (А. Крон), радостью: Криками восхищения и радости солдаты приветствовали своего господина (В. Быков), гордостью: ...я захлебываюсь от гордости, нежности и восхищения (Е. Пищикова), преклонением: И тогда нет предела их восхищению и преклонению (А. Солженицын), умиротворением: ...восхищение его простерлось и до полного умиротворения (С. Осипов), благоговением: ...а только восхищение и благоговение (М. Анчаров), обожанием: ...исключительно для восхищения и обожания (В. Тучков), трепетом: Офицер из своего укрытия наблюдает за ней с трепетом и восхищением (В. Аксенов), прелестью: Я вижу вас так ясно, что мое сердце наполняется восхищением перед вашей прелестью (К. Г. Паустовский), нежностью: Это был мир нежности и восхищения (Б. Хазанов), любовью: ...хочу аплодисментов, хочу идущих на меня из зала волн восхищения и любви! (М. Шишкин), влюбленностью: Лицо ее выражало совершенную влюбленность и восхищение (Ю. Азаров), удовольствием: Генка не скрывает своего удовольствия и восхищения (Э. Лимонов), счастьем: ...не скрывая восхищения и счастья (М. Бубеннов), восторгом: ...это рождало такое же восхищение, восторг! (О. Павлов), экстазом: И казалось, просто это слово, одно слово, приводило ее в восхищение, если не в какой-то экстаз (О. Павлов), интересом: ...за очками иностранца все больше разгорались огни интереса и восхищения (В. Дудинцев), любопытством: ...и смотрел на Старика с нескрываемым любопытством и восхищением (А. А. Фадеев), удивлением: ...смесь удивления и особенно мужского восхищения (С. Данилюк), изумлением: Это восхищение-изумление в голосе (Е. Шкловский), недоверием: И было в этом возгласе и удивление, и недоверие, и восхищение (М. Сергеев), сочувствием: ...девушка со взглядом сочувствия и восхищения слушала сегодня вечером, как он рассказывал о себе (А. Солженицын), жалостью: ...и растерянный вид ее раздирал мне сердце нежной жалостью и восхищением (К. Воробьев), грустью: ...это было восхищение, граничившее с какой-то райской грустью (В. В. Набоков), состраданием: ...во мне должны родиться сострадание и восхищение (З. Синявская), тоской: ...да, да, с тоской и восхищением (Б. Окуджава), напряженностью: Он постоянно ощущал атмосферу напряженности и восхищения, которая сопровождала этих людей, особенно хромому Мандельштаму (В. Гроссман), досадой: ...говорила она со смешанным чувством восхищения и досады (М. С. Аромштам), негодованием: Мирка ответила с невероятным пылом, смесью восхищения и негодования (В. Аксенов), горечью: ...смесь восхищения и горечи (А. Н. Апухтин), завистью: Я смотрел теперь на него с восхищением и завистью (В. П. Беляев), страхом: Она вызывала всеобщее поклонение, восхищение и страх, доходивший до ненависти (Ю. Буйда), ужасом: ...восхищение, смешанное с ужасом: в город ездит

каждый день! (Н. Н. Берберова), жутью: *Обертон!* — со смесью жутости и восхищения прошептал в своей каморке начальник сортировки Виталий Фомич Кукин — он учился когда-то музыке, понимал маленько в ней и знал музыкальные термины (В. Астафьев).

Таким образом, с восхищением сочетаются в языке самые разнообразные понятия — и восторг, и обожание, и благодарность, и признательность, и недоверие, и сочувствие, и жалость, и зависть, и злоба, и страх, не имеющие, казалось бы, ничего общего между собой ни в плане внешних проявлений, ни в плане оценочной квалификации. Основанием тому служат разные обстоятельства: и необходимость обозначить предмет восхищения: ср. *Сверканье сабель, поднятых к небу, грохот барабанов — все это вызывало ее восхищение* (К. Г. Паустовский); и потребность объяснить причину: *...с восхищением: Ты такой умный, чуткий!* (И. А. Бунин); и стремление эксплицировать сопутствующие переживания⁹: *...слушал разговор со смешанным чувством восхищения и зависти* (Э. Г. Казакевич); и колебания в выборе номинации: *...посмотрела на Геннадия и Романа с одобрением и даже будто бы с восхищением* (А. Маринина); и желание отобразить означенное эмоциональное состояние по аналогии с другой предметной областью как восхищение-волну: *...оторопь сменялась волной восхищения* (К. Воробьев), как восхищение-огонь: *Огни восхищения пронизали ее невинное тело* (Ф. К. Сологуб) или как восхищение-мед: *...и вкусить мед восхищения* (Л. М. Леонов).

Пропозициональная модель

Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет, кроме того, информацию о варьировании приложимых к *восхищению* действительных предикатов в зависимости от их позиции в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к *восхищению* приложимы предикаты чувствовать: *...она чувствовала его восхищение, и это ей было нужно* (Ю. М. Нагибин), испытывать: *...мне часто случалось испытывать чувство восхищения человеческой личностью* (Л. К. Чуковская), выражать: *Позвольте выразить восхищение, — сказал товарищ Сергеев* (В. Аксенов), изображать: *...восклицал я в ответ, стараясь изобразить на лице восхищение* (М. Е. Салтыков-Щедрин), показывать: *Капитан Прохоров принял все меры к тому, чтобы не показать восхищения инженером Суховым* (В. Липатов), высказывать: *Я хотела высказать вслух свое восхищение, но взревел мотор, заглушая мои слова* (Е. Маркова), источать: *Светлана не ударилась о строгость и продолжала источать восхищение* (О. Новикова), доставлять: *...смотрел на волка так, словно тот доставлял ему жуткое восхищение* (М. А. Булгаков), вызывать: *...все это вызывало ее восхищение* (К. Г. Паустовский), возбуждать: *Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай, горячий без огня, с особым удовольствием, словно священный напиток* (В. А. Обручев), заслуживать: *Английское правосудие, как и весь ее государственный строй, заслуживает восхищения и подражания* (Н. Э. Гейнце), ждать: *Я же ждала восхищения* (Е. Чижова), предвкушать: *...предвкушал то восхищение, которое охватит Аксиною, когда он, вернувшись домой, развернет перед ней узорчатую ткань* (М. А. Шолохов), разделять: *...она не разделяет его восхищения* (К. А. Федин), сдерживать: *Игорь не мог сдержать восхищения* (М. Милованов), выдавать: *...никогда не выдавала своего восхище-*

⁹ Сопутствующие переживания позволяют реконструировать по модели каузальной импликации и некоторые ситуативные сценарии означенного эмоционального состояния как восхищения-обожания: *...а все же смотрю на него снизу вверх, с восхищением, с обожанием* (А. Макушинский), восхищения-трепета: *Я не в силах выразить трепета и восхищения* (М. Шишкин), восхищения-изумления: *...взрослые выражали изумление и восхищение, показывали друг другу глазами, мол, какое поколение растет* (А. Найман), восхищения-благодарности: *...и улыбка казалась ей всего лишь крохотной толикой благодарности и восхищения талантом* (А. Маринина), восхищения-зависти: *Вся поликлиника со смешанным чувством восхищения и зависти наблюдала за стремительным развитием их романа* (И. Безладнова), восхищения-ужаса: *...разглядывая его со смесью ужаса и восхищения* (Д. Емец), восхищения-жутости: *Редкая смесь восхищения и жутости переполняла меня* (А. Иличевский) и т. д.

ния, скрывая его за грубоватыми присказками (В. Валеева), скрывать: ...чтобы скрыть свое восхищение, шутила (Е. Маркова), преодолевать: ...сумел преодолеть восхищение и закрыть удивленный рот (С. Осипов), разыгрывать: Для женщины ты замечательно говоришь! – сыграла восхищение Вера (Э. Рязанов, Э. Брагинский).

В функции семантического субъекта *восхищение* волнует: *Восхищение рабочего трогает ее и волнует* (А. Н. Вербицкая), доставляет радость: *Но радости это восхищение не доставляло* (М. Анчаров), застилает глаза: ...*восхищение же застит глаза, как ничто другое* (В. Белоусова), льстит: *Восхищение мужиков ей польстило* (Т. Устинова), читается: ...и в нем читалось чуть ли не *восхищение* (Д. Быков).

Смысловые преобразования

В метафорическом отображении *восхищение* переосмысливается в зависимости от избираемой по случаю установки мнения и в терминах какой-то неподвластной человеку силы, и в терминах водной стихии, и в терминах огня. По аналогии с силой *восхищение* охватывает: *Смесь восхищения с возмущением охватила одного телезрителя* (А. Макушинский) и овладевает: *Впрочем, восхищение это не овладевало соседом Клары целиком* (А. Солженицын); по аналогии с водной стихией – переполняет: ...и *восхищение истинной красотой переполняло наши заглубившие души* (А. Белянин) и захлестывает: *Когда Миша закончил играть, все еще долго сидели в молчании, в ступоре, в немом восхищении, захлестнувшим душу* (М. Трауб); по аналогии с огнем – разгорается и гаснет: *Тут восхищение его вдруг погасло* (М. Горький). Причем аргументом в пользу такого переосмысления служит, вероятно, такое весьма примечательное обстоятельство, что для определения означенного эмоционального состояния в языковом сознании говорящих нет более подходящих вспомогательных объектов, кроме разве только силы, жидкости или огня.

Так приходим к следующим выводам.

- Предметом восхищения может быть всё, что превосходит общепринятые стандарты и заслуживает высокой оценки.

- Об особой концептуальной конфигурации *восхищения* в русском языке можно судить и по построенной на множестве употреблений пропозициональной модели, и по засвидетельствованным предметно-понятийным соответствиям, и по способности к специфическим переосмыслениям и преобразованиям.

- По охвату *восхищение* может быть общим, всеобщим, единомушным; по интенсивности – глубоким, глубочайшим, величайшим, чрезмерным, непомерным, безмерным; по внешним проявлениям – неопишным, несказанным, шумным, бурным, неумным, неистовым, иступленным, явным, откровенным, нескрываемым, неосторожным, невольным, сдержанным, затаенным, тайным, молчаливым, немым; по физическим ощущениям – приятным, свежим, сладким, жарким, холодным; по сопутствующим эмоционально-психологическим переживаниям – мечтательным, нежным, сердечным, восторженным, упоительным, почтительным, уважительным, благоговейным, благодарным, удивленным, грустным, тревожным, робким, боязливым; по морально-этической оценке – бескорыстным, простодушным, наивным, злым; по аутентичности – искренним, непритворным, неподдельным, притворным, наигранным, фальшивым; по участию субъекта – женским, мужским и проч.

- В наиболее частотных своих употреблениях *восхищение* входит в отношения дополнительности с самыми разнообразными понятиями, позволяющими реконструировать возможные ситуации восхищения в отношении к предмету, а также сопутствующим переживаниям как *восхищение-преклонение*, *восхищение-обожание*, *восхищение-одобрение*, *восхищение-удивление*, *восхищение-благодарность*, *восхищение-зависть* и проч.

- Пропозициональные установки, задающие наше знание о восхищении, содержат информацию о том, что приложимые к *восхищению* предикаты варьируются в зависимости

от позиции в синтаксической структуре высказывания. В функции семантического объекта к *восхищению* приложимы предикаты *чувствовать, испытывать, выражать, изображать, показывать, высказывать, доставлять, вызывать, возбуждать, ждать, предвкушать, разделять, выдавать, скрывать, преодолевать, разыгрывать*; в функции семантического субъекта – *волновать, застилать глаза, льстить, читаться* и т. д.

- В метафорическом отображении *восхищение* определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, о чем свидетельствуют избираемые по случаю предикатные дескрипции *овладевать* ('сила'), *переполнять, захлестывать* ('вода'), *гаснуть* ('огонь') в функции семантического предиката.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.** Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
- Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл. М.: Наука 1976. 383 с.
- Вригт Г. Х. фон.** Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 290–410.
- Зализняк Анна А.** Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Зализняк Анна А.** Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2015. Вып. 14 (21), т. 1. С. 683–695.
- Ильин Е. П.** Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
- Иорданская Л. Н.** Словарные статьи *восхищать, восхищаться, восхищение* // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр., М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 172–175.
- Падучева Е. В.** Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
- Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
- Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: УРСС, 2012. 208 с.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

References

- Apresyan, Yu. D.** Selected works. Vol. 2: Integral Language Description and Systematic Lexicography. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1995, 767 p. (in Russ.)
- Arutyunova, N. D.** Sentence and its Sense. Moscow, Nauka, 1976, 383 p. (in Russ.)
- Ilyin, E. P.** Emotions and Feelings. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 752 p. (in Russ.)
- Iordanskaia, L. N.** Dictionary entries 'delight', 'cheering', 'admiration'. In: Mel'čuk, I. A., Zholkovskiy, A. K. Explanatory Combinatorial Dictionary of Contemporary Russian. Semantic-Syntactic Studies of Russian Vocabulary, second edition. Moscow, Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2016, p. 172–175. (in Russ.)
- Paducheva, E. V.** Dynamic Models in Lexical Semantics, Moscow, Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2004, 607 p. (in Russ.)

- Rubinstein, S. L.** Principles of General Psychology. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, 720 p. (in Russ.)
- Shakhovskiy, V. I.** Emotion's Categorization in the Lexical System of the Language. Moscow, URSS Publ., 2012, 208 p. (in Russ.)
- Wright, G. H. von.** Norms, truth and logic. In: Wright, G. H. von. Logico-Philosophical Studies. Selected Works. Moscow, Progress, 1986, p. 290–410. (in Russ.)
- Zalizniak, Anna A.** Language Polysemy and its Representation. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, 672 p. (in Russ.)
- Zalizniak, Anna A.** Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis. In: Computational Linguistics and Intelligent Technologies, Materials of the Annual International Conference "Dialogue", 2015, iss. 14 (21), vol. 1, p. 683–695. (in Russ.)

List of Sources

National Corpus of Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
22.04.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

- Бочкарев Андрей Евгеньевич**, доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ул. Б. Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Россия)
- Andrey E. Bochkarev**, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Literature and Intercultural Communication, Faculty of Human Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (25/12 B. Pecherskaya Str., 603155, Nizhniy Novgorod, Russian Federation)
- abotchkarev@hse.ru
bochkarev.andrey@mail.ru
ORCID 0000-0002-9650-8604
SPIN-код 3213-6724

УДК 81 + 811.161.1

DOI 10.25205 / 1818-7935-2019-17-3-54-70

**Русские стяженные номинации с суффиксом -к(а)
в социолингвистическом аспекте:
от коммуналки к боевке**

Я. Э. Ахапкина, А. И. Левинзон

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается функционирование стяженных словосочетаний, оформленных аффиксом -к(а) или производными аффиксами, в речи взрослых носителей языка и подростков. На материале опроса и анализа данных интернет-узуса фиксируются преобладающие и маргинальные варианты референтной соотносительности универба / конденсата, полиреферентные лексемы противопоставляются монореферентным, анализируются варианты осмысления стяженных наименований в зависимости от контекста употребления. Интернет-узус позволяет выделить 5 монореферентных универбов (*очка* – ‘очное обучение’, *настолка* – ‘настольная игра’, *личка* – ‘личное сообщение’, *вкусняшка* – ‘вкусная еда / лакомство’, *паленка* – ‘паленая, то есть поддельная, водка’) из 32 лексем словаря (содержавшего также 3 филлера для отбраковки ненадежных анкет). Для каждой полиреферентной единицы выделяется доминирующее значение. Употребления слова в этом значении количественно преобладают. Употребления в доминирующих значениях являются сверткой устойчивых, тяготеющих к терминологичности или идиоматичности сочетаний. В опросе информантов малоупотребительных лексем, вызвавших на вопрос об известности слова более 25 негативных реакций в группе из 72 опрошенных и стимулировавших порождение контекстов употребления менее чем в 25 анкетах, в выборке оказалось 8 (*постоянка, упрощенка, выживалка, читалка, военка, обратка, глобалка, боевка*), помимо филлеров. По этому параметру оценки лексема *паленка* не попала в ряды малоупотребительных. Широкоупотребительных лексем, вызвавших менее 15 негативных реакций на вопрос об известности слова и стимулировавших контекст более, чем в 35 анкетах из 72, выявлено 9 (*духовка, вкусняшка, стиралка, расчлененка, раскладушка, личка, дурка, встреча, запрещенка*).

Ключевые слова

универб с аффиксом -к(а), референтная отнесенность, полисемия, употребительность слова, атрибутивное сочетание, русский разговорный язык, молодежный жаргон, профессиональный жаргон

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Для цитирования

Ахапкина Я. Э., Левинзон А. И. Русские стяженные номинации с суффиксом -к(а) в социолингвистическом аспекте: от коммуналки к боевке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 54–70. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-54-70

**Russian Univerb Nominations with Suffix -k(a)
in the Sociolinguistic Perspective:
From *kommunalka* to *boyovka***

Yana E. Akhapkina, Anna I. Levinzon

*National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Active distribution of lexemes derived from combining attributive phrases in one word – in particular, using the -k(a) suffix – is often associated with their stylistic markedness and expressive tone. Often, however, set -k(a)-formations

© Я. Э. Ахапкина, А. И. Левинзон, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

function as stylistically neutral: open letter – *otkrytka*, student's record book – *zachyotka*. The derivative model is active both in colloquial speech and terminology.

-К(а)-nominates are described in literature (see the works by Isachenko, Kapanadze, Yanko-Trinititskaya, Vinokur, Lopatin, Zemskaya, Osipova, Veprevoi, Ustimenko) as the result of semantic condensation, lexico-syntactic inclusion, lexical ellipsis, univerbation, compression (and are called univerbs, compressives, sometimes distinguishing these types). Due to their tendency to relate to several referents, -к(а)-words tend towards polysemic functioning.

The study explores mono- and polyreferentiality of univerbs, their polysemous nature, and young Russian native speakers' understanding / treatment of mono- and polysemic -к(а)-lexemes.

The article examines 32 relatively active (relevant at least in one meaning) derivational models with affixal -к(а) selected from several sources: the Internet; Contemporary Reverse Russian language dictionary; research, including dictionaries of compressives. Chosen were mainly derivatives from attributive combinations motivated by word-sign (adjective or participle) but without a strict distinction between univerbs and condensates. The informants (the students of HSE Lyceum, Moscow) were given a list that included 3 fillers to measure reliability and identify excessive speech creativity which might induce informants to interpret an uncommon word as known. Control group consisted of adults with technical and humanities background (12 people).

The study objectives were to determine the prevalence and marginality of univerbs, as well as poly- and monoreferential lexemes; to identify the use of dominant and non-actualized values; to show similarities and differences of adolescent and adult usage of compressives and their functioning.

Selected lexemes were interpreted differently in everyday and professional speech, in urban usage and regiolects, in neutral colloquial speech and slangs. According to the analysis of the Internet and the Russian National Corpus newspaper sub-corpus, the selected lexemes are, in most cases, polysemic. Monosemic univerbs are rare. However, multireferential lexemes have dominant meanings that may change with time.

According to the informants' self-evaluation, almost all respondents know the common lexeme *kommunalka*, sometimes in two meanings. Almost no one, at the same time, knows the specialised term *boevka* even in its dominant meaning. Typical context for the proposed words was asked to test whether informants' self-evaluation alligns with general speech practice. Fillers *shhipkovka* and *dobrotka* expectedly produced no contexts, and the most natural potential formation *prpaska* was put in context by 9 informants. *Globalka* and *boevka* are commonly disappearing in live speech regardless of the respondents' age (this is consistent with their self-assessment), while *ochka* and *durka* are dominant in the proposed set of lexemes.

Based on the data collected, there are 9 monoreferential lexemes distinguished by their context formation ability (*nastolka*, *voenka*, *bezlimitka*, *durka*, *globalka*, *zabroshka*, *lichka*, *minusovka*, *vkusnyashka*), none of which are derived from the respondents' answers. As for contextual usage and suggested synonyms, there are 23 polyreferential lexemes.

Informants' individual response to fillers and unfamiliar existing words is similar: when trying to interpret the meaning, their internal form (something motivated by an adjective or participle) is reconstructed. Contexts of use, synonyms and producing base are not specified in these cases. Overall, the fillers differ significantly from the existing words in the sample: reactions to them are rare even in the interpretations' graph. Therefore, the general results of the study of existing words may be said not to be inspired by informants' desire to cooperate or their excessive creativity.

Keywords

Russian affixal -к(а) univerb nouns, reference relatedness, polysemy, word usage, attribute, Spoken Russian, youth slang; professional slang

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE)

For citation

Akhapkina, Yana E., Levinzon, Anna I. Russian Univerb Nominations with Suffix -к(а) in the Sociolinguistic Perspective: From *kommunalka* to *boyovka*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 54–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-54-70

1. Постановка проблемы

1.1. *Разработанность исследовательского вопроса.* Активное распространение лексических единиц, полученных в результате стяжения атрибутивного словосочетания в одно слово, в частности оформленных при помощи суффикса -к(а)¹ (открытое письмо – *открытка*, зачетная книжка – *зачетка*)², обычно связывают с их стилистической маркированностью

¹ Или суффиксов, включающих -к(а)-компонент (-лк-, -ушк-, -енк-, -яшк-), либо сочетания усеченного суффикса -енн- и суффикса -к-).

² В последнем случае наблюдается усечение производящей основы.

и экспрессивной, часто оценочной окрашенностью³ [Химик, 2009. С. 94; Акунеева, 2009. С. 33–34; Осипова, 2014. С. 193–194; Вепрева, 2017. С. 268]. Такие номинаты описаны в литературе как результат семантической конденсации, лексико-синтаксического включения, лексического эллиптизма, универбации, компрессии [Исаченко, 1958. С. 338; Капанадзе, 1973. С. 407–408⁴; Янко-Триницкая, 1964. С. 18, 23; Винокур, 1965. С. 36–37; Лопатин, 1978. С. 72; Земская и др., 1981. С. 82, 120]. Уже в работе Л. И. Осиповой [1999] в разделах 5.2 и 5.3 универбы со значением отвлеченного действия (отглагольные) противопоставлены универбам со значением предметности (отыменным). Однако метонимический перенос позволяет и девербативам формировать предметное значение по модели ‘действие’ → ‘результат’ / ‘инструмент для совершения действия’ (*развивалка*: ‘развивающие занятия’ → ‘развивающая игра’ → ‘развивающая игрушка’). Деривационные модели -к(а)-универбов проанализированы в работе [Дьячок, 2014. С. 36–46]. Отмечается склонность стяженных образований к полисемии или, по крайней мере, к полиреферентности, причем фиксируется их частотная и, напротив, неактуализированная, маргинальная референтная соотнесенность [Капанадзе, 1973. С. 453; Осипова, 2014. С. 195; Ван Циньсян, 2015а. С. 137; 2016; Вепрева, 2017. С. 267].

И. Т. Вепрева, декларируя продуктивность функционирования модели на протяжении последних 60 лет, формулирует правило ограничения на образование универбов. Согласно наблюдениям исследователя, во-первых, универбации противятся атрибутивные сочетания с абстрактным существительным⁵, во-вторых – стилистический контраст опорного существительного (в частности, принадлежащего официально-деловому стилю, книжному дискурсу, высокому языку) и результирующего универба (по преимуществу принадлежащего разговорному, фамильярному регистру, получающего ироническую, игровую, пренебрежительную окраску) [Там же. С. 268, 270]. Однако тенденция к вхождению универбов в словарь нейтрального стиля и сопутствующая потеря ими экспрессивной окраски (ср. *открытка*, *овсянка*, *винтовка*) ограничивают сферу действия этого правила.

Принято выделять тематические группы -к(а)-универбов (в частности, фитонимы [Копоть, 2014. С. 55–57], урбанонимы [Николина, Дозорова, 2015. С. 155–160], вестонимы – наименования одежды [Сметанина, 2002. С. 2]). В работе [Акунеева, 2009. С. 32] отмечено, что некоторые семантические микрополя практически заполняются подобными наименованиями, в частности, названия круп и каш в разговорной речи (*манка*, *гречка*, *овсянка*, *перловка*, *пшеника*). В этой статье выделены следующие тематические группы -к(а)-универбов (сохраняющих соотнесенность с производящим атрибутивным словосочетанием, в отличие от мотивированных прилагательным конденсатов): названия помещений по совершаемому действию или работающему лицу (*сортировка*, *слесарка*), официальных бумаг, документов (*пенсионка*, *похоронка*), площадей, зданий и учреждений (*Таганка*, *Историчка*).

Следует отметить, что имя таксона, предполагающего сочетаемость с различающими элементами множества атрибутами, провоцирует создание гнезда универбов, ср. таксоны *мастерская* (*слесарка*, *столярка*), *библиотека* (*Публичка*, *Ленинка*, *Иностранка*), *удостоверение* (*военка*, *соцалка*).

Благодаря склонности соотноситься с несколькими референтами, универбы стремятся к полисемантическому функционированию. Так, в статье [Ван Циньсян, 2015б. С. 56] фиксируется 5 значений универба *авиационка*: ‘авиационная специальность’, ‘авиационная деятельность’, ‘авиационная резина’, ‘авиационный бензин’, ‘авиационное масло’. Значение универ-

³ По крайней мере, первоначальной, присущей лексемам на стадии вхождения в речь. С временем лексема может терять стилистическую маркированность, Л. И. Осипова приводит в пример слова *винтовка*, *кожанка*, *открытка* [Осипова, 2014. С. 194].

⁴ Впрочем, осуществлялись попытки противопоставления конденсатов универбам по характеру производящей базы – слова (прилагательного) или словосочетания [Капанадзе, 1973. С. 408; Акунеева, 2009. С. 34–35]. У конденсатов в этом понимании отсутствуют синонимичные составные наименования [Там же].

⁵ И чем выше мера абстракции опорного субстантивного компонента, тем менее вероятна универбация.

ба уточняется из контекста, см. [Вепрева, 2017. С. 267]. Этим обстоятельством обусловлена частая встречаемость универба и составного наименования в одном контексте, как в варианте с препозицией универба (и последующей расшифровкой), так и в обратном, с постпозицией универба (сверткой предшествующей составной номинации). При этом Л. И. Осипова, вслед за Л. А. Капанадзе и О. П. Ермаковой, полагает, что в пределах контекста такие универбы однозначны [Капанадзе, 1973. С. 453; Ермакова, 1989. С. 39–50; Осипова, 2014. С. 196]. Они приобретают широкую референциальную соотнесенность и могут трактоваться при помощи широкозначных имен и местоимений – так, анализируя слово *временка*, выделяют соотнесенность его с опорными именами *сооружение, устройство, нечто* [Ермакова, 1989. С. 49–50; Осипова, 2014. С. 195–197].

В пределе универб тяготеет к конденсату (результату словообразовательной конденсации, см., в частности, [Устименко, 1999. С. 98–99] и другие работы автора): мотивированный прилагательным, он может соотноситься с самыми разными референтами и «восстанавливаться» до сочетания с любым существительным, ср. противопоставление условно однозначного универба *читалка* ‘читальный зал, библиотека’ (в момент написания статьи значение ‘электронное устройство для чтения’ еще не распространилось) многозначному *временка* ‘нечто, то есть что угодно, временное’ в статье [Осипова, 2014. С. 197].

1.2. *Источники данных.* Материалом исследования послужили 32 сравнительно активных (не потерявших актуальности хотя бы в одном значении) универба разных словообразовательных моделей с аффиксальным -к(а), отобранных из нескольких источников: во-первых, интернет-узуса (из речи блогеров, материалов новостных лент и аналитических обзоров, рекламы интернет-продаж и сетературы), во-вторых, из современной версии обратного словаря русского языка, первоначально основанного на трудах А. А. Зализняка, в-третьих, из исследований, посвященных анализу универбов, в том числе словарей компрессивов [Сметанина, 2002. С. 149–155; Ван Циньсян, 2016. С. 173–216]. Отбирались преимущественно производные от атрибутивных сочетаний, мотивированные словом-признаком (прилагательным или причастием), однако строгого различия универбов и конденсатов не проводилось. Информантам (60 школьникам лицея НИУ ВШЭ, Москва) предлагался список, в который были включены три филлера⁶ для установления меры достоверности ответа и выявления случаев повышенной кооперативности и избыточной речевой креативности, заставляющих трактовать как известное неупотребительное слово. В качестве контрольной группы выступали 12 взрослых с техническим и гуманитарным образованием.

Инструкция, обращенная к информантам-подросткам, приведена в приложении.

В задачи исследования входило определить распространенность и маргинальность универбов, зафиксировать поли- и монореферентные лексемы, выявить употребления в доминирующих и неактуализированных значениях, определить черты сходства и различия подросткового и взрослого узуса в сфере функционирования компрессивов.

2. Описание данных

2.1. *Узус.* Отобранные лексемы по-разному осмысляются в бытовой и профессиональной речи, в столичном узусе и региолектах, в нейтральной разговорной речи и жаргонах. Согласно результатам анализа интернет-узуса (с пометой ИУ) и газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка⁷, отобранные лексемы имеют следующие варианты осмысления.

⁶ См. список слов в приложении. Благодарим студентку НИУ ВШЭ Юлию Свищеву за организацию опроса, а преподавателей лицея НИУ ВШЭ – за помощь в его проведении.

⁷ URL: <http://www.ruscorpora.ru/>; в примерах написание оригинала по возможности сохранено; при формулировании толкований привлекались данные словарей: *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000; *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007; Но-

Обратка. 1. Обратный билет, рейс. *В далекие рейсы (типа на Сибирь...) без обратки ехать невыгодно совсем* (ИУ). 2. Противодействие. *САА собрались с силами и провели обратку – вернув один из ключевых холмов в районе наступления бандитов* (ИУ). 3. спец. Охлажденный теплоноситель, возвращающийся в котел для подогрева (в отопительных системах). *...перекрыл на всякий случай все батареи. Подача идет теплая... Обратка – холодная* (ИУ). 4. Ответ, обратная связь. *Обратка прилетела. Как говорят теперь укры, где русских нет, там не стреляют* (ИУ). 5. в мистических практиках: Возвращение негативной энергии. *Что лучше: проводить обряды, но бояться обратки... или продолжать практиковать?* (ИУ). 6. в речи наркозависимых: Вены тыльной стороны ладони. *Чтобы укололи в «обратку» – самому проблематично, нужно руку выворачивать...* (ИУ). 7. Обратная лицевой (тыльная) сторона предмета (декоративной плитки, листа бумаги с отпечатанным текстом). *Почему цветная полиэстеровая обратка лучше, чем серая* (ИУ).

Серьезка. 1. Невеста, девушка для серьезных отношений. *Брат, никому не рассказывай, о нас знаешь только ты. ... она моя... серьезка. Ты же не расскажешь?* (ИУ). 2. Нечто серьезное (работа, дело, бизнес, планы, искусство, литература, отношения). *Вот фантастика: куча премий, тысячи имен, миллиарды страниц текстов. Вот «серьезка», рассчитанная не на читателей, а на получение премий...* (ИУ). 3. в жаргоне любителей компьютерных игр: Заклинание «серьезное исцеление». *Для убийства таких мобов... нужно фраг получше чем легкий вред. ... Легкое исцеление не качай, серьезку можно, крит. Если хорошая связь и прямые руки, то мас.серьезку даже не качай – ... толку чуть* (ИУ).

Запрещенка. Этот универб, наряду со словом санкционка, стал предметом специального рассмотрения в статье [Вепрева, 2017]. Автор приводит ряд потенциальных, но не равновероятных расшифровок: *запрещенная еда, террористическая организация, деятельность, информация, демонстрация табачных изделий, литература, запрещенный препарат мелдоний, запрещенные сильнодействующие вещества*. В статье приведены контексты с конкретными опорными именами: *запрещенная еда, запрещенные медикаменты, запрещенные к проносу в тюрьму вещи*. 1. Нечто запрещенное законом, инструкцией, приказом, правилом, моралью, цензурой (литература, деятельность, продукты питания при фиксированной диете, предметы быта в особых условиях ограничения выбора). *Все, что он издавал в своем издательстве «Ультра.Культура», так или иначе подходит под разряд «запрещенки»: и книги Лимонова, и наркологические исследования, и исламская эссеистика...* (ИУ); *Запрещенка: чего не следует есть во время беременности* (ИУ). 2. актуальное административно-политическое употребление (с лета 2014): *Продукты и промышленные товары, попавшие в список ограниченных для ввоза в РФ. Россиян предложили штрафовать за хранение «запрещенки»: Роспотребнадзор предложил штрафовать за хранение и перевозку товаров, запрещенных к ввозу в Россию* (ИУ). 3. Вредные (токсичные) вещества, компоненты медицинских, косметических, продовольственных товаров. *Бьюти-запрещенка: какие ингредиенты не любят в Европе* (ИУ).

Побочка. 1. Побочное явление, реакция, эффект. *Побочка после Манту* (ИУ). 2. Побочный продукт, не предусмотренные рецептом добавки. *Непонятная побочка в тиве* (ИУ). 3. Дополнительное применение. *...сдох один из мотор-редукторов купленных в Китае... Остальные ходили по 40 часов в среднем... Использовались в мешалках в лаборатории, ну и как побочка – в детских кружках на механизмах всяких* (ИУ). 4. Имитаторы субкультуры, копирующие внешние проявления, но не принадлежащие сообществу. *А Женька... протянула: – Слушай ты, побочка, не знаю, из какой ты помойки выползла, но тебе лучше поскорее вернуться обратно* (ИУ).

вые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: В 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014; Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/>.

Очка. Очное обучение. Если не хочешь учиться то ни очка, ни заочка тебе не помогут (ИУ). Потенциальное значение 'очная ставка, встреча' в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

Развивалка. 1. Развивающие занятия, курсы. Курсы раннего развития. «Развивалка» – школа раннего развития. Группы раннего развития по методике М. Монтессори, подготовка к школе, английский язык, логопедические занятия (ИУ). 2. Развивающие игры, игрушки. В статье рассмотрим развивалки для детей 3 лет. Они помогут вам увлечь своего ребёнка надолго (ИУ).

Выживалка. 1. Игра (в том числе компьютерная), гонки, поход на выживание. Сюжетная выживалка на чужой планете (ИУ). 2. Курс обучения выживанию в рамках освоения навыков туризма. Руководитель туристического кружка предупредил, что у детей будет «выживалка» своего рода экзамен пройденному материалу)) им нужно будет самостоятельно... организовать ночлег без палатки (ИУ). 3. Комплект снаряжения для выживания. Палка-выживалка-универсала. Модульный посох для туризма и выживания, имеющий длину 118 см... (ИУ). 4. Условия крайней материальной стесненности, существование в этих условиях лица или проекта. Тут выживалка для одного. Какие такие особо важные лекарства я должен высматривать для 25-летнего лба? Квартплата 3700 у меня за одного с интернетом за 45 квадратов (ИУ). 5. Правила поведения в экстремальной ситуации. Коммуналка-«выживалка». Как и за что можно платить меньше. Отнюдь не всем жителям нашей страны удастся грамотно продумать все методы утепления собственного дома... к зимним холодам (ИУ). 6. Поведение, вынуждающее покинуть общее пространство или удалить из общего пространства кого-либо. Начались выживалки моей кошки. – Как вы моетесь в ванной, там же Оля кошачий туалет моет??? (ИУ).

Недвижка. 1. Недвижимое имущество. Сейчас вообще глупо недвижку покупать. Дешевеет всё будет (ИУ). 2. Покупка и продажа недвижимости, бизнес в сфере недвижимости, рынок жилья. Для агента репутация, это дороже ЛЮБОЙ комиссии, два три ляпа... и все, работа в недвижке закрыта (ИУ). Потенциальное значение 'ограниченность передвижения' в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

Выделенка. 1. Выделенная линия телефонной связи, предназначенная для интернет-соединений. Выделенка обеспечивает широкополосный доступ в интернет на скоростях от 1 Мбит / сек до 50 Мбит / сек (ИУ). 2. Выделенная полоса автомобильной магистрали. В связи со стремительным увеличением числа так называемых выделенок... на российских... дорогах остро встал вопрос об ограничениях, связанных с этими полосами... (ИУ).

Расчлененка. 1. Результат расчленения. Расчлененка в Москве: возле супермаркета нашли две отрубленные человеческие ноги (ИУ). 2. Изображение жестокого убийства, членовредительства. Подскажите фильмы ужасов с извращениями и расчлененкой как хостел или пила (ИУ). 3. Уничтожение, разруха. Расчлененка и хаос на рынке криптовалют (ИУ).

Упрощенка. 1. Упрощенная система налогообложения. За что мы выбираем «упрощенку»? Привлекает простота ведения учета, и... меньшая по сравнению с общей системой налогообложения... налоговая нагрузка (ИУ). 2. Упрощенная система документооборота. Упрощенка: спустя 3 года после начала гражданской войны на Украине, наконец то принят закон об упрощенном получении гражданами Украины российского гражданства (ИУ). 3. Нечто упрощенное. Упрощенка. Подбитый и сгоревший немецкий средний танк Pz.Kpfw.IV Ausf.J, Берлин, май 1945 года. Эта машина наглядно показывает постепенную деградацию в комплектации немецких танков, имевшая место к концу войны (ИУ).

Настолка. Настольная игра. Несмотря на то, что это сугубо карточная настолка, возможность формирования игровой колоды дает очень большую вариативность развития истории (ИУ). Потенциальное значение 'настольный прибор (компьютер, светильник)' в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

Стиралка. 1. Стиральная машина. До не давних пор моя стиралка при отжиме постельного белья начинала бегать по ванной (ИУ). 2. Приспособление для стирания написанного. Набор: губка магнитная – стиралка маркера с магнитной доски + 2 водных маркера (ИУ).

Встречка. 1. Встречная полоса на автомобильной магистрали. Выезд на встречную полосу. Встречка встрече рознь, в аварии на чужой полосе машина может оказаться по разным причинам (ИУ). 2. Едущий навстречу автомобиль. Что делать, если ослепила встречка? Немного уменьшите тягу на ведущих колесах... (ИУ).

Потеряшка. 1. Потерянные вещи. Потеряшка с орг. костра: Всем привет. Кто забыл на орг костре белую пушистую кофту на рост 164? (ИУ). 2. Потерявшийся, заблудившийся человек или животное. Животные имеют обыкновение теряться... например, очень много потеряшек в Новый год, когда всюду грохочут петарды (ИУ).

Напряженка. 1. Напряженные обстоятельства. Напряженное положение, ситуация, обстановка. Психотерапевт: Если в семье «напряженка» – разъезжайтесь на время (ИУ). 2. Дефицит, нехватка. С дровами напряженка, желательно покупать дрова у местных (ИУ).

Военка. 1. Военная кафедра. Обучение на военной кафедре. Что дает военная кафедра студентам в украинских вузах. Для кого-то заманчивый момент – освобождение от одного года службы в армии... Но есть и те, кто после «военки» планирует продвигаться дальше по этой стезе (ИУ). 2. Военное училище, университет. ... такое же разочарование постигло, когда поступил, это забрало весь стимул учиться в военке (ИУ). 3. Военный городок. Мытищинская «Военка» отмечает 85-летие. В сентябре 1932 года были построены первые дома военного городка для 16-го НИИ связи (ИУ). 4. Магазин военных товаров, военторг. Товары, продаваемые в таком магазине. Военка, магазин товаров для военных и активного отдыха в Новосибирске (ИУ). 5. Военная подготовка (школьный предмет). Военка возвращается? В школах большая новость: 1 сентября вступил в силу новый федеральный закон, и теперь военная подготовка... станет обязательным предметом (ИУ). 6. Нечто военное (промышленность, техника, снаряжение, билет). В этом глобальном соревновании, что могла наша страна делать и успешно продать? Военку, атом и повальный экспорт сырья (ИУ).

Безлимитка. 1. Тарифный план без ограничений по времени при оплате связи. МГТС снизила тарифы на «безлимитку» (ИУ). 2. Абонемент со свободным графиком посещения. Студенческая безлимитка на месяц. Для оформления абонемента скидки студентам или учащимся необходимо на ресепшене <тренажерного зала> предъявить студенческий или ученический билет, справку из вуза или школы (ИУ).

Дурка. 1. Сумасшедший дом, психиатрическая больница. Когда я в дурке лежал, у нас туалет иногда закрывали на генеральную уборку и ставили ведро на балконе, чтобы туда ходили (ИУ). 2. Запутанная ситуация, абсурдное положение. Я тут переговорил с одним человеком в буфете, после перерыва. Ну, насчёт кроватей. На чём спать будем. Ты знаешь, какая вышла дурка? Мы так испугались, а ведь краватка это не то, что мы подумали. Это же галстук на самом деле! (ИУ). 3. в воровском жаргоне: Дамская сумочка. Дурка у этой крали была из крокодиловой кожи (ИУ).

Глобалка. 1. шутол. Эпическое изображение масштабных событий в искусстве. Исторические жанры с таким изображением. Богдан, а у меня беда с новыми глобалками (не могу прочитать глобалку, в которой герои и злодеи поменялись местами, глобалку в которой мстители воевали с иллюминатами (она вообще вышла?)) (ИУ). 2. технич. Глобальная прошивка. У продавцов на Али появились телефоны якобы с глобалкой, а тут ее нет (ИУ). 3. Нечто глобальное (событие, сражение, проект, стратегия, проблема). Антоним локалка. «Глобалка». Очередные игры прошли на турнире «Глобальная Лига. Kids» (ИУ). Глобальные события, они же «глобалки», стали незаменимыми в комикс-Вселенных, ведь лучшего повода собрать под одной обложкой толпу популярных героев (ИУ).

Духовка. 1. Духовой шкаф для приготовления пищи. В духовке – быстрые и простые рецепты для дома на любой вкус (ИУ). 2. шутол. Духовные ценности, культура. Дорогие выпускники, с готовностью ищущие семинового шестилапа! Духовка, и еще раз духовка! Но поста-

райтесь подумать! Откуда она, эта возможность вместе искать белый 7-стопный амфибрахий с женской клаузулой? Что дала вам гимназия? (ИУ).

Заброшка. 1. Заброшенное здание. Как говорят жители окрестных домов, заброшенное здание было набито легковоспламеняющейся ветошью и строительным мусором. Кроме того, «заброшку» давно облюбовали местные бомжи (ИУ). 2. Заброшенная территория, объект. По мнению некоторых специалистов, огромная территория Чернобыльской зоны отчуждения может быть квалифицирована как одна большая заброшка (ИУ).

Коммуналка. 1. Квартира на несколько семей. ... Аня следует советам нечистого на руку риелтора и в результате оказывается без дома. Она вынуждена жить в коммуналке. Поначалу ей трудно найти общий язык с соседями (ИУ). 2. Оплата коммунальных услуг. С 1 июля тарифы на услуги ЖКХ вырастут в среднем на 4 %. Это рост в пределах инфляции, но россиянам надоело постоянное повышение стоимости коммуналки (ИУ).

Личка. в жаргоне пользователей социальных сетей: Личное сообщение, доступное только отправителю и получателю. А сегодня я вам расскажу о том... что на Ютубе есть личка – т.е. возможность писать личные сообщения друг другу! (ИУ). Потенциальные значения ‘личная (некорпоративная) электронная почта’, ‘личная (частная) жизнь’ в употреблении не реализованы, примеров не обнаружено.

Минусовка. 1. Запись музыкального произведения, в котором отсутствует одна или более партий, обычно вокал или солирующий инструмент. Записать собственную минусовку на имеющуюся песню из базы данных сайта и на нее записать свой голос, а затем выложить на сайт минус и плюс песни (ИУ). 2. Плохое настроение, депрессия. знаешь, Девы тоже не менее чувствительны))) ну мы женщины. мы и должны жить чувствами и ощущениями. Главное, не уйти в минусовку))) (ИУ). Потенциальное значение ‘отрицательный баланс’ в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

Раскладушка. 1. Раскладная кровать. Ортопедические раскладушки с матрасом купить недорого (ИУ). 2. Раскладной мобильный телефон. Раскладушки критиковали даже в те времена, когда форм-фактор был в тренде... Но когда дело доходило до обновления телефона, даже самые brutальные мужчины изучали рынок раскладушек, явно догадываясь, что и там есть достойные модели (ИУ). 3. Раскладное устройство, мебель (стол-раскладушка, книжка-раскладушка). Продам красивый новый стол-раскладушку. В использовании около 11 месяцев (ИУ).

Читалка. 1. Читальный зал библиотеки. С утра я опоздала и вместо лекции пошла в читалку. ... мне надо еще два реферата, по экономгеографии и по геоурбанистике (ИУ). 2. Электронный ридер, устройство для чтения. В остальном нового мало: в частности, «читалка» предлагает для хранения ваших книг встроенную память размером 4 Гбайт (ИУ).

Постоянка. 1. Постоянная работа, место жительства, учебы. В нашем городе еще шесть таких должностей, как моя, но все они декретные, моя – постоянка. (ИУ). 2. Девушка, отношения с которой длятся непрерывно в течение продолжительного времени. Говорил да это моя постоянка сейчас называю гражданской женой (ИУ). 3. Нечто устойчивое, непрерывное. Аппаратом свароч. постоянного тока варить легче брызг почти нет. переменным труднее... постоянка ест любые электроды. переменка только электроды для переменки (ИУ).

Вкусняшка. Лакомство, нечто вкусное. Торт «Молочная девочка» – немецкая вкусняшка (ИУ). Потенциальное значение ‘нечто нравящееся говорящему’ в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

Зеркалка. 1. Зеркальная камера, фотоаппарат. На практике бюджетные зеркалки младших серий как раз специально рассчитывались для домохозяек и не требуют никаких фотографических знаний (ИУ). 2. В магических практиках: Зеркальная защита. Просите мага поставить зеркалку от магии. Так вы себя застрахуете от любого наведенного негатива... (ИУ).

Боевка. 1. Защитная одежда. *Боевая одежда пожарных, или «боевка», – комплект для защиты тела человека от опасных и вредных факторов при тушении пожара (ИУ).* 2. Ситуация в ролевой игре, предполагающая сражение с использованием игрового оружия. *Итак, в середине (начале, конце) игры вы решили сделать боёвку (ИУ).* 3. Игра, в том числе компьютерная, связанная с военными тактиками. Противопоставлена небоевой игре – *социалке*. *По мотивам предыдущего поста про боёвку в CRPG и прочих рассуждений о жанре, мне тут в оффлайне задали провокационный вопрос – а какая боевая система мне, собственно, нравится более всего? (ИУ).*

Паленка. Поддельная водка, вино. *Струнинская «палёнка» расходилась на ура... водка, виски, коньяк и шампанское самых популярных в России брендов продавались и дома, и в местных магазинах (ИУ).* Потенциальное значение ‘фальсифицированная / самодельная продукция, выдаваемая за фирменную (помимо алкоголя)’ в употреблении не реализовано, примеров не обнаружено.

В узусе обнаружено 5 монореферентных универбов из 32 лексем словника: *очка, настолка, личка, вкусяшка, паленка*. Для каждой полиреферентной единицы выделяется доминирующее значение. Слова в этом значении количественно преобладают. Употребления в доминирующих значениях являются сверткой устойчивых, тяготеющих к терминологичности или идиоматичности сочетаний.

2.2. *Анализ данных. Опрос.* В анкету были намеренно включены три квазислова разной степени естественности, но с прозрачной внутренней формой: *припаска* (ср. просторечное *запаска* – ‘запасное колесо’, ср. нормативное *припасы* от *припасать*), *добротка* (от *доброта*, *добротный*), *щипковка* (от *щипковые* <музыкальные инструменты>, от *щипать*, *щипок*). Об известности слова сообщили в первом случае 11 респондентов, во втором – 7, в третьем – 1. Наименее известным из существующих оказалось слово *боевка* (только 12 респондентов признали его известным). Мы считаем слово малоупотребительным, если более 25 человек признали его неизвестным, и широкоупотребительным, если менее 15 человек считают слово неизвестным. Данные об отрицательных ответах на вопрос об известности существующего слова:

Вопрос: *Знакомо ли Вам слово?*

Ответ: *Нет*

Коммуналка 1	Расчлененка 3	Встречка 6	Заброшка 13	Потеряшка 22	Паленка 26	Выделенка 35	Серьезка 44
Духовка 2	Раскладушка 3	Безлимитка 9	Минусовка 15	Развивалка 24	Постоянка 27	Выживалка 37	Обратка 45
Вкусяшка 2	Личка 4	Напряженка 11	Зеркалка 16	Очка 25	Настолка 27	Читалка 40	Глобалка 52
Стиралка 3	Дурка 5	Запрещенка 13	Недвижка 21	Побочка 25	Упрощенка 31	Военка 42	Боевка 60

Согласно самооценке, *коммуналку* знают почти все информанты, *боевку* – почти никто не знает. Тестом на соответствие самооценки информантов речевой практике был вопрос о типичном контексте для предложенных слов. Приведем цифры, показывающие, сколько респондентов привели контексты употребления для каждого из слов:

Очка 51	Духовка 41	Стиралка 40	Зеркалка 35	Выделенка 29	Минусовка 26	Недвижка 23	Постоянка 16
Дурка 48	Побочка 41	Развивалка 39	Коммуналка 35	Напряженка 29	Паленка 25	Читалка 22	Военка 14
Личка 43	Расчлененка 41	Запрещенка 39	Заброшка 32	Настолка 28	Серьезка 25	Обратка 21	Глобалка 4
Раскладушка 42	Встречка 41	Вкусяшка 37	Потеряшка 29	Безлимитка 28	Выживалка 24	Упрощенка 17	Боевка 3

Филлеры *щипковка* и *добротка* ожидаемо не дали контекстов, а наиболее естественное образование *припаска* поместили в контекст 9 информантов (ср. *очка*, которое поместили в контекст четверо информантов, указавших, что не знают слова). Таким образом, в живом речепорождении универбы *глобалка* и *боевка* исчезающе мало употребительны в речевой практике информантов (это согласуется с самооценкой), а *очка* и *дурка* – доминирующие по употребительности в предложенном наборе лексемы.

Согласно анкетным данным, монореферентных имен по способности сформировать контекст оказалось 9 (*настолка* ‘игра’, *военка* ‘кафедра’, *безлимитка* ‘тариф’, *дурка* ‘больница’, *глобалка* ‘явление культуры’, *заброшка* ‘здание’, *личка* ‘эл. сообщения’, *минусовка* ‘муз. запись’, *вкусняшка* ‘еда’), по предложенным информантами толкованиям – суммарно ни одного (например, *дурка* в толкованиях не только психиатрическая больница, но и характеристика человека; *глобалка* – не только масштабное явление культуры, но и всемирная сеть). *Настолка*, *личка* и *вкусняшка* монореферентны и по результатам анализа интернет-узуса.

Полиреферентных лексем, если учитывать контекстное употребление и предложенные синонимы, суммарно в выборке оказалось 23.

По каждому слову учитывалась его референтность в каждой анкете и в большей части анкет. Процентное соотношение ответов с указанием значений и примеров представлено в таблице, из которой видно, что к монореферентности в индивидуальном сознании носителя языка (при осознанном иллюстрировании одного значения одним примером) склоняются лексемы *запрещенка*, *побочка*, *стиралка*, *вкусняшка* и *духовка* (47–56 % анкет), ср. выше: *вкусняшка* монореферентна по всем тестам. При этом если *вкусняшка* (‘нечто вкусное’) принципиально широкозначна и, будучи соотносима с разными денотатами, транслирует оценочный компонент значения, то *побочка* (‘побочный эффект’) по характеру однозначной семантизации близка к термину. Суммарно в анкетах для *стиралки* значение ‘стиральная машина’ отчетливо перевешивает значение ‘стирательная резинка’, для *духовки* бытовое ‘духовой шкаф’ перекрывает ироничное метафизическое ‘духовная пища, культура’, а *запрещенка*, модельно будучи аналогична *вкусняшке* (‘нечто запрещенное’), ситуативно актуализирована не как ‘запрещенная литература’, а как ‘запрещенная к ввозу зарубежная продукция’. Отчетливо полиреферентны (два значения, к каждому по примеру в нескольких анкетах) *коммуналка* и *раскладушка*, обладавшие традиционными значениями ‘коммунальная квартира’ и ‘раскладная кровать’ и приобретшие новые значения ‘плата за коммунальные услуги’ и ‘раскладной мобильный телефон’.

Среди проигнорированных запросов ожидаемо лидируют филлеры, близкими к которым по числу отказов оказываются существующие слова *военка* и *паленка*.

Малоупотребительных (более 25 негативных реакций на вопрос об известности слова и менее 25 предложенных в выборке контекстов) – 8 (*постоянка*, *упрощенка*, *выживалка*, *читалка*, *военка*, *обратка*, *глобалка*, *боевка*), помимо филлеров. По этому параметру оценки *паленка* не попала в ряды малоупотребительных.

Широкоупотребительных (менее 15 негативных реакций на вопрос об известности слова и более 35 предложенных в выборке контекстов) – 9 (*духовка*, *вкусняшка*, *стиралка*, *расчлененка*, *раскладушка*, *личка*, *дурка*, *встречка*, *запрещенка*).

Доминирующие значения предложенных слов-стимулов интерпретируются в модели конденсата: нечто определяемое прилагательным или причастием (*обратка* ‘нечто обратное’, *серьезка* ‘нечто серьезное’, *потеряшка* ‘нечто потерянное’, *заброшка* ‘нечто заброшенное’). Однако очевидна и встречная тенденция как для монореферентных слов, так и для полиреферентных с закрепленными для каждого значения конкретными денотатами: *стиралка* (‘машина’ или ‘резинка’), *побочка* (‘эффект’), *развивалка* (‘игра’, ‘книжка’, ‘занятие’), *выживалка* (‘игра’), *недвижка* (‘имущество’), *выделенка* (‘линия связи’), *расчлененка* (‘труп’, ‘фильм-боевик’), *настолка* (‘игра’), *напряженка* (‘ситуация’), *военка* (‘кафедра’),

Значения и иллюстрации значений употребленными слова в контексте
(в процентах от общего числа анкет)

Explanations and illustrations based on a word in context
(as a percentage of the total number of questionnaires)

Слово	Данные анкет						
	нет ни значений, ни примеров	одно значение, к нему один пример	два значения, к каждому по примеру	три значения, к каждому по примеру	одно значение, примеров нет	два значения, примеров нет	два значения, пример к одному
Обратка	27,3	24,2	0,0	0,0	45,5	0,0	3,0
Серьезка	19,7	34,8	0,0	0,0	45,5	0,0	0,0
Запрещенка	4,5	47,0	0,0	0,0	40,9	0,0	7,6
Побочка	6,1	56,1	1,5	0,0	33,3	1,5	1,5
Развивалка	18,2	37,9	0,0	0,0	36,4	1,4	6,1
Выживалка	19,7	31,8	0,0	0,0	45,5	1,5	1,5
Недвижка	16,7	39,4	0,0	0,0	43,9	0,0	0,0
Припаска	40,9	10,6	0,0	0,0	48,5	0,0	0,0
Выделенка	25,8	21,2	0,0	0,0	51,5	1,5	0,0
Расчлененка	6,1	43,9	1,5	0,0	47,0	1,5	0,0
Упрощенка	25,8	10,6	0,0	0,0	63,6	0,0	0,0
Настолка	15,2	34,8	1,5	0,0	45,5	3,0	0,0
Стиралка	3,0	47,0	0,0	0,0	48,5	1,5	0,0
Встречка	3,0	43,9	0,0	0,0	51,6	0,0	1,5
Потеряшка	24,2	21,3	1,5	0,0	48,5	3,0	1,5
Напряженка	16,7	27,2	0,0	0,0	56,1	0,0	0,0
Военка	42,4	15,2	0,0	0,0	39,4	3,0	0,0
Безлимитка	19,7	24,2	0,0	0,0	56,1	0,0	0,0

Слово	Данные анкет						
	нет ни значений, ни примеров	одно значение, к нему один пример	два значения, к каждому по примеру	три значения, к каждому по примеру	одно значение, примеров нет	два значения, примеров нет	два значения, пример к одному
Дурка	9,1	37,9	0,0	0,0	51,5	0,0	1,5
Глобалка	45,5	6,1	0,0	0,0	48,4	0,0	0,0
Заброшка	7,5	36,4	0,0	0,0	56,1	0,0	0,0
Коммуналка	3,0	33,4	6,1	0,0	54,5	0,0	3,0
Личка	7,6	40,9	1,5	0,0	48,5	0,0	1,5
Раскладушка	10,6	31,8	6,1	1,5	47,0	1,5	1,5
Читалка	33,3	19,7	1,5	0,0	42,5	3,0	0,0
Щипковка	90,9	1,5	0,0	0,0	7,6	0,0	0,0
Постоянка	33,3	15,2	0,0	0,0	51,5	0,0	0,0
Вкусняшка	12,1	47,0	0,0	0,0	40,9	0,0	0,0
Зеркалка	15,2	40,9	0,0	0,0	42,4	0,0	1,5
Боевка	63,6	1,5	0,0	0,0	34,9	0,0	0,0
Паленка	42,5	31,8	0,0	0,0	24,2	1,5	0,0
Минусовка	24,2	28,8	0,0	0,0	47,0	0,0	0,0
Духовка	4,5	48,5	0,0	0,0	47,0	0,0	0,0
Добротка	51,5	0,0	0,0	0,0	48,5	0,0	0,0
Очка	22,7	45,5	0,0	0,0	30,3	1,5	0,0

реже ‘билет / удостоверение’ – распространено слово *военник*, реже ‘форма’ или ‘поселение’), *дурка* (‘сумасшедший дом’), *коммуналка* (‘квартира’ или ‘плата’), *личка* (‘аккаунт’), *раскладушка* (‘кровать’ или ‘телефон’), *читалка* (‘зал’ или ‘ридер’), *зеркалка* (‘фотоаппарат’), *минусовка* (‘музыкальная запись без голоса’), *очка* (‘форма обучения’, реже ‘встреча’, ‘ставка’).

Отличия подросткового дискурса от взрослой речи не носят значимого характера. Подросткам несколько лучше знакома современная культура, они отчетливее представляют себе соотношенность с действительностью слов *обратка*, *выживалка*, *зброшка*, *личка*, *минусовка*, но слабее – слов *недвижка*, *выделенка*, *военка*, *очка*.

3. Обсуждение результатов

Близка индивидуальная реакция информантов на филлеры и на незнакомые существующие слова: при попытке дать толкование реконструируется внутренняя форма (нечто мотивированное определением), контексты употребления, синонимы, производящая база в этих случаях не указываются. Суммарно по выборке филлеры существенно отличаются от существующих слов: реакции на них единичны даже в графе толкований. Соответственно, общие результаты опроса по существующим словам не инспирированы стремлением информанта к кооперации или избыточной креативностью.

Универбация и конденсация – активные словообразовательные процессы, широко охватывающие не только речь субкультур и профессиональные речевые сферы (ср. *галка* – гала-концерт, *минька* – мини-футбол) или быт (ср. *туалетка* – туалетная бумага, *панелька* – панельный дом, *прикаска* – продукция, продаваемая при магазинной кассе), но и публичный дискурс (ср. *запрещенка* в новостном сюжете НТВ: <https://www.ntv.ru/novosti/1410521/>).

Существенных отличий в восприятии универбов взрослыми и школьниками не обнаружено. Универбы устойчиво делятся на монореферентные и полиреферентные, вторые сохраняют семантический акцент на мотивирующем атрибуте.

Обнаружена синонимия слов *обратка*, *встречка*, *зеркалка* в значении ‘ответная реакция’. Ключевой семой для такого употребления выступает направленность референта мотивирующих атрибутов *обратный*, *встречный*, *зеркальный* к наблюдателю.

Широкозначность конденсатов становится причиной региональной и социальной вариативности осмысления -к(а)-образований (*серьезка* – ‘девушка для серьезных отношений’, преимущественно на юге России, *стиралка* – ‘ластик, стирательная резинка’ на северо-западе России, *минька* – ‘мини-футбол’ в субкультуре болельщиков).

С течением времени доминирующее значение универба может меняться: *коммуналка* – от ‘коммунальная квартира’ к ‘коммунальные услуги’, *раскладушка* от ‘раскладная кровать’ к ‘раскладной телефон’.

Экспрессивный характер номинации не является обязательным условием возникновения и функционирования универба, более существенными признаками выступают краткость (однословность) наименования и продуктивность модели конструирования -к(а)-производных.

Приложение

Слова для опроса (подчеркнуты филлеры – не существующие в речевой практике лексемы, без конвенционального значения):

1. обратка	13. настолка	25. коммуналка
2. серьезка	14. стиралка	26. личка
3. запрещенка	15. встреча	27. минусовка
4. побочка	16. потеряшка	28. раскладушка
5. очка	17. напряженка	29. читалка
6. развивалка	18. военка	30. <u>щипковка</u>
7. выживалка	19. <u>добротка</u>	31. постоянка
8. недвижка	20. безлимитка	32. вкусняшка
9. <u>припаска</u>	21. дурка	33. зеркалка
10. выделенка	22. глобалка	34. боевка
11. расчлененка	23. духовка	35. паленка
12. упрощенка	24. заброшка	

Инструкция для информанта

Укажите, пожалуйста, Ваш пол (м / ж), возраст ____ и класс ____.

Ниже приведены слова, образованные стяжением словосочетаний и оформленные при помощи суффикса. Ответьте, пожалуйста, на вопросы (по каждому слову из списка):

1. Знакомо ли Вам слово? да / нет
2. Употребляют ли это слово в Вашем окружении
 - взрослые да / нет
 - подростки да / нет

3. Употребляете ли Вы это слово? да / нет

4. Сформулируйте предложение, из которого ясно, как употребляется слово (если оно Вам знакомо). Если значений несколько, приведите несколько предложений.

5. Приведите синонимы или близкие описательные выражения для каждого значения слова (если они есть и Вам знакомы).

6. Из какого словосочетания образовано слово (для каждого значения)?

7. Сформулируйте значение / значения слова.

Пример:

зачетка

да

нет

да

нет

Бумажными зачетками в университете больше не пользуются, недавно ввели электронные ведомости.

студенческий дневник

зачетная книжка

документ, в котором фиксируются отметки студента

Дополните, пожалуйста, список тремя употребительными словами, недавно (на Ваш взгляд) появившимися в языке.

Список литературы

- Акунеева Д. В.** *Маршрутка, зачетка, социалка*: Наименования с формантом -ка // Русская речь. 2009. № 3. С. 32–35.
- Ван Циньсян.** Русские универбы: омонимия, многозначность, однозначность // Университетский научный журнал. 2015а. № 14. С. 137–143.
- Ван Циньсян.** Универб и производящее словосочетание: синонимические отношения // Мир русского слова. 2015б. № 4. С. 55–58.
- Ван Циньсян.** Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 216 с.
- Вепрева И. Т.** Актуальные универбы в современной речевой практике // В созвездии слов и имен: Сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 264–273.
- Винокур Т. Г.** Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 29–38.
- Дьячок Н. В.** Средства формирования универбов в контексте универбализационных моделей // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 2. С. 32–47.
- Ермакова О. П.** О семантическом объеме некоторых типов производных слов // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1989. С. 39–50.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.** Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Исаченко А. В.** К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. Т. 27, № 3. С. 334–352.
- Капанадзе Л. А.** Номинация // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 403–481.
- Копоть Л. В.** Фитонимы, подвергшиеся универбации: диахронный аспект // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 54–58.
- Лопатин В. В.** Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 72–80.
- Николина Н. А., Дозорова Д. В.** Универбы-урбанонимы в социокультурном пространстве города // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск: Изд-во Брянской гос. инженерно-технологической академии, 2015. С. 155–161.
- Осипова Л. И.** Активные процессы в современном русском словообразовании: Суффиксальная универбация, усечение: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 506 с.
- Осипова Л. И.** Полиреферентность суффиксальных универбов-существительных в русской разговорной речи // Текст, контекст, интертекст: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (г. Москва, 15–17 октября 2013 г.). М.: Изд-во МГПУ, 2014. Т. 1, ч. 1. С. 193–204.
- Сметанина А. В.** Средства и способы номинации в современном русском языке (на материале наименований одежды, появившихся в современном русском языке во второй половине XX века): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 155 с.
- Устименко И. А.** Семантическая конденсация и формальная стяженность в их отношении к явлению «экономии» в языке // Филология на рубеже XXI века: Материалы Междунар. науч. конф. Белгород, 1999. С. 98–99.
- Химик В. В.** Русские универбаты в семантическом и функциональном аспектах // Слово есть дело: Сб. науч. тр. в честь проф. И. П. Лысаковой. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. Т. 1. С. 91–97.

Янко-Триницкая Н. Н. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 18–35.

References

- Akuneeva D. V.** *Marshrutka, zacetka, sotsialka*: naming with -ka formant. *Spoken Russian*, 2009, no. 3, p. 32–35. (in Russ.)
- Diachok N. V.** Formation of univerbs in the univerbal models context. In: *Philological research. Presentations of higher education*, 2014, no. 2, p. 32–47. (in Russ.)
- Ermakova O. P.** Semantical volume of different types of derivatives. In: *Derivation types – synchronous and diachronous*. Vladivostok, Far East branch of the Academy of Science of the USSR Publishing, 1989, p. 39–50. (in Russ.)
- Isachenko A. V.** To the question of structural typology of the lexicon of Slavic languages. *Slavia*, 1958, vol. 27, no. 3, p. 334–352. (in Russ.)
- Janko-Trinititskaya N. N.** Processes of insertion in lexis and derivation. In: *Modern Russian language grammar and lexis development*. Moscow, Science, 1964, p. 18–35. (in Russ.)
- Kapanadze L. A.** Nomination. In: *Russian oral speech*. Moscow, Science, 1973. p. 403–481. (in Russ.)
- Khimik V. V.** Russian univerbats: semantic and functional aspects. In: *Word is deed: antology in honour of prof. I. Lysakova*. St. Petersburg, Gertsen RSPU Publishing, 2009, vol. 1, p. 91–97. (in Russ.)
- Kopot L. V.** Fytonimes, that underwent univerbation: diachronic aspect. *Bulletin of the Adygeya University. Series 2: Philology and Art*, 2014, no. 2 (140), p. 54–58. (in Russ.)
- Lopatin V. V.** Univerbs with suffixes and adjacent models in new words formation Moscow, Science, 1978, p. 72–80. (in Russ.)
- Nikolina N. A., Dozorova D. V.** Univerbs as urban names in the sociocultural space of a city. In: *Problems and tendencies of the sociocultural space development. Materials of an international conference*. Briansk, Briansk State Engineering Academy, 2015, p. 155–161. (in Russ.)
- Osipova L. I.** Active processes in the modern Russian words formation: univerbation with suffixes, truncation. PhD Thesis. Moscow, 1999, 506 p. (in Russ.)
- Osipova L. I.** Polyreferential noun univerbs with suffixes in Russian oral speech. In: *Text, context, intertext: Antology, based on the «Vinogradovskie chteniya» international conference materials* (Moscow, 15–17 October 2013). Moscow, MGPU Publishing, 2014, vol. 1, part 1, p. 193–204. (in Russ.)
- Smetanina A. V.** Methods and ways of nomination in the contemporary Russian language (based on clothes' denomination in the second half of the XX century). PhD Thesis. Moscow, 2002, 155 p. (in Russ.)
- Ustimenko I. A.** Semantic condensation and formal concreteness in their relation to the phenomenon of “economy” in language. In: *Philology at the turn of the 21st century: Proceedings of the international scientific conference*. Belgorod, 1999, p. 98–99.
- Veprava I. T.** Actual univerbs in contemporary speech practice. In: *In constellation of words and names: antology to the anniversary of Maria Root*. Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2017, p. 264–273. (in Russ.)
- Vinokur T. G.** Elliptic usage in contemporary oral speech. In: *Development of the lexis of the modern Russian language*. Moscow, Science, 1965, p. 29–38. (in Russ.)
- Wang Qinxian.** New Russian univerbs: formation models, semantics, functioning. PhD Thesis St. Petersburg, 2016, 216 p. (in Russ.)
- Wang Qinxian.** Russian Word-Condensates: Homonymy, Ambiguity, and Unambiguity. *University Scientific Journal*, 2015, no. 14, p. 137–143. (in Russ.)
- Wang Qinxian.** Univerb and producing collocation: synonymic relationship. In: *World of Russian word*. 2015. № 4. p. 55–58. (in Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryaev E. N. Russian spoken language. General questions. Word formation. Syntax. Moscow, Science, 1981, 276 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
22.03.2019*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Ахапкина Яна Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Yana E. Akhapkina, Associate Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

yakhapkina@hse.ru

SPIN РИНЦ 2087-7124

ORCID 0000-0001-6274-4708

ResearcherID K-7783-2015

Scopus AuthorID 57195358258

Левинзон Анна Иосифовна, старший преподаватель школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Anna I. Levinzon, Senior Lecturer of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

alevinzon@hse.ru

ORCID 0000-0002-2969-7951

ResearcherID J-6778-2015

Scopus AuthorID 57195359069

УДК 81.33

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82

Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа

А. В. Колмогорова

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу валидности текстов жанра «интернет-откровение» в качестве источника данных для обучающей выборки в целях тренировки модели компьютерного классификатора интернет-текстов на русском языке по критерию их эмоциональной тональности. Целью осуществляемого проекта является создание программы, способной автоматически оценивать тексты как вербализующие одну из восьми эмоций (модель Г. Левхейма) или как эмоционально нейтральные. Для достижения цели возникла необходимость в формировании обучающей выборки – коллекции интернет-текстов, где каждому из них уже приписана определенная эмоция или оценка «нейтрально». В качестве источника подобных данных выбраны тексты из публичной группы «Подслушано» в социальной сети «ВКонтакте». Всем текстам публика присущи специфические черты, позволяющие рассматривать их совокупность как отдельный нарративный жанр интернет-откровения, свойства которого описаны с применением метода нарративной семиотики А. Ж. Греймаса. Выявлены качественные и формальные преимущества текстов данного жанра в качестве источника данных для сентимент-анализа.

В качестве ограничения, накладываемого текстами жанра «интернет-откровение» на выборку, выступает их нарративный характер, что исключает из коллекции данных иные типы дискурсивных единиц, например, аргументативы или дескриптивы.

Ключевые слова

сентимент-анализ, обучающая выборка, интернет-тексты, жанр «интернет-откровение», социальные сети, нарратив

Благодарности

Исследовательская группа благодарит Российский Фонд Фундаментальных Исследований за финансовую поддержку проекта (проект № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Левхейма”»)

Для цитирования

Колмогорова А. В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 71–82. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82

Texts of “Internet Confessions” as a Source for Training Data Set for the Research on the Sentiment-Analysis Field

Anastasia V. Kolmogorova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article aims to analyze the validity of Internet confession texts used as a source of training data set for designing computer classifier of Internet texts in Russian according to their emotional tonality. Thus, the classifier, backed by Lövheim’s emotional cube model, is expected to detect eight classes of emotions represented in the text or to assign the text to the emotionally neutral class. The first and one of the most important stages of the classifier creation is the training data set selection. The training data set in Machine Learning is the actual dataset used to train the model for

© А. В. Колмогорова, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

performing various actions. The internet text genres that are traditionally used in sentiment analysis to train two or three tonalities classifiers are tweets, films and market reviews, blogs and financial reports. The novelty of our project consists in designing multiclass classifier that requires a new non-trivial training data. As such, we have chosen the texts from public group Overheard in Russian social network VKontakte. As all texts show similarities, we united them under the genre name "Internet confession". To feature the genre, we applied the method of narrative semiotics describing six positions forming the deep narrative structure of "Internet confession": Addresser – a person aware of her/his separateness from the society; Addressee – society / public opinion; Subject – a narrator describing his / her emotional state; Object – the person's self-image; Helper – the person's frankness; Adversary – the person's shame. The above mentioned genre features determine its primary advantage – a qualitative one – to be especially focused on the emotionality while more traditional sources of textual data are based on such categories as expressivity (tweets) or axiological estimations (all sorts of reviews).

The structural analysis of texts under discussion has also demonstrated several advantages due to the technological basis of the Overheard project: the text hashtagging prevents the researcher from submitting the whole collection to the crowdsourcing assessment; its size is optimal for assessment by experts; despite their hyperbolized emotionality, the texts of Internet confession genre share the stylistic features typical of different types of personal internet discourse.

However, the narrative character of all Internet confession texts implies some restrictions in their use within sentiment analysis project.

Keywords

sentiment analysis, training data set, Internet texts, Internet confession genre, social networks, narratives

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00205 "Design of sentiment classifier for Internet-texts in Russian backed by Lovheim's Cube emotional model"

For citation

Kolmogorova, Anastasia V. Texts of "Internet Confessions" as a Source for Training Data Set for the Research on the Sentiment-Analysis Field. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 71–82. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82

Введение

В современном глобальном мире общение в социальных сетях стало не только нормой, но и доминирующей формой коммуникации. В сети обсуждаются политические новости, события, хобби, подробности личной жизни звезд, но, кроме того, в виртуальное пространство выплескивается и субстанция психической и эмоциональной жизни реальной личности. Социальные медиа гибко приспосабливаются к актуальным потребностям – появляются новые интернет-жанры.

В центре внимания данной публикации один из таких жанров – нарративный жанр интернет-откровений, появившийся несколько лет назад благодаря новому медийному формату, предложенному создателем публичной группы «Подслушано» в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте».

Предметом анализа являются характеристики текстов данного жанра, обеспечивающие эффективность их использования в качестве источника данных для тренировки алгоритма машинного обучения по прецедентам в контексте задач сентимент-анализа русскоязычных интернет-текстов.

Основной исследовательский вопрос статьи может быть сформулирован следующим образом: каковы преимущества и ограничения данных, полученных из коллекции текстов подобных интернет-откровений, по сравнению с другими источниками, для решения задачи определения дискриминантных черт текстов, вербализующих разные эмоции?

Для ответа на данный вопрос мы последовательно охарактеризуем специфику осуществляемого исследовательской группой проекта в области сентимент-анализа, жанр интернет-откровений в целом, выделим его свойства, позволяющие эффективно использовать тексты данного жанра для целей сентимент-анализа, а также некоторые ограничения материала, сравнив его с другими типами данных, традиционно используемых для решения обсуждаемых задач.

Обсуждение проблемы

Краткая характеристика проекта: цель, теоретическая основа и методология

Цель исследовательского проекта – разработка компьютерной программы, на вход которой подается интернет-текст на русском языке, а на выходе пользователь получает оценку эмоциональной тональности, доминирующей в тексте. Например, этот текст – грустный, а тот – вербализует эмоцию злости.

Актуальность такой технологии в том, что она позволяет автоматически обрабатывать большие массивы текстов для мониторинга общественного мнения, проведения маркетинговых кампаний и оценки успешности, а также для выявления случаев эмоционального насилия, как, например, на шумевшая история с группами суицидальной направленности, подписчиками которых являются дети.

Ведущим методом проекта является сентимент-анализ текстов. Это выявление эмоциональной тональности текста при помощи методов обработки естественного языка, статистики, машинного обучения. Впервые этот термин был использован в статьях S. R. Das и M. Y. Chen [2001], B. Pang, L. Lee и Sh. Vaithyanathan [2002].

Теоретической основой для выделения репертуара эмоциональных тональностей послужила классификация эмоций Г. Левхейма, визуализированная ученым в виде куба – так называемый «куб Левхейма». Шведский нейрофизиолог разработал модель корреляции базовых эмоций с комбинацией уровней трех моноаминов – серотонина, дофамина и норадреналина [Lövhim, 2012. С. 342], визуализировав ее в виде куба на координатной плоскости с осями 5-HT (серотонин), NE (норадреналин), DA (дофамин). В зависимости от сочетания уровня данных гормонов в крови субъекта эмоции исследователь выделяет восемь эмоций, где первая номинация класса отражает наименее выраженную степень интенсивности эмоции-аффекта, а вторая – ее высшую точку: Интерес / Возбуждение; Удовольствие / Радость; Удивление; Страдание / Тоска; Гнев / Ярость; Страх / Ужас; Презрение / Отвращение; Стыд / Унижение.

В качестве метода для разработки программы-классификатора выбрана технология машинного обучения по прецедентам, основной принцип которой – по частным данным, представляющим набор пар «объект, ответ», выявить закономерности, присущие не только конкретной обучающей выборке, но и генеральной совокупности данных.

Для подобной технологии важнейшим этапом является формирование обучающей выборки – коллекции текстов, где каждому из них уже приписан эмоциональный класс: этот текст вербализует эмоцию радости, а другой, например, отмечен страданием. Данная выборка служит основой для «обучения» алгоритма, который, обрабатывая размеченные данные, строит статистически релевантные модели, устанавливает зависимости. Но при создании выборки обычно возникают два ключевых вопроса: 1) из какого источника брать тексты? и 2) кто и как их будет аннотировать? Ответы на них были найдены благодаря постам из публичной группы «Подслушано» «ВКонтакте», написанным в жанре интернет-откровений.

Общая характеристика жанра интернет-откровений

Поскольку жанр интернет-откровений является в определенном смысле порождением публика «Подслушано», охарактеризуем контент публичной группы согласно модели, предложенной в [Гуськова, Левина, 2016].

1. *Количество участников группы, социальный портрет участников группы.* По словам создателя группы, дающего интервью под псевдонимом Владимир Огурцов, у группы 9 млн пользователей в месяц и 150 тысяч активных пользователей в сутки¹; по его словам, аудитория у «Подслушано» разная: «нам пишут как мужчины, так и женщины всех возрастов.

¹ <https://vc.ru/story/23626-podslushano>

Можно встретить секреты студентов, рабочих, пенсионеров, богатых и бедных людей – словом, читателей самых разных социальных прослоек» (МК, 02.02.2015, № 19).

2. *Краткое описание группы, созданное ее администрацией.* На приветственном экране мобильного приложения, с помощью которого подписчики могут отправлять модераторам группы свои истории, значится: «Мы – социальный развлекательный проект, в котором люди каждый день анонимно делятся своими секретами, откровениями и жизненными ситуациями перед огромной аудиторией»².

3. *Контент стены группы* составляют эмоционально окрашенные нарративы от первого лица, в которых авторы анонимно («для того, чтобы открыть душу, не боясь социального прессинга», – отмечает В. Огурцов (МК, 02.02.2015, №19)) делятся самыми интимными личностными переживаниями, вопреки традициям сохранения лица.

4. *Активность участников группы* при наполнении контента группы и комментировании информации на стене группы. Архитектура группы предполагает сложное взаимодействие и взаимопереплетение активностей участников: одни участники загружают свои истории в приложение, другие, зарекомендовавшие себя в качестве «продвинутых пользователей», отбирают те из них, которые они хотели бы увидеть на стене группы, и уже эти истории попадают «в руки» редакторов; они выбирают самые интересные, не затрагивающие табуированные темы истории, проверяют их подлинность и публикуют под определенным тематическим хештегом; наконец, опубликованные после редакторской селекции анонимные нарративы подписчики могут комментировать.

5. *Тематика контента*, создаваемого участниками группы разнообразна и отражена в хештегах группы: смешное; пошлое; страшное; бабушки; ненависть; «паштет»; странное; похоть; мистика; чернуха; стыдно; зависть; жестокость; изнанка; лень; одиночество; коты; бесит; детство; мечты; семья; наблюдения; сны; алчность; работа; лайфхак; фууу; добро; хомьяки; счастье; дружба; предательство; хобби; провал; любовь; общение; пьянь и т. д.

6. *Языковые особенности контента*, созданного участниками группы, и комментариев. Тексты написаны, как правило, в рамках разговорного письменно-речевого стиля, сформировавшегося в интернет-среде, однако нередки и включения из обценной лексики.

7. *Ценностные ориентиры участников группы*, создающих контент на стене группы и комментирующих информацию. Хотя на заре развития сетей нередко высказывались гипотезы о грядущем расщепления идентичности пользователей на «сетевую» и «реальную», современные исследователи фиксируют совершенно иную тенденцию – стремление личности к достоверности и самовыражению как в объективной реальности, так и в интернет-пространстве [Евсюкова, Шилова, 2015]; именно такое стремление, глубоко фундированное в ценности приятия противоречивости реальной человеческой личности, включая те ее грани, которые традиция сохранения социального лица запрещала демонстрировать, объединяет подписчиков группы.

Впрочем, нельзя не отметить, что стремление к предельной откровенности признаний зачастую приближается к другой крайности, которая, на наш взгляд, удачно была определена в [Пожидаева, Карамалак, 2018] как «киберэкзгибиционизм».

Для того чтобы сделать краткое описание жанра интернет-откровений мы воспользовались методологией нарративной семиотики [Greimas, 1987], поскольку все истории основаны на принципах нарративного дискурса.

А. Ж. Греймас предлагает использовать для описания глубинной структуры нарратива – фундаментальной системы ценностей, встроенной в текст, – систему из шести актантов, которые не обязательно являются актерами: а) адресант – определенная сила, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста; б) адресат – несет ценности (а), поэтому имеет отношение к объекту, на который адресант распространяет цен-

² https://app.ideer.ru/?referrer=appmetrica_tracking_id%3D530071196532780788%26ym_tracking_id%3D18326465027784365313

ности; в) субъект – выполняет главную роль в повествовании; г) объект – цель, на которую направлен интерес субъекта; д) помощник – поддерживающая сила, которая помогает субъекту в его стараниях, направленных на объект; е) противник – препятствующая сила, которая олицетворяет все, что удерживает субъекта от достижения цели [Титчер, Мейер и др., 2017. С. 177].

Если описать специфику каждого актанта в нарративном жанре интернет-откровения, то получится следующая система ролей.

Адресантом в интернет-откровениях является, по большому счету человеческая личность, охваченная чувством отчужденности, по Э. Фромму [Fromm, 1956. С. 23], которое «является источником всех тревог. <...> Быть отдельным от всех означает быть беспомощным, неспособным активно контактировать с миром <...>; это значит, что мир может подмять меня, лишенного способности сопротивляться» [Там же]. Это человек, который хочет рассказать о самом сокровенном – иногда отвратительном, пугающем – переживании, чтобы, разделив его с другими, как бы влиться в коллективное человеческое «Я», преодолев губительное чувство отчужденности. Как пишут редакторы паблика, суть «Подслушано» – «это не любопытство, а потребность почувствовать себя не одиноким, ощутить то самое единение с незнакомцем, который читает в метро твою любимую книгу» [Люди слишком верят...]. Это самое «коллективное Я» и заполняет актантную позицию адресата, обобщенного носителя противоречивой ценностной установки – с одной стороны, это стремление принять и понять, что все мы разные, уникальные, но, с другой – это и одновременная приверженность идеологии конформизма, спрятанная в тайной надежде, что и у других такое было: «если я такой же, как все, если у меня нет мыслей и чувств, которые бы отличали меня от других <...>, то я спасен от пугающего одиночества» [Fromm, 1956. Р. 29].

Субъектом в анализируемых нарративах выступает «я» рассказчика – он переживает определенное эмоциональное состояние, спровоцированное собственным ощущением жизни (1) либо поведением других в этой жизни (2):

(1) Работаю в очень известном заведении, бармейд, отлично выгляжу, общительная, начитанная, начальство, подчиненные, гости восхищаются мной, поклонников много (с работы, естественно). Но стоит мне выйти с работы, превращаюсь в абсолютного мизантропа. Отвергаю все свидания. Сажу дома, пью и смотрю фильмы, сериалы. Любое общение вне работы отвергаю. Мне уже 27. Ни разу не было серьезных отношений. Мне одиноко и страшно. Очень одиноко.

(2) Устроилась в фирму, где директором работала моя мать. Решила не афишировать, что являюсь её дочерью, хотя постепенно все узнали. Директор она строгий и требовательный, что многим работникам не нравится. Работу свою выполняю хорошо, на уровне. И как же меня бесит, что люди, выше меня должностью, срываются на мне, если у них с моей мамой произошёл конфликт. Торкают, принижают, пытаются как-то задеть. Я понимаю, пытаются отыграться, но бесит неимоверно! Думаю переводиться в другой филиал. Достали.

Объектом же является образ самого себя, получившийся в результате отражения «в глазах» других людей: я честно рассказал вам о том, что я чувствую; кто я после этого по-вашему? М. М. Бахтин писал: «Я сижу всегда на двух стульях. Я строю свой образ (осознаю себя) одновременно и из себя, и с точки зрения другого» [Бахтин, 2000. С. 236].

Заполнителем актантной позиции помощника – некоторой силы, помогающей субъекту в его усилиях – является откровенность. Именно она оправдывает порой неприглядность демонстрируемой изнанки личностного «я» рассказчика, как бы говорящего: да, я, может быть, смешон или безобразен в своих чувствах и поступках, но я ничего от вас не скрываю, я показываю все как есть. Противоборствующей силой, противником, как правило, выступает чувство стыда. Кто-то находит в себе силы этот стыд артикулировать (*мучает совесть, очень*

стыдно (3)), а кто-то пытается камуфлировать его оправданиями (*нечем кормить ребенка, проблемы на работе, счета за квартиру* (4)):

(3) *Мой папа сидел в тюрьме за убийство почти 15 лет, я живу с мамой. Она всегда боялась, что я вырасту такой же агрессивной, как он. Я считала это бредом, до того момента, когда я избила её за то, что она, придя с работы в плохом настроении, накричала на меня. Теперь мучает совесть, не знаю как это произошло... очень стыдно;*

(4) *Продала поддельную брошь Шанель по цене настоящей...Подделка качественная, не дешёвая, но подделка все-таки. Проблемы на работе, ребёнка кормить нечем, а тут ещё за квартиру счета пришли. Знаю, что поступила неправильно, совесть мучает уже несколько дней, но понимаю, что собственный ребёнок дороже, чем та фифа в розовом мини, которая купила ту самую брошь. Ненавижу себя.*

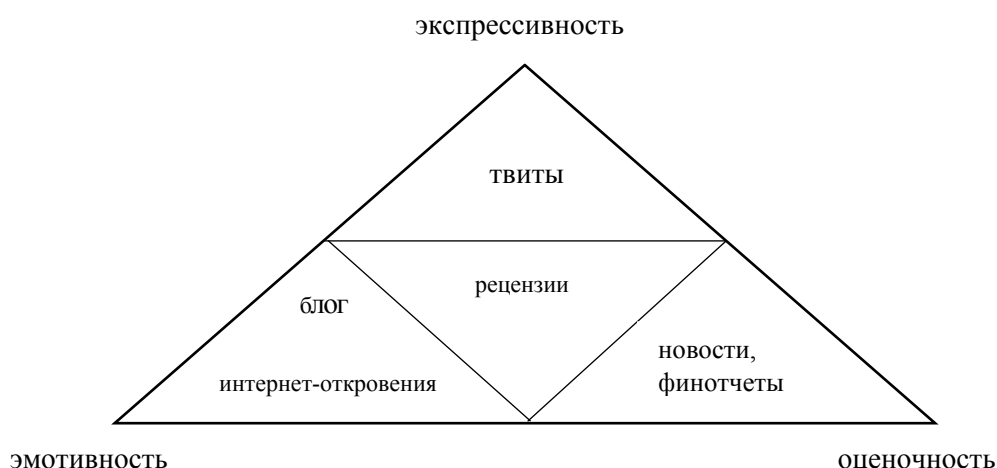
Таким образом, нарративный жанр интернет-откровений – это сложное взаимодействие личностного «я» индивида и коллективного человеческого «я», разворачивающееся в поле притяжения двух полюсов – откровения и стыда, результатом которого становится воссоздаваемый индивидом образ себя, достойный самопритятия. Данный жанр принадлежит жанрам персонального интернет-дискурса [Пожидаева, Карамалак, 2018].

*Преимущества и ограничения текстов жанра интернет-откровений
как источника данных для обучающей выборки
в контексте задач по сентимент-анализу*

Прежде всего, стоит отметить, что большинство кейсов, выполненных с использованием технологий сентимент-анализа, решают задачу двух- или трехчастной классификации текстов на позитивно-оценочные, негативно-оценочные и нейтральные [Liu et al., 2007; Hogenboom et al., 2015], часто объединяемые в группу *opinion mining technologies* [Pang, Lee, 2008]. Подчеркнем, что наш проект преследует цель создать алгоритм для классификации текстов согласно схеме «8 эмоциональных классов + 1 нейтральный», поэтому дискуссионным остается вопрос о том, насколько адекватны для данной цели традиционные для *opinion mining* источники данных: твиты [Bollen et al., 2011], рецензии интернет-пользователей на фильмы, товары, посты в блогах [Boiy, Marie-Francine, 2009], финансовые отчеты [Ghose, Ipeirotis, 2007].

Все перечисленные тексты так или иначе находятся в поле сопряжения трех лингвистических категорий: экспрессивности, оценочности и эмотивности. Первая определяется как «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего» [Арнольд, 1975. С. 5]; оценочность трактуется как семантическая категория, реализующаяся в рамках аксиологических полюсов «хорошо – плохо» [Вольф, 1985], а эмотивность – как языковое выражение эмоциональности при помощи различных средств языка [Ленько, 2015. С. 86]. Если мы расположим различные жанровые разновидности текстов-источников данных для сентимент-анализа между тремя этими категориями, то получим следующую визуализацию (см. рисунок).

Если в новостных текстах и финансовых отчетах доминирует оценочность, а экспрессивность и эмотивность практически не выражены ввиду ограничений, накладываемых самими жанрами, то тексты маркет- и кинорецензий с необходимостью включают в себя языковые средства оценки, комбинируемые, как правило, со средствами выражения экспрессивности и эмоционально окрашенными языковыми единицами. Формат микроблоггинга в Твиттере предполагает создание достаточно короткого экспрессивного текста-реакции на какое-либо событие политической, социальной или личной жизни пользователя. И хотя твиты нередко бывают эмоционально окрашенными, эта эмоциональность всегда подчинена экспрессии. Для выражения собственно эмоций необходимо более обширное текстовое пространство, которое как раз предполагается форматами жанров интернет-откровений и постов в блогах.

Распределение жанров интернет-текстов между категориями экспрессивности, оценочности и эмотивности

Different Internet text genres bias towards categories of expressivity, appraisal and emotivity

С размером текста в жанре интернет-откровения связано и одно из его формальных преимуществ для использования в качестве источника данных в целях сентимент-анализа: чтобы точно оценить эмоцию, вербализованную в том или ином фрагменте текста, эксперту, занимающемуся аннотированием обучающей выборки, необходимо, чтобы этот фрагмент не был ни слишком большим (тогда велика вероятность размывания эмоции, ее смешения с другой эмоцией), ни слишком маленьким – в последнем случае контекст будет недостаточным для идентификации эмоции. В пилотном исследовании подобного рода на материале художественной прозы [Колмогорова, 2018] нами опытным путем был определен оптимальный объем текстового фрагмента для аннотирования – 60–80 слов. Истории в жанре интернет-откровений, публикуемые в «Подслушано», именно такого размера.

Другим преимуществом является то, что истории в жанре «интернет-откровение» публикуются уже после их разметки при помощи хештега редакторами паблика. Поскольку ведущей интенцией текстов интернет-откровений является желание искренне рассказать о пережитом эмоциональном состоянии, получив тем самым ощущение единения с другими, а хештег отражает коммуникативную цель интернет-публикации [Патрушева, 2018], редакторы, приписывая тот или иной хештег тексту, по сути дела, фиксируют эмоцию, о которой хочет рассказать данный автор, выступая, не подозревая об этом, в качестве ассессоров. Обычно это пользователи краудсорсинговых платформ, за небольшое вознаграждение оценивающие тексты в соответствии с теми критериями, которые задают разработчики классификатора.

Путем проб и ошибок нам удалось соотнести ряд хештегов с нужными нам 8 эмоциональными классами текстов (см. таблицу). Отметим также, что жанр интернет-откровений предполагает не-нейтральную оценку автора к высказываемым фактам, поэтому в настоящий момент в нашей обучающей выборке собраны только тексты, размеченные в соответствии с 8 классами эмоций по Левхейму. В дальнейшем в работе в качестве нейтрального корпуса планируется использовать внешний корпус нейтральных текстов – например, корпус новостей Яндекса.

Объем подкорпусов и их соотнесение с хештегами
Emotional subcorpora size and its hashtagging

Эмоциональный класс текстов (подкорпус)	Объем подкорпуса в токенах	Хештег в «Подслушано»
Страдание / Тоска	56 470	#Подслушано_одиночество
Интерес / Возбуждение	184 074	#Подслушано_успех
Удовольствие / Радость	85 117	#Подслушано_счастье
Страх / Ужас	230 730	#Подслушано_страшное
Брезгливость/Отвращение	45 868	#Подслушано_фууу
Злость / Гнев	131 564	#Подслушано_БЕСИТ
Стыд / Унижение	70 232	#Подслушано_стыдно
Удивление	288 272	#Подслушано_наблюдения #Подслушано_странное

Из таблицы следует, что ряд хештегов прямо указывают на эмоциональное состояние: #Подслушано_счастье (я хочу рассказать вам о той ситуации, когда я испытывал чувство счастья (5)), #Подслушано_страшное (...когда мне было страшно (6)), Подслушано_стыдно (...когда мне было стыдно (7)):

(5) *Переехала в Питер, случайно в баре встретила с очень известным исполнителем, и всё — искра! Я понимаю, что недолговечно, что таких как я, вероятно, миллион. Но когда он в Питере, то пропадает у меня в квартире. Недавно сказал: «Люблю просыпаться здесь не меньше, чем засыпать...» Счастлива;*

(6) *Как-то ночью проснулась от детского смеха в стороне балкона. Отчётливый и то приближается, то отдаляется. Причем злоеющий такой. Светит луна, занавеска колыхается, ребёнок злорадно смеётся и напевает. Кот лежит на моём плече и смотрит огромными глазами на балкон... Собрал кишки в кулак, иду к балкону. Оказалось, это форточка открылась от ветра, колыхая занавески. Какая-то пьянь наматывала круги под моими окнами, ожидая такси, и у неё бесконечно звонил телефон с этим самым смехом и песенкой;*

(7) *Когда училась в школе, жили вдвоём с мамой. Она всегда готовила, придерживалась мнения, что есть надо дома, что это полезно. Я же после школы наедалась всякого говна с друзьями и, приходя домой, выливая суп. Мамы не стало полгода назад, но перед глазами она, уставшая, стоящая у плиты после работы, варящая мне суп, чтобы я ела здоровую пищу. И я, сливающая ее труд в туалет, выбрасывающая котлеты в мусоропровод. Сердце разрывается, не понимаю, как я могла быть такой ублюдкой, стыдно до трясушки.*

Другие хештеги указывают на эмоцию опосредованно – через типичные для ситуации переживания этой эмоции слово, реплику, тематическую референцию. Например, #Подслушано_фууу – междометие *фуу* является вербальным проявлением эмоции отвращения; #Подслушано_БЕСИТ – реплика *бесит* стала в последнее время общепринятым «зачином» для выражения злости, возмущения. Есть такие сюжеты, темы, которые устойчиво ассоциируются в социальной реальности с той или иной эмоцией, например, успех – это радость, удовольствие (#Подслушано_успех), а одиночество неминуемо связано с тоской, депрессией, грустью (#Подслушано_одиночество). Следует признать, что наибольшие трудности вызвало выявление хештега, коррелирующего с эмоцией удивления по Г. Левхейму. В итоге были отобраны два хештега: #Подслушано_наблюдения и #Подслушано_странное. Однако в процессе рандомизированного предъявления группе ассессоров тексты именно из этих двух тематических групп вызвали наибольший разброс оценок, что привело к необходимости по-

вторного аннотирования ассессорами всей коллекции историй под данными двумя хештегами.

Следующее преимущество текстов интернет-откровений состоит в том, что, обладая наибольшей выраженностью категории эмотивности по сравнению с традиционными источниками данных для тренировки алгоритмов сентимент-анализа, они сохраняют стиливые черты письменно-разговорного интернет-дискурса: предпочтительность вводных (*мол, ...*), неполных (*Сижу, плачу*), параллельных (*Ты покупаешь себе модную одежду...; Ты идешь в пустую квартиру...; Ты клянешься себе никогда больше не любить...*) и эллиптических конструкций (*Я простила, он – нет*), обилие повторов (*Мой муж ничего не хочет делать со мной вместе. На какие-то курсы – нет. В спортзал – нет. На выставку – нет*), вопросительных (*Я понимаю, что фиксированных остановок нет, я ещё могу понять остановки через улицу, но блин, просить остановить «за поворотом», когда только что отъехали от остановки «перед поворотом»?*) и восклицательных предложений (*Надоели суицидники в метро! Почему бы не сделать это, например, дома? Работники метро и сотни пассажиров не должны страдать из-за чьих-то неудач!*) [Горошко, 2008. С. 391], частотность сокращений, разговорных, просторечных ЛЕ (*Тётка 50+, которой каждую смену звонят какие-то хмыри с сайтов знакомств, и она им по полчаса (!) орёт, что на работе и разговаривать не может... Твою ж мать, если не можешь разговаривать, сделай отбой и работай*).

Наконец, нельзя не упомянуть и об одном недостатке текстов обсуждаемого жанра, который, как это часто бывает, является продолжением их достоинств – все они представляют собой примеры исключительно нарративного дискурса. В сформированной таким образом обучающей выборке нет текстов-дескриптивов или текстов-аргументативов. Окажет ли данный фактор негативное влияние на точность модели, обученной на такой выборке, покажет практика.

Заключение

Проведя анализ специфики жанра интернет-откровений на материале публикаций в публичке «Подслушано» в социальной сети «ВКонтакте», мы можем ответить на поставленный в начале статьи вопрос о преимуществах и ограничениях подобных текстов в качестве источника данных для обучающей выборки в целях сентимент-анализа, следующим образом.

Данный жанр имеет преимущества: а) качественные: тот факт, что жанровая роль адресанта в данных текстах выполняет человеческая личность, пытающаяся преодолеть чувство отчужденности, а ее адресатом становится общечеловеческое «я» коллектива, обуславливает тяготение таких текстов к реализации именно категории эмотивности, а не экспрессивности или оценочности, которые вторичны; б) формальные: 1) тексты уже подверглись первичной эмоциональной разметке при помощи хештегов, что облегчает их извлечение и позволяет избежать затратной в финансовом и временном плане процедуры разметки ассессорами для значительной части данных; 2) размер текстов оптимален для восприятия экспертами или ассессорами; 3) при выраженной категории эмотивности тексты сохраняют лексическую, синтаксическую и графическую специфику, свойственную в целом персональному интернет-дискурсу социальных сетей.

Ограничением является нарративный характер всех текстов жанра «интернет-откровение», исключающий из обучающей выборки иные типы дискурсивных единиц по критерию их дискурсивной организации.

Сейчас ведется расширение обучающей выборки для тренировки многоклассового классификатора русскоязычных интернет-текстов по их эмоциональной тональности за счет текстов данного жанра. В настоящий момент максимальный показатель *weighted average f1-score*, представляющий собой взвешенное по доле каждого класса гармоническое среднее значений точности и полноты классификации, приближается к 50 % (0.50). Ведется поиск

оптимальных дискриминантных черт текстов различных эмоциональных классов, подаваемых «на вход» классификатору.

Список литературы

- Арнольд И. В.** Интерпретация художественного текста: типы высказываний и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975. С. 5–9.
- Бахтин М. М.** Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Горошко Е. И.** Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета // *Educational Technology & Society*. 2008. Т. 11 (2). С. 388–411.
- Гуськова С. В., Левина В. Н.** Особенности общения в открытых группах в социальной сети «ВКонтакте» как отражение ценностных ориентров молодежной аудитории // Вестник Волгogr. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2016. Т. 15, № 3. С. 66–77.
- Евсюкова Т. В., Шилова Е. С.** Проблема самоидентификации языковой личности в социальных сетях // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 8–15.
- Колмогорова А. В.** Вербальные маркеры эмоций в контексте решения задач сентимент-анализа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 83–93.
- Ленько Г. Н.** Анализ категории эмотивности и смежных с ней понятий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 84–91.
- Патрушева Л. С.** Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2018. Т. 28, вып. 3. С. 471–475.
- Пожидаева Е. В., Карамалак О. А.** Хэштеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food» (Пища / еда)) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 106–118. DOI 10.17223/19986645/55/8
- Титчер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.** Методы анализа текста и дискурса / Пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.
- Boiy E., Marie-Francine M.** A Machine Learning Approach to Sentiment Analysis in Multilingual Web Texts. *Inf. Retrieval*, 2009, no. 12 (5), p. 526–558.
- Bollen J., Mao H., Zeng X.** Twitter Mood Predicts the Stock Market. *Journal of Computational Science*, 2011, no. 2 (1), p. 1–8.
- Das S., Chen M.** Yahoo! for Amazon: Extracting Market Sentiment from Stock Message Boards. In: Proc. of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA), 2001, p. 1–16.
- Fromm E.** Art of Loving. New York, 1956, 133 p.
- Ghose A., Ipeirotis P. G.** Designing Novel Review Ranking Systems: Predicting the Usefulness and Impact of Reviews. In: Proc. of the 9th International Conference on Electronic Commerce, 2007, p. 303–310.
- Greimas A. J.** De l'Imperfection. Périgueux, P. Fanlac, 1987, 102 p. (in Fr.)
- Hogenboom A., Frasincar F., Jong F., Kaymak U.** Polarity Classification Using Structure-Based Vector Representations of Text. *Decis. Support Syst.*, 2015, no. 74, p. 46–56.
- Liu Y., Huang X., An A., Yu X.** ARSA: A Sentiment-Aware Model for Predicting Sales Performance Using Blogs. Proc. of the 30th Annual International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval, 2007, p. 607–614.
- Lövheim H.** A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Medical Hypotheses*, 2012, no. 78, p. 341–348.
- Pang B., Lee L.** Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Inf. Retrieval*, 2008, no. 2 (1–2), p. 1–135.

Pang B., Lee L., Vaithyanathan Sh. Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Techniques. Proc. of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), 2002, p. 79–86.

Список источников примеров

«Люди слишком верят в свою уникальность»: легко ли быть редактором «Подслушано». URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/7644-lyudi-slishkom-veryat-v-svoyu-unikalnost-legko-li-byt-redaktorom-podslushano/> (дата обращения 22.02.2019).
Подслушано ВК. URL: <https://vk.com/overhear> (дата обращения 22.02.2019).

References

- Arnold I. V.** Fiction Text Interpretation: Types of Utterances and the Problem of Expressivity. In: Expressive Means in English. Leningrad, 1975, p. 5–9. (in Russ.)
- Bakhtin M. M.** Author and Hero: Towards the Philosophical Basis of Humanities. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 336 p. (in Russ.)
- Boiy E., Marie-Francine M.** A Machine Learning Approach to Sentiment Analysis in Multilingual Web Texts. *Inf. Retrieval*, 2009, no. 12 (5), p. 526–558.
- Bollen J., Mao H., Zeng X.** Twitter Mood Predicts the Stock Market. *Journal of Computational Science*, 2011, no. 2 (1), p. 1–8.
- Das S., Chen M.** Yahoo! for Amazon: Extracting Market Sentiment from Stock Message Boards. In: Proc. of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA), 2001, p. 1–16.
- Evsyukova T. V., Shilova E. S.** The Problem of Self-identification of the Linguistic Personality in Social Networks. *Bulletin MRSU. Issue: Russian Philology*, 2015, no. 6, p. 8–15. (in Russ.)
- Fromm E.** Art of Loving. New York, 1956, 133 p.
- Ghose A., Ipeirotis P. G.** Designing Novel Review Ranking Systems: Predicting the Usefulness and Impact of Reviews. In: Proc. of the 9th International Conference on Electronic Commerce, 2007, p. 303–310.
- Goroshko E. I.** Gender Aspects of Communication (as Based on the Educational Practices on the Internet). *Educational Technology & Society*, 2008, vol. 11 (2), p. 388–411. (in Russ.)
- Greimas A. J.** De l'imperfection. Périgueux, P. Fanlac, 1987, 102 p. (in Fr.)
- Guskova S. V., Levina V. N.** Features of Communication in the Open Groups of the VKontakte Social Network as a Reflection of Value Orientations of Young Audience. *Bulletin of Volgograd State University. Issue 2, Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 3, p. 66–77. (in Russ.)
- Hogenboom A., Frasincar F., Jong F., Kaymak U.** Polarity Classification Using Structure-Based Vector Representations of Text. *Decis. Support Syst.*, 2015, no. 74, p. 46–56.
- Kolmogorova A. V.** Verbal Markers of Lövheim's Eight Emotional Classes in Sentiment Analysis Researches. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 1, p. 83–93. (in Russ.)
- Lenko G. N.** Analysis of Emotivity and Related Concepts. *Bulletin of LGU Named after A. S. Pushkin*, 2015, no. 1, p. 84–91. (in Russ.)
- Liu Y., Huang X., An A., Yu X.** ARSA: A Sentiment-Aware Model for Predicting Sales Performance Using Blogs. Proc. of the 30th Annual International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval, 2007, p. 607–614.
- Lövheim H.** A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Medical Hypotheses*, 2012, no. 78, p. 341–348.
- Pang B., Lee L.** Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Inf. Retrieval*, 2008, no. 2 (1-2), p. 1–135.
- Pang B., Lee L., Vaithyanathan Sh.** Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Techniques. Proc. of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), 2002, p. 79–86.

- Patrusheva L. S.** Hashtagging as a New Process of Communication. *Bulletin of Udmurt University. Issue: History and Philology*, 2018, vol. 28, no. 3, p. 471–475. (in Russ.)
- Pojidaeva E. V., Karamalak O. A.** Hashtags in Social Networks: Intentions and Affordances (Exemplified in the English Language by Message Groups on the Topic “Food”). *Bulletin of TSU. Philology*, 2018, no. 55, p. 106–118. DOI 10.17223/19986645/55/8 (in Russ.)
- Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E.** *Method of Text and Discourse Analysis*. Westdeutscher Verlag GmbH, Wiesbaden, 1998, 356 p. (in Russ.)
- Wolf E. M.** *Functional Semantics of Appraisal*. Moscow, Nauka, 1985. 256 p. (in Russ.)

Sources of Examples

«People believe too much in their uniqueness»: is it easy to be editor in Overheard group? URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/7644-lyudi-slishkom-veryat-v-svoyu-unikalnost-legko-li-byt-redaktorom-podslushano/> (date of access 22.02.2019).
Overheard VK. URL: <https://vk.com/overhear> (date of access: 22.02.2019).

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
15.03.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Anastasia V. Kolmogorova, Doctor of Philology, Full Professor, Head of Romance Languages and Applied Linguistics Department, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
nastiaKol@mail.ru
ORCID 0000-0002-6425-2050

Содержательно-стилистические особенности неканонической православной интернет-проповеди в современной России

К. С. Шаров

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изменению содержания и стилистики неканонической православной религиозной проповеди в цифровую эпоху в российском интернет-пространстве по сравнению с канонической православной проповедью в храме. Особое внимание уделено изучению риторики современных православных проповедников, ведущих свои интернет-видеоканалы, веб-сайты, форумы и блоги. Методология исследования включает системный, структурный и интертекстуальный анализ. Показано, что содержание интернет-проповеди во многом определяется самими интернет-пользователями и тематикой их обращений. Фундаментальными характеристиками содержательной стороны интернет-проповеди становятся: 1) направленность на индивида, личность, его задачи и цели, а не на отвлеченные теологические проблемы; 2) переосмысление феномена ближнего; 3) переход от исихастской традиции проповеди внутренней духовной сосредоточенности к проповеди религиозной интерактивности. Особенности стиля цифровой проповеди можно считать: 1) переход от простых ответов к риторике новых вопросов, адресованных аудитории; 2) эмпатию, со-участие человеку в его жизненных коллизиях и переживаниях; 3) стремление поделиться религиозной информацией, а не навязать ее; 4) наличие различных риторических и стилистических приемов для разной аудитории; 5) тенденция к жаргонизации языка проповеди, подчас даже не обусловленная запросом аудитории. Обращает на себя внимание двойственный, противоречивый характер православной цифровой проповеди в российском интернет-пространстве. С одной стороны, это явление можно считать позитивным для православной проповеди в целом, поскольку таким образом можно распространять христианские идеи в тех социальных группах, которые не составляют ядро прихожан православных храмов, например, школьников, студентов, представителей технических профессий. С другой стороны, до сих пор неясна эффективность такой проповеди. Отсутствие достоверных статистических данных и результатов социологических исследований, касающихся православной интернет-проповеди, не дает возможности на данном этапе развития феномена говорить о его эффективности или неэффективности.

Ключевые слова

неканоническая религиозная проповедь, гомилетика, эпоха интернета, цифровая эра, интернет-проповедь

Для цитирования

Шаров К. С. Содержательно-стилистические особенности неканонической православной интернет-проповеди в современной России // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 83–96. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-83-96

Content and Stylistic Peculiarities of Non-Canonical Orthodox Internet Sermon in Modern Russia

Konstantin S. Sharov

*M. V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper is concerned with a study of the changing content and style of non-canonical Christian religious preaching in the digital age. Special attention is paid to the analysis of modern rhetoric Christian preachers practice in their Internet channels, forums and blogs. It is shown that the content of the Internet sermon is largely determined by the

Internet users themselves and the topics of their appeals. The fundamental characteristics of the content of the Internet sermon are: 1) focus on the individual, their private goals and objectives, not just on theological problems; 2) rethinking the phenomenon of the neighbour; 3) a shift from the Hesychast tradition of preaching the importance of inner spiritual concentration to the preaching of religious interactivity. The observed stylistic features of the digital preaching can be summarised as follows: 1) moving away from simple answers to the rhetoric of new questions addressed to the audience; 2) empathy, co-participation with a person in his/her life conflicts and experiences; 3) desire to share religious information, not to impose it; 4) resorting to various rhetorical techniques to reach different audiences; 5) a tendency to use slang, sometimes even irrespective of the audience's language preferences and expectations. It should be pointed out that the Orthodox Internet sermon in the Russian Internet space has a dual and contradictory nature. On the one hand, this phenomenon can be regarded as positive for the Orthodox preaching in general, since it is a means of spreading Christian ideas in the social groups that do not constitute a core of parishioners of Orthodox churches, for example, schoolchildren, students, representatives of technical professions, etc. On the other hand, the effectiveness of such preaching is still unclear. Lack of reliable statistics as well as the results of the survey related to the Orthodox Internet preaching gives us no opportunity to judge about effectiveness or ineffectiveness of the phenomenon at this stage of its development.

Keywords

non-canonical religious sermon, homiletics, Internet era, digital era, Internet sermon

For citation

Sharov, Konstantin S. Content and Stylistic Peculiarities of Non-Canonical Orthodox Internet Sermon in Modern Russia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 83–96. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-83-96

Вводные замечания

В современную цифровую эру многие явления культурной и духовной сферы жизнедеятельности общества перешли в пространство Интернета. Мы, метафорически выражаясь, уже постоянно находимся в Интернете: либо мы активно работаем в нем, загружаем информацию, посещаем веб-сайты, общаемся друг с другом, отправляя электронные письма и быстрые сообщения, либо пассивно. Обычно мы не задумываемся об этом, но даже когда мы не находимся у экранов компьютеров, планшетов, телефонов, то программы и приложения, которыми мы постоянно пользуемся, продолжают выходить в Интернет в фоновом режиме и подключаться к компьютерам, планшетам, телефонам других людей, серверам, информационным центрам, поисковым системам, обновляют веб-страницы и собственные базы данных, изменяют информацию, которой мы впоследствии воспользуемся¹. Мало кто из нас выключает свой телефон, а некоторые люди даже не знают, как его выключить. Поэтому 24 часа в сутки 7 дней в неделю наш телефон выводит большинство из нас в мировую сеть – напрямую или косвенно.

Мы буквально пронизаны системой электронных коммуникаций, и Интернет стал нашей непреходящей реальностью. Поэтому неудивительно, что даже такая традиционная деятельность, как религиозная проповедь, также не осталась в наши дни в стороне от «цифровизации». Разумеется, это – неканоническая проповедь, существующая параллельно с классической церковной проповедью. Однако в наши дни неканоническая форма цифровой проповеди начинает приобретать все большее значение не только для религиозных сообществ и отдельных социальных организаций, но и для христианских церквей как в России, так и за рубежом [Detweiler, 2018. P. 14].

В статье рассмотрим содержательные и стилистические особенности феномена интернет-проповеди и попытаемся понять место и роль такой неканонической «электронной» проповеди в православной гомилетике в России в наше время.

¹ Задумается о том, что 96 % заряда аккумулятора в наших мобильных устройствах расходуется на непосредственную или фоновую работу в Интернете.

1. Интернет-проповедь христианства в наши дни

Христианская проповедь, по-видимому, из всех религиозных гомилетических ² традиций позже всего проникла в пространство Интернета. Мусульманские и буддистские проповедники уже в начале 1990-х гг. активно осваивали цифровые медиапространства [Актамов и др., 2015. С. 86; Гимадеева, 2012. С. 216; Голяндин, Горячев, 2013. С. 38], в то время как первые христианские проповедники – протестанты – стали осваивать интернет-технологии лишь в самом конце 1990-х [Cole-Turner, 2011. Р. 194–195]. Вслед за протестантской в середине 2000-х гг. в интернет-пространство вышла католическая проповедь [Spadaro, 2015. Р. 21]. Наконец, представители православной гомилетики включили Интернет в число своих средств лишь в начале 2010-х, когда Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил создание первого православного видеоканала на интернет-ресурсе *Youtube* [Свиридова, 2011. С. 241].

С тех пор с каждым годом в России открываются все новые интернет-сайты, форумы, видеоканалы. Вначале данную традицию поддерживали лишь некоторые представители православных верующих вне клира Русской православной церкви, обладающие необходимыми техническими навыками – в основном программисты, сетевые администраторы и веб-дизайнеры [Иванов, 2018. С. 278]. Они выступали и в роли настройщиков сайта, и в роли проповедников, размещая в своем домене гомилетические тексты, аудио- и видеозаписи. Многие из таких гомилетических вебсайтов являлись псевдоправославными [Свиридова, 2011. С. 240–241]. Однако в данный момент ситуация изменилась: большую часть православных гомилетических интернет-ресурсов ведут православные священники, а техническую часть выполняет специально нанятый персонал ³.

Многие известные представители русского православного духовенства в том или ином виде общаются со своей аудиторией посредством интернет-технологий. Среди них можно вспомнить профессора МДА Алексея Ильича Осипова, прот. Димитрия Смирнова, прот. Андрея Ткачева, прот. Александра Ильяшенко, прот. Андрея Федосова («Киберпопа»), иер. Георгия Максимова, покойного иер. Даниила Сысоева, прот. Владимира Головина, протоиак. Андрея Кураева и многих других. Практически у каждого православного монастыря и крупного храма сейчас есть свой веб-сайт со страницей «Форум», где любой человек может задать свой вопрос и получить от священника ответ на него. Многие представители духовенства являются активными блогерами, в том числе видео-блогерами. Кто-то из священнослужителей ведет активную деятельность в социальных сетях. Иные становятся настоящими медиа-персонами, появляясь в интернет-видеозаписях и даже онлайн-трансляциях даже чаще, чем у себя в приходе [Клименко, 2018].

Православная интернет-проповедь имеет свою особую целевую аудиторию. Так, она, в целом, не рассчитана на большинство пенсионеров, мужчин активного возраста и людей активных профессий [Сидоренко, 2014. С. 94]. Однако среди домохозяек, молодых матерей, студенчества и школьников она часто оказывается популярной, а значит, потенциально эффективной в гомилетическом отношении [Там же. С. 95].

Тем не менее, с филологической точки зрения как содержание, так и стиль такой неканонической проповеди сильно отличаются от проповеди церковной. Постараемся очертить характер этих различий на основе нашего анализа ряда российских проповеднических православных видеоканалов, видео- и текстовых блогов, форумов и чатов, веб-сайтов и новостных религиозных лент.

² Гомилетика – искусство религиозной проповеди.

³ Православные блогеры. РПЦ дала инструкции священникам, ведущим собственные каналы в Интернете // BFM.RU. 05.08.2018. URL: <https://www.bfm.ru/news/391558> (дата обращения 20.02.2019).

2. Содержательные особенности православной интернет-проповеди

Направленность на индивида. Если традиционная церковная проповедь, т. е. проповедь каноническая, в основном строится на сжатом или пространном комментировании отрывков из Священного Писания, житий святых, смысла христианских праздников и не обращается к частным проблемам людей, то в интернет-проповеди все наоборот. Здесь в центр внимания священника-проповедника попадают именно проблемы, задачи, цели, жизненные обстоятельства, чаяния, мысли и мечты его паствы [Кастельс, 2000. С. 471–474]. Катехизация как таковая уходит из интернет-проповеди, ее сменяет социальная модальность представления истин религиозной веры [Spadaro, 2014. Р. 64].

По сути, виртуальному прихожанину неинтересно слушать о догматике и священной истории. Если бы он захотел исследовать данные темы, то пошел бы в храм. В большинстве случаев для него представляет интерес обсуждение именно его личных религиозных переживаний и ответы на конкретные волнующие именно его вопросы, но не разговоры о религии в целом.

Содержание проповеди влияет и на ее форму. Именно по причине нацеленности содержания на личные проблемы виртуальных прихожан православная проповедь на интернет-видеоканалах сегодня обычно строится как развернутые ответы представителей духовенства на вопросы паствы либо в форме интернет-запросов через специальную форму на веб-сайте или хостинге видеоканала (распространенный вариант), либо по телефону или средствам моментальной связи ⁴ (реже) [Кастельс, 2014. С. 226]. Сложность данного вида проповеди заключается в том, что коммуникация между проповедником и восприимчивым его проповеди несимметрична и не представляет собой настоящего диалога: священник трактует вопрос так, как он его понял, и соответствующим образом отвечает на него. Здесь могут быть ошибки и заблуждения коммуникативного характера, происходящие от непонимания или трактовки вопроса, неадекватной посылу вопрошающего [Кастельс, 2017. С. 440]. В случае звонков по телефону и интернет-средствам быстрой связи эта проблема, по-видимому, частично снимается, хотя и не до конца.

Переосмысление феномена ближнего. Как мы помним, один из фарисеев, желая оправдать себя перед Христом, спросил: «А кто мой ближний?» (Лк. 10:29). С тех пор этот вопрос уже тысячи лет волнует христианское сообщество. Сегодня на столь простой вопрос можно получить совершенно неожиданные для традиционной коммуникации ответы [Dawson, Douglas, 2004. Р. 108–110].

Традиционная проповедь строится, исходя из тематики, понятной «своим» и недоступной «чужим» – именно так христианская гомилетика развивалась в ранних церковных общинах в античности. Но сегодня деление «свой – чужой» во многом становится условным [Siker, 2017. Р. 145]. В социальных сетях бытует понятие «друг». Мы понимаем, что этот виртуальный «друг» – вовсе не друг в смысле настоящей дружбы, привязанности, взаимных интересов – это так называемый *фолловер* ⁵ (следующий, тот, кто следует). Менее «интимная» степень соцсетевой «дружбы» репрезентируется категорией «подписчиков». У человека в социальных сетях могут быть сотни и тысячи «друзей»-фолловеров и подписчиков, которые до определенной степени готовы разделять увлечения и интересы человека в цифровом медиа-пространстве. Если человеку становится неинтересно содержание страницы того, чьим «другом» он является, он может выйти из числа «друзей» и стать «другом» уже иного персонажа соцсетевой активности. Вот вкратце и вся сущность понятия «сетевой дружбы».

Соцсетевые сообщества «друзей»-фолловеров и «подписчиков» проповедника потенциально и формируют его паству.

⁴ К таким средствам можно отнести так называемые мессенджеры: Skype, ICQ, WhatsApp, Viber и другие.

⁵ Заимствование-англицизм (от англ. *follower*).

Но как проповедник может быть уверен, что большинство этих людей по-настоящему заинтересованы в том, чтобы он занимался проповедничеством и проповедовал именно христианскую религию? Он априорно не сможет разделить свою целевую аудиторию на интересующихся истинами религии и простыми виртуальными «зеваками», которых интересует, например, лишь обновление фотографий проповедника на его страничке в социальных сетях. Католический мыслитель и проповедник иезуит Антонио Спада́ро так говорит об эффекте перманентного присутствия «ближних» в пространстве Интернета:

Друзья воспринимаются как постоянно находящиеся в онлайн, т. е. доступные для контакта или воображаемые в качестве присутствующих, тех, кто готов «глянуть» на обновления у меня в профиле в соцсети. Они неизменно присутствуют. Отчасти близость определяется тем фактом, что через посредство техники мы оказываемся «на связи», т. е. рядом, т. е. ближним, каждому, кто «установил контакт» с нами [Spadaro, 2014. P. 80]⁶.

В связи с этим возникает огромная содержательная неопределенность, текучесть смыслов интернет-проповеди. Проповедь обязана быть понятной *ближнему*, представителю паствы, но священник нередко не знает личности своего ближнего, а реальный человек с реальными проблемами может заменяться на виртуального гостя, мотивация которого остается совершенно неясной [Spadaro, 2010. P. 138]. При этом есть и еще один серьезный момент. Проповедник, адресующий свое слово аудитории «фолловеров», рискует потерять свою реальную паству, не погруженную в виртуальный мир, например, людей, живущих неподалеку; прихожан храма, в котором он служит; людей, не использующих социальные сети или редко просматривающих электронную почту.

Переход от внутренней сосредоточенности к интерактивности. В русской православной проповеди начиная с XV в. вслед за афонской традицией одной из традиционных тем был призыв к *духовному деланию*, внутренней сосредоточенности, исихазм. По мысли многих церковных писателей, проповедь должна стимулировать в людях внутреннее созерцание, духовную собранность, обращение внутрь себя [Тихонова, Гиниятова, 2013. С. 121]. Проблема в том, что получение информации через Интернет ведет к вовлечению человека в динамичность сети [Jacobs, 2011. P. 26]. Представитель паствы может одновременно открывать множество вкладок в интернет-браузере и переключаться между различными проповедями, стилями, темами, жанрами, выбирая те, которые ему больше по вкусу, т. е. по сути, компилировать некоторую желаемую им самим постмодернистскую проповедь из разных личностей, мыслей, слов, идей.

К тому же пользователи соцсетей и вообще Интернета все более склоняются к *интерактивным* формам получения информации – таким формам, при которых реципиент, получатель информации осознает себя не простым слушателем или читателем, а соучастником некоторого обоюдного медийного действия, при котором не только сеть влияет на него, но и он получает возможность влиять на сеть. Например, практически во всех видеоблогах есть функция комментариев и выставления оценок⁷. Для православной интернет-проповеди это означает, что паства захочет не просто внимать гомилетическому слову, но и оценивать тему проповеди, стиль изложения, риторические способности священника, а также комментировать ход проповеди в онлайн-режиме [Goodacre, 2016. P. 180; Spadaro, 2009. P. 17]. К тому же слушатели проповеди часто хотят общаться друг с другом, обсуждать священническое слово, интерпретировать его.

Достижима ли глубина внутренней духовной жизни при прослушивании интернет-проповеди – вопрос дискуссионный и далеко не решенный. Традиционно мы воспринимаем интерактивность, т. е. способность оставлять свои комментарии или еще каким-либо образом

⁶ Пер. с англ. мой. – К. Ш.

⁷ Я специально избегаю жаргонного слова «лайки», широко используемого молодежью поколения Z. Выставление оценок может быть как в форме ранжирования (например, выставление определенного числа звездочек от 0 до 10), так и в дуальной форме: нравится («лайк») – не нравится («дизлайк»). Жаргонизмы «лайк» и «дизлайк» происходят не от названия породы собак, а от англ. слов *to like* (любить) и *to dislike* (не любить).

принимать участие в интернет-событии, как синоним «поверхностности», а внимательное прослушивание речи религиозного проповедника – как синоним глубины, погружения [Darnton, 2008. P. 12]. Можно ли совместить в христианской интернет-гомилетике глубину и сосредоточенность с интерактивностью, вовлеченностью слушателя в проповедь уже не в качестве слушателя, а активного участника?

3. Стилистические особенности христианской интернет-проповеди

Стилистика интернет-проповеди также сильно отличается от стилистических особенностей проповеди канонической. Здесь есть ряд моментов, на которые мы обратили внимание, анализируя интернет-проповеди современных православных гомилетов и реакцию аудитории, выражающуюся в виде комментариев, оценок, дискуссий в чатах, блогах и на форумах.

Дихотомия вопрос – ответ. Цифровая паства в России и вообще недавно воцерковленная российская молодежь чаще всего хочет получить заготовки на все случаи жизни, готовые ответы, рецепты и советы [Калашникова, 2016. С. 50]. Многие люди предпочитают, слушая проповедь, слышать конкретные ответы, хотя далеко не всегда умеют правильно задать вопрос проповеднику [Свиридова, 2011. С. 244]. На это можно возразить, что проповедь, построенная только как четкий ответ на заданный вопрос, по сути, уже не проповедь.

По нашему мнению, священникам и светским проповедникам православия необходимо готовиться к переходу от простой формы «вопрос – ответ» к гибридным формам проповеди. Возможно, потребуется обучать паству, как правильно формулировать вопросы, как воспринимать проповедь. Необходимо также помнить, что когнитивные способности человека, погруженного во всемирную сеть, также меняются [Singer, 2013. P. 133]. При этом есть и иной фактор: люди, сидящие дома за экраном компьютера или находящиеся в дороге со смартфоном в руках, воспринимают по-другому одни и те же гомилетические послы по сравнению с ситуацией, когда они находятся в храме [Lytle, 2013. P. 78]. Во время просмотра или прослушивания интернет-проповеди нет такой внутренней дисциплины, которая присутствует на богослужениях. Есть лишь стремление получить все ответы сейчас и сразу, при этом велик соблазн воспринимать себя самого автором проповеди, а проповедника – своей марионеткой, служителем своей воли, который должен, как робот, всего лишь давать четкие ответы на интересующие человека вопросы.

Папа римский Франциск и отец Антонио Спададо правы в том, что в ситуации интернет-технологий мы все больше забываем о том, как правильно *спрашивать* о том, что нас волнует, поскольку к нашим услугам всегда есть поисковые системы и масса *ответов* на наш запрос, введенный в строку поиска [Francis, Spadaro, 2018. P. 112, 135, 188–190]. Многие молодые люди воспринимают получение религиозной информации лишь в виде выбора среди многих возможных вариантов, предлагаемых поисковой системой [Spadaro, 2006. P. 218]. Но стилистика христианской проповеди вряд ли может быть сведена к простому перечислению возможных вариантов ответа на поставленный пользователем, т. е. представителем паствы, вопрос.

Эмпатия. Роль проповедника в интернет-формах гомилетики как никогда приближается к роли психоаналитика. Безусловно, священник и в реальной жизни нередко сталкивается с обстоятельствами, когда ему приходится быть психологом и даже психотерапевтом [Noble, 2018. P. 11, 26]. Однако в реальной обстановке храма прихожанин всегда более «мобилизован», более внутренне дисциплинирован и взыскателен к себе, чем в «виртуальности». При этом интернет-прихожанин может быть более требователен как раз к проповеднику. В силу этого, согласно результатам нашего собственного анализа, цифровая паства ожидает, что стиль интернет-проповеди будет более легким, ненавязчивым, а сама проповедь из озвучивания раз и навсегда заданных или предписанных истин превратится в «беседу по душам».

Как показывает наше социологическое исследование ряда объектов цифровой сетевой проповеди (контент-анализ), которое проводилось в 2018 г., проповедник не будет пользо-

ваться авторитетом у виртуальной паствы, если он выстроит свою речь как набор предписаний для своих прихожан.

Объект исследования составили 300 вебсайтов / блогов / видеоблогов / личных страниц на сайтах религиозных организаций / персональных ящиков в соцсетях, принадлежащих христианским священнослужителям (и / или проповедникам), занимающимся религиозной интернет-проповедью. Состав этой группы информационных ресурсов по конфессиям следующий:

- православные – 50 (исследовались только российские православные интернет-ресурсы);
- католики – 50;
- протестанты различных направлений (англикане, включая епископальную церковь США – 50, лютеране – 50, кальвинисты – 50, прочие протестанты – 50).

Предметом исследования были: 1) склонность проповедников задавать вопросы пастве и / или формулировать религиозную проблему в виде открытого обращения к виртуальным слушателям, призыва к ним принять участие в дискуссии, склонности проповедника к эмпатии; 2) отклик интернет-аудитории в виде комментариев / отзывов и выставления знаков одобрения – «лайков» (либо противоположно окрашенных феноменов).

Нас интересовал корреляционный анализ двух данных показателей. Для получения более репрезентативных результатов из каждого сайта / блога / аккаунта в соцсети / страницы было выбрано по пять гомилетических сценариев-ситуаций за 2016–2018 гг. Таким образом, общая выборка составила 1500 текстовых объектов. Анализ текста осуществлялся вручную без применения каких-либо программных технологий.

За каждый случай эмпатии назначался +1 балл, за ее отсутствие балл не назначался. Случаями эмпатии могли быть:

- вопросы, заданные проповедником аудитории,
- призывы к аудитории каким-либо способом поучаствовать в общем деле проповеди, например, сформулировать свои вопросы или озвучить свои проблемы, рассказать свои истории, связанные с темой проповеди, поделиться своим опытом религиозной жизни,
- просьбы оценить / прокомментировать слова проповедника.

В каждом исследуемом тексте могло быть любое количество таких случаев эмпатии, соответственно, назначаемый «балл эмпатии» представлял собой некоторое натуральное число либо 0.

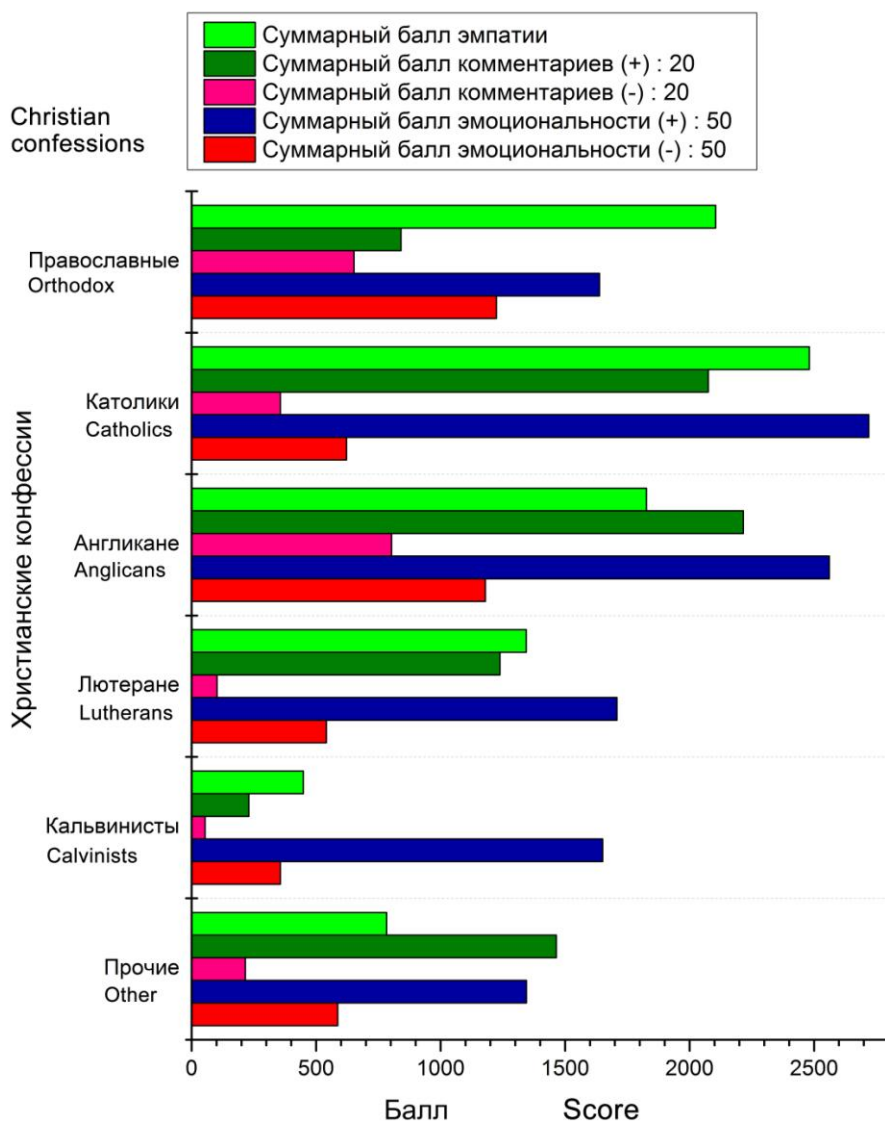
Для каждого текста подсчитывалось количество положительных (одобрительных) и отрицательных (критических, негативных) комментариев интернет-аудитории. Это количество определило «баллы комментариев» (положительных и отрицательных). Наконец, подсчитывалось число «лайков» и «дизлайков» для каждого текста, которые составили «баллы эмоциональности» (положительной и отрицательной). Все баллы суммировались по отдельным конфессиям. Для удобства отображения на одном графике баллы за эмоциональность делились на 50, а баллы за комментарии – на 20. Результаты по разным конфессиям представлены на рисунке.

Анализ зависимости позволяет сделать ряд выводов.

1. Эмпатия проповедника и отклик виртуальной паствы (положительные комментарии, «лайки») по всем христианским деноминациям достаточно хорошо скоррелированы. Расчет в программе *Statistica 13* показывает значения коэффициента корреляции Кендалла между баллом эмпатии и баллом положительных комментариев 0.65 ± 0.10 , а между баллом эмпатии и баллом положительных эмоций («лайков») – 0.52 ± 0.12 . Таким образом, мы имеем среднюю по силе корреляцию, а значит, отклик аудитории может быть маркером успешности проповедника по параметру его умения вовлекать паству в гомилетическое соучастие.

2. Рост количества положительных комментариев / эмоций чаще всего сопровождается падением отрицательных, т. е. они обратно скоррелированы, за исключением российских православных интернет-ресурсов. Возможно, это может быть объяснено относительно недавней историей интернет-проповеди как гомилетического жанра в России.

3. Показатели эмпатии для католиков и англикан наиболее высоки, что может свидетельствовать о двух моментах: а) о более развитой традиции интернет-проповеди в этих конфессиях; б) о специфике кальвинизма, лютеранства и ряда иных протестантских конфессий (например, анабаптизма, адвентизма и т. д.), в рамках которых эмпатия проповедника сознательно не поощряется церковью, а сама проповедь до сих пор строится в основном как набор утвердительных положений, обязательных для выполнения воцерковленными верующими.

Сопоставление эмпатии интернет-проповедника и отклика его виртуальной паствы по христианским конфессиям

The comparison between empathy of Internet preacher and the response of his virtual flock (divided into different Christian denominations)

Legend. Light green stands for the total empathy score; dark green for the total comment score (positive); pink stands for the total comment score (negative); dark blue stands for the total emotionality score (positive); and the red stands for the total emotionality score (negative).

По результатам исследования можно предположить, что интернет-проповедник, не склонный к эмпатии (особенно среди католиков и англикан), обычно вызывает скуку, быстро наступающее чувство утомления и даже раздражение виртуальной аудитории. В интернет-среде, по отзывам разных представителей аудитории, интересны те проповеди, которые построены по принципу сближения с паствой; в них налицо желание проповедника поделиться некой пока не известной людям информацией, приоткрыть определенную тайну, в них присутствует стремление удивить, поразить, изумить слушателя, обменяться мнениями с ним относительно некоторого религиозного вопроса.

Наибольшей популярности достигают те священники, которые умеют выстроить свою речь как попытку донести свое слово, свои мнения, размышления, идеалы до целевой электронной, виртуальной паствы в ненавязчивой форме, а также узнать мнение своих слушателей об обсуждаемых вопросах. В интернет-проповеди должно быть признание проповедником равенства со своей паствой – равенства интеллектуального, духовного и психологического. Интернет-слушатели проповеди вряд ли воспримут ее положительно, если проповедник будет смотреть на них свысока, как на невежественных людей, которым нужно просто «вложить» в голову определенную информацию. Наоборот, они высоко оценят оратора, который опустится в слова до них и никак не будет подчеркивать существующей разницы в их интеллектуальной и когнитивной ситуации. Проповедник должен стать одним из агнцев, а не пастухом – тогда он будет признан электронными слушателями как умелый ритор и опытный психолог⁸. Такая стилистика интернет-проповеди изменяет социальную роль проповедника. Иными словами, для того чтобы интернет-проповедь стала успешной, в ней должна присутствовать психологическая эмпатия и когнитивная синергия проповедника и его паствы.

Артистизм проповедника. Артистизм в гомилетическом стиле – еще одно из неперенных требований современной интернет-аудитории, слушающей православные проповеди. Требования к стилистике здесь связаны с тем, что во многом семантическое пространство интернет-проповеди воспринимается многими «пасомыми» как театр, звуковизуальное зрелище, как игра, в которой и проповедник, и они сами исполняют определенные роли. Здесь от проповедника уже ожидают, что он покажет себя как артист, а не психолог.

Наличие у священника способностей к артистическому воздействию повышает шанс того, что его гомилетическое слово будет услышано и даст затем определенные ростки в душе слушающих. Более того, у интернет-паствы часто присутствует ожидание некоторого игрового элемента в проповеди, некоего действия, лишённого отталкивающей торжественности и «официальности», чего не может быть у паствы, слушающей каноническую проповедь в храме. Интернет-проповедник должен угадать настроение слушателей и подстроить свой стиль под их ожидания – возможно, самостоятельно или с помощью помощников просматривая в онлайн-режиме их комментарии и отзывы.

Использование жаргонизмов. Многие священники и светские проповедники, работающие в цифровом пространстве – (видео-)блогеры, модераторы православных форумов, ведущие онлайн- и офлайн-видеоканалов, авторы видеороликов, ведущие новостных религиозных интернет-ресурсов – имеют тенденцию к сознательной жаргонизации проповеди, снижению культуры языка, включению в текст проповеди сленговых словечек. Иногда это обусловлено ожиданиями аудитории, иногда – нет.

Например, у некоторых недавно рукоположенных молодых священников-блоггеров можно встретить обращение «здорово, братва» при осенении себя и виртуальной «братвы» крестным знаменем. В проповеди других нередко англицизмы-жаргонизмы «хайп», «хипстер», «хейтер», «пруф», «троллинг», «буллинг», «кликбейтинг», «никнейминг», «оффтоп» и про-

⁸ До своего конфликта с Патриархией диакон Андрей Кураев, например, сам стал байкером, чтобы проповедовать в интернет-среде байкеров, и его проповедь некоторое время позитивно воспринималась представителями байкерской субкультуры.

чие заимствования, малопонятные для большинства храмовых прихожан. Частым бывает осознанное включение в гомилетический лексикон специальных компьютерных терминов от «хард» и «маздайный» до «софтина» и «мелкомягкая», поскольку священник считает, что его проповедь может быть интересна компьютерщикам и разнообразным IT-специалистам. Иногда можно заметить использование сленга компьютерных игроков наподобие «лутить», «юзать», «драйв», «скилл», «перк», «лулз», «экспа». У иных православных проповедников, а по совместительству рэперов, можно услышать и такое: «Йоу, бро, как житуха, чуваки?»

Остается, правда, не до конца понятным, действительно ли виртуальная паства оценивает по достоинству такие лингвистические усилия постмодернистских проповедников, ориентированные в первую очередь на молодежные субкультуры с их специфическими языковыми пристрастиями.

Обсуждение и заключение

Явление интернет-гомилетики представляет собой феномен, совершенно новый как для России, так и для православия вообще. Этот феномен пока хорошо не осмыслен и не изучен ни в лингвистическом, ни в культурологическом аспектах. Прежде всего, остается неясным, насколько уместна интернетовская гомилетика *per se*, поскольку не набраны статистические данные относительно эффективности подобной православной проповеди в интернет-пространстве.

Похоже, даже внутри Русской православной церкви есть как голоса *за*, так и *против* дальнейшего развития данного жанра.

С одной стороны, нельзя отрицать потенциальную для церкви пользу религиозной проповеди во всемирной сети. Отказавшись от такой проповеди, церковь может потерять значительную часть своей целевой аудитории для распространения православия, прежде всего, молодежь. Значительное количество молодых людей никогда не придет в храм на службу самостоятельно, а интернет-проповедь может стимулировать их религиозные чувства, показать привлекательность православия для их жизни, объяснить сложные богословские вопросы простым языком.

С другой стороны, правы и скептики, которые опасаются, что описанные выше содержательные и стилистические расхождения интернет-проповеди с канонической церковной проповедью настолько сильны уже даже сейчас, что дальнейшую эволюцию цифровой гомилетики вряд ли можно считать обнадеживающей.

Многое в успехе неканонической проповеди зависит от личности священника. Некоторым проповедникам, таким как отец Дмитрий Смирнов, она блестяще удается. Другие, такие как Владимир Головин, Андрей Федосов или Андрей Кураев из-за своих интернет-проповедей вступают в конфликт с Русской православной церковью и попадают под запрет⁹. Жанр интернет-проповеди оказывается в определенной степени непродуктивным, дестабилизирующим и недисциплинирующим не только для существенной части паствы, которая воспринимает православную гомилетику как постмодернистскую игру никуда не ведущих смыслов, но и для некоторых священнослужителей. В сфере цифровой проповеди к настоящему моменту зафиксировано множество скандалов, случаев неудовольствия и враждебности между проповедниками и их аудиторией, а также между различными проповедниками.

Некоторые православные гомилеты начинают выяснять отношения между собой, забывая о братском христианском духе, который по христианским заповедям должен царить в церкви – в этом контексте показателен совсем недавний пример иерея Георгия Максимова и протоиерея Андрея Ткачева. Иные позволяют себе бестактную и грубую, агрессивную риторику по отношению к своим виртуальным прихожанам, их публичное унижение в сетевом медиа-

⁹ Иначе говоря, временно или постоянно отстраняются по решению правящего архиерея от церковного служения.

пространстве. Ряд служителей церкви с помощью большого количества слушателей проповедуют межэтническую и межрелигиозную вражду, сеют в церкви раздор, распри и конфликты.

К тому же, еще непонятно, насколько виртуальная аудитория, привыкшая к игровому началу при просмотре роликов и выставлению «лайков», готова воспринимать религиозные идеи, содержащиеся в проповеди. Очень часто онлайн-проповедь вырождается в полное отвлечение аудитории от слов священника и переключение внимания людей на переписку в чате друг с другом. При этом темы переписки могут быть сколь угодно далеки и от личности проповедника, и от затрагиваемых гомилетических тем, а иногда могут выражаться в виде явной агрессии против священника, ведущего трансляцию, а также против православной церкви и христианства в целом.

Иногда проявляется массовый психоз паствы, который во многом определяется «эффектом толпы», и виртуальные прихожане из спокойных слушателей – восприимчивых слова Божьего – превращаются в неуправляемую массу. Достаточно вспомнить примеры интернет-проповедей протоиерея Владимира Головина или покойного иерея Даниила Сысоева, которые заранее были спланированы как конфликтогенные, обладающие характером взрывоопасного воздействия на паству. В первом случае эксплуатировался (и продолжает эксплуатироваться до сих пор) миф о дихотомии истинной святости и церковной власти, и интернет-прихожане лишенного сана Владимира Головина были призваны к открытому выступлению против Патриархии, представители которой вместе с Патриархом объявляются «потерявшими кредит доверия Бога». Во втором случае с помощью попытки создания православного фундаментализма отцом Даниилом искусственно раздувался архетип религиозной вражды с исламом, а паства призывалась к святой войне против неверных в выражениях, характерных для папы Урбана, благословившего Первый крестовый поход. В обоих случаях с помощью интернет-проповеди концепт «религия» превращался из объединяющей людей силы в социально опасный феномен, разобщающий мультиконфессиональный российский народ и способный вызвать опасные социальные конфликты. Таким образом, достигается эффект, диаметрально противоположный тому, который предполагается у религиозного сетевого проповедника.

В этом смысле показательным исследование, проведенное А. М. Лаврентьевым с соавторами, в котором при анализе работы программ по обработке текстов экстремистского содержания была выявлена близость подкорпусов «религия», «идеология», «агрессия», «национализм», «сепаратизм», «терроризм» [Лаврентьев и др., 2018. С. 26, 28]. Интернет-проповедь не должна становиться трибуной межрелигиозной вражды, особенно в таком мультинациональном государстве, как Россия.

Возможно, все дело в человеческом факторе, и сама интернет-проповедь, приспособившись к нему, сможет в будущем вполне успешно использоваться как одна из инновационных жанровых форм гомилетики. А возможно, что язык и дискурсивная организация православной проповеди в принципе несовместимы с формами коммуникации между воцерковленными проповедниками и неопределенным кругом любопытствующих, соотносимых с понятием «паства», существующими в интернет-среде в настоящее время. Так или иначе, на данном этапе развития жанра его успех неясен и неопределен. Для осмысления феномена православной интернет-проповеди в российском медиа-пространстве необходим как подробный анализ накопленных результатов, так и дальнейшие более детальные количественные и качественные исследования.

Список литературы

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вест. Бурят. гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 6. С. 86–91.

- Гимадеева Д. Р.** Религиозная традиция и современные идентичности в татарских интернет-сообществах // Вест. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 216–219.
- Голяндин Н. П., Горячев А. В.** Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вест. Краснодарского ун-та МВД России. 2013. № 2 (20). С. 37–40.
- Иванов А. В.** Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 4. С. 377–381.
- Калашникова М. Б.** Особенности религиозности российской молодежи // Вест. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2016. № 93. С. 49–54.
- Кастельс М.** Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2017. 592 с.
- Кастельс М.** Галактика Интернет. М.: У-Фактория, 2014. 324 с.
- Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ЦЕУ, 2000. 608 с.
- Клименко А.** Трезвый батя, Batushka и Киберпоп: священники-блогеры ищут границы между хайпом и проповедью // Федеральное агентство новостей. 04.10.2018. URL: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu> (дата обращения 15.02.2019).
- Лаврентьев А. М., Соловьев Ф. Н., Суворова (Ананьева) М. И., Фокина А. И., Чеповский А. М.** Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для платформы ТХМ и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 19–31. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-19-31.
- Свиридова Н. В.** Религия онлайн // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 238–247.
- Сидоренко Н. С.** Особенности исследования религии в современном обществе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. № 3. С. 93–98.
- Тихонова Г. Ю., Гиниятова Е. В.** Особенности формирования религиозной личности в современном культурном пространстве // Изв. Томск. политехн. ун-та. Философия, социология и культурология. 2013. Т. 322, № 6. С. 120–123.
- Cole-Turner, R.** Transhumanism and Christianity. In: Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. Ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011, p. 193–204.
- Darnton, R.** The Research Library in the Digital Age. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 2008, vol. 61, no. 3, p. 9–15.
- Dawson, L., Douglas, C.** Religion Online: Finding Faith on the Internet. New York, Taylor and Francis, 2004, 279 p.
- Detweiler, C.** Selfies: Searching for the Image of God in a Digital Age. Ada, MI, Brazos Press, 2018, 240 p.
- Francis, Pope, Spadaro A.** Open to God: Open to the World. London, Bloomsbury Continuum, 2018, 240 p.
- Goodacre M.** Mark in a Digital Age: The Internet and the Teaching of Mark's Gospel. In: Communication, Pedagogy, and the Gospel of Mark. Ed. by E. E. Shively and G. van Oyen. New York, Society of Biblical Literature Press, 2016, p. 175–192.
- Jacobs A.** Christianity and the Future of the Book. *The New Atlantis*, 2011, no. 33, p. 19–36.
- Lytle J.** Faith Formation 4.0: Introducing an Ecology of Faith in a Digital Age. New York, Morehouse Publishing, 2013, 164 p.
- Noble A.** Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age. Downer's Grove, IL, InterVarsity Press, 2018, 208 p.
- Siker J.** Liquid Scripture. Minneapolis, MN, Augsburg Fortress Publishers, 2017, 328 p.
- Singer M.** The Untethered Soul: The Journey Beyond Yourself. Oakland, CA, New Harbinger Publications, 2013, 232 p.
- Spadaro A.** Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet. New York, Fordham University Press, 2014, 166 p.

- Spadaro A.** Da che cosa ci “salva” la letteratura? In: Salvezza e impegno. A cura di A. Ramberti, Ravenna: Fara, 2010, p. 135–142.
- Spadaro A.** La grazia della parola: scrivere e leggere nell’esistenza Cristiana. In: Spada a doppio taglio. Domande radicali nella letteratura italiana del Novecento. A cura di M. Naro. Caltanissetta – Roma: Sciascia, 2009, p. 11–22.
- Spadaro A.** La lettura come realtà virtuale: tra letteratura, spiritualità e media elettronici». In: Cross Connections. Interdisciplinary communications studies at the Gregorian University. Ed. by J. Srampickal, G. Mazza and L. Baugh. Roma: Pontificia Università Gregoriana, 2006, p. 211–224.
- Spadaro A.** Quando la fede si fa social. Bologna, EMI, 2015, 64 p.

References

- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., Dorzhieva, I. Z.** Buddhism in the Internet: A methodology of studying virtual religious communities. *Bulletin of Buryatiya State University. Pedagogy. Philology. Philosophy*, 2015, no. 6, p. 86–91. (in Russ.)
- Castells, M.** Galaxy of Internet. Moscow: U-Factory, 2014. 324 p. (in Russ.)
- Castells, M.** Informational Age: Economy, Society and Culture. Moscow, TsEU Press, 2000. (in Russ.)
- Castells, M.** The Power of Communication. Moscow: HSE, 2017. 592 p. (in Russ.)
- Cole-Turner, R.** Transhumanism and Christianity. In: Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. Ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011, p. 193–204.
- Darnton, R.** The Research Library in the Digital Age. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 2008, vol. 61, no. 3, p. 9–15.
- Dawson, L., Douglas, C.** Religion Online: Finding Faith on the Internet. New York, Taylor and Francis, 2004, 279 p.
- Detweiler, C.** Selfies: Searching for the Image of God in a Digital Age. Ada, MI, Brazos Press, 2018, 240 p.
- Francis, Pope, Spadaro A.** Open to God: Open to the World. London, Bloomsbury Continuum, 2018, 240 p.
- Gimadeeva, D. R.** Religious tradition and modern identities in the Tartar Internet communities. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2012, no. 4, p. 216–219. (in Russ.)
- Golyandin, N. P., Goryachev, A. V.** Recruitment motivation in extremist and terrorist organizations. *Bulletin of Krasnodar University of Internal Ministry of Russia*, 2013, no. 2 (20), p. 37–40. (in Russ.)
- Goodacre M.** Mark in a Digital Age: The Internet and the Teaching of Mark’s Gospel. In: Communication, Pedagogy, and the Gospel of Mark. Ed. by E. E. Shively and G. van Oyen. New York, Society of Biblical Literature Press, 2016, p. 175–192.
- Ivanov, A. V.** Digital religion. Proceedings of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2018, vol. 18, no. 4, p. 377–381. (in Russ.)
- Jacobs A.** Christianity and the Future of the Book. *The New Atlantis*, 2011, no. 33, p. 19–36.
- Kalashnikova, M. B.** The features of Russian youth’s religiousness. Bulletin of Yaroslav Mudry Novgorod State University, 2016, no. 93, p. 49–54. (in Russ.)
- Klimenko, A.** Sober batya, Batushka and Cyberpop: priests bloggers are searching for a border between hype and sermon. Federal News Agency. 04.10.2018. URL: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu>, date of access 15.02.2019. (in Russ.)
- Lavrentiev, A. M., Solovyev, F. N., Suvorova (Ananyeva), M. I., Fokina, A. I., Chepovskiy, A. M.** A New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its

- Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 19–31. (in Russ.)
- Lytle J.** Faith Formation 4.0: Introducing an Ecology of Faith in a Digital Age. New York, Morehouse Publishing, 2013, 164 p.
- Noble A.** Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age. Downer's Grove, IL, InterVarsity Press, 2018, 208 p.
- Sidorenko, N. S.** The particularities of religious studies in the modern society. Scientific Bulletin of Southern Management University, 2014, no. 3, p. 93–98. (in Russ.)
- Siker J.** Liquid Scripture. Minneapolis, MN, Augsburg Fortress Publishers, 2017, 328 p.
- Singer M.** The Untethered Soul: The Journey Beyond Yourself. Oakland, CA, New Harbinger Publications, 2013, 232 p.
- Spadaro A.** Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet. New York, Fordham University Press, 2014, 166 p.
- Spadaro A.** Da che cosa ci "salva" la letteratura? In: Salvezza e impegno. A cura di A. Ramberti, Ravenna: Fara, 2010, p. 135–142.
- Spadaro A.** La grazia della parola: scrivere e leggere nell'esistenza Cristiana. In: Spada a doppio taglio. Domande radicali nella letteratura italiana del Novecento. A cura di M. Naro. Caltanissetta – Roma: Sciascia, 2009, p. 11–22.
- Spadaro A.** La lettura come realtà virtuale: tra letteratura, spiritualità e media elettronici». In: Cross Connections. Interdisciplinary communications studies at the Gregorian University. Ed. by J. Srampickal, G. Mazza and L. Baugh. Roma: Pontificia Università Gregoriana, 2006, p. 211–224.
- Spadaro A.** Quando la fede si fa social. Bologna, EMI, 2015, 64 p.
- Sviridova, N. V.** Religion online. *Philosophy Problems of Informational Technologies and Cyberspace*, 2011, no. 2, p. 238–247. (in Russ.)
- Tikhonova, G. Yu., Giniyatova, E. V.** The particularities of a religious personality formation in the modern cultural space. In: Proc. of Tomsk Polytechnic University. Philosophy, Sociology and Culturology, 2013, vol. 322, no. 6, p. 120–123. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
 26.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

- Шаров Константин Сергеевич**, кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, 27 корп. 4, Москва, 119991, Россия)
- Konstantin Sharov**, PhD, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University (27 bld 4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation)
 const.sharov@mail.ru

Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа

Е. Е. Абрамкина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Судебная автороведческая экспертиза – один из востребованных в современном судопроизводстве способов установления реального автора спорного текста. Частым объектом автороведческого исследования являются тексты протоколов допроса. Жанровая специфика этих текстов существенно ограничивает возможности автороведческой экспертизы, однако эта проблема в отечественной лингвистике подробно не изучалась. В статье дается характеристика основных сложностей, возникающих при проведении идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса, предлагается один из возможных способов решения этой проблемы. Среди жанровых черт, ограничивающих возможности автороведческой экспертизы документов данного жанра, выделяют, прежде всего, лексико-синтаксические и стилистические черты, а также несовпадение автора и исполнителя, которое делает невозможным использование при анализе орфографических и пунктуационных признаков. В качестве способа решения проблемы предлагается методика автороведческой экспертизы, созданная на основе классификации идентификационных признаков и комплексной методики ЭКЦ МВД с учетом жанровых черт протокола допроса. На материале анализа существующих методик и подходов к автороведческому анализу документов была разработана классификация идентификационных признаков протокола допроса, а также дополнительные признаки, релевантные для текстов данного жанра. В качестве дополнительных предлагаются общие и частные признаки употребления уточнений в текстах. Анализ уточнений производится на основе разработанной семантической классификации и разделения всех типов на низкоинформативные и высокоинформативные. Предлагаемая методика иллюстрируется на материале анализа нескольких текстов протоколов допросов из одной тематической области, демонстрируется соотношение типов уточнений в текстах в ситуации одинакового и разного авторства. Приводится пошаговое описание методики, обсуждаются требования, предъявляемые к материалу, и способы оценки результатов исследования.

Ключевые слова

судебная автороведческая экспертиза, идентификационная экспертиза, установление авторства, протокол допроса, типы уточнений, методика автороведческой экспертизы

Для цитирования

Абрамкина Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 97–108. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-97-108

Identification Features of the Minutes of Interrogation and Ways of Authorship Examination

Elena E. Abramkina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Forensic authorship analysis is a frequently used technique to identify the real author of an arguable document. Often enough, under study are interrogation minutes. This kind of text is difficult for examination because of its stylistic and genre characteristics: formal phrases and structure as well as different author and compiler of the document. The above features restrict the use of some levels of language analysis. This issue, however, is poorly covered in specialist literature, with only a few articles related to it.

The current paper describes the main discursive features of interrogation minutes used in authorship expertise. First we look at conventional techniques of authorship expertise and discuss their limitations. Special attention is given to the analysis of the interrogation minutes genre characteristics and their influence on the whole set of identifiers. The analysis of several conventional interrogation minutes techniques singled out two central tendencies in the authorship attribution: an identification features selection with new identifiers being added.

The aim of the article is to propose a solution to the problem. Our technique is based on the methods of The Federal Ministry of the Interior, but it also takes into account genre characteristics of the interrogation minutes. A new classification of identifiers has been developed.

Additional features are offered to improve the attribution accuracy. These are clarifications, which are classified according to the semantic type of the object. In the article clarifications are divided into six types and a few subtypes and are also divided into low and high informative ones. The analysis of clarification is illustrated with the example of three different interrogation minutes.

The concluding part of the article is concerned with the techniques of the interrogation minutes used in authorship expertise description, materials requirements and the steps of the analysis.

Keywords

forensic authorship expertise, authorship identification / identifiers, authorship attribution, minutes of interrogation, types of clarifications, techniques of authorship expertise

For citation

Abramkina, Elena E. Identification Features of the Minutes of Interrogation and Ways of Authorship Examination. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 97–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-97-108

Введение

В процессе получения образования и профессиональных навыков, овладения разными стилями и жанрами литературного языка у человека формируется устойчивый набор языковых черт, определяющих его языковую личность. Изучение языковых черт, присущих конкретному автору, происходит в разных сферах гуманитарных и смежных наук, однако для судебной лингвистики, и в частности, для судебной автороведческой экспертизы определение автора на основе набора языковых черт имеет не только фундаментальное, но и непосредственно прикладное значение, поскольку результаты этой экспертизы оказывают прямое влияние на ход судебного дела и принимаемое судом решение.

Автороведческая экспертиза как самостоятельный вид экспертных исследований оформилась в 70-е гг. XX в., она направлена на решение двух типов задач: диагностических, связанных с установлением социальных и биографических характеристик автора (пол, возраст, уровень образования и т. п.), и идентификационных, отвечающих на вопрос о том, является ли предполагаемое лицо реальным автором текста. Если диагностическая экспертиза в отечественной и зарубежной научной литературе освещена достаточно широко, то проблемы и методы идентификационного исследования ставятся сегодня преимущественно в контексте формальных, статистических методов анализа и безотносительно судебной экспертизы. Между тем идентификационная автороведческая экспертиза имеет большее распространение, чем диагностическая, а существующие методики далеко не всегда позволяют прийти к точному выводу. Особенно большие сложности возникают при установлении авторства низкоинформативных текстов – с шаблонной структурой, обилием лексических и синтаксических штампов, небольшого объема. Среди таких текстов одним из самых частых объектов автороведческой экспертизы становится протокол допроса.

Протокол допроса – это процессуальный документ, в котором фиксируются показания допрашиваемого лица. Он имеет большое доказательное значение и является необходимым компонентом процессуального действия допроса. Однако ситуации, когда допрошенное лицо отказывается от данных ранее и зафиксированных в протоколе показаний и утверждает, что протокол написан не им или под диктовку, в судебной практике нередки. Между тем фальсификация процессуальных документов является серьезным должностным преступлением, которое карается в соответствии со ст. 303 УК РФ. В связи с этим установление реального автора протокола становится необходимостью для дальнейшего рассмотрения дела.

Существующие методики установления авторства и проблемы их применения к текстам протоколов допроса

В современной автороведческой экспертизе сложилось несколько методик, построенных на разных наборах идентификационных признаков. Наибольшей популярностью среди негосударственных экспертов пользуется методика, основанная на классификациях идентификационных признаков, составленных Г. Д. Марковой [1956] и С. М. Вулом [1978], которые определяли следующие языковые уровни проявления авторских черт: лексико-фразеологический, синтаксический, стилистический, орфографический и пунктуационный. Сложившаяся на основе этих уровней методика была описана в работах Е. И. Галяшиной [2003], Т. А. Распоповой [2015], Л. М. Месропян [2017]. Для каждого уровня ключевыми признаками, отражающими особенности авторской речи, считаются следующие.

1. На пунктуационном уровне – особенности употребления знаков препинания, характерные для автора ошибки в постановке знаков препинания.
2. На орфографическом – типичные ошибки в написании слов.
3. На синтаксическом – особенности построения предложений, предпочтение тех или иных синтаксических конструкций, употребление времен глагола и залога, порядок слов, характерные синтаксические ошибки.
4. На лексико-фразеологическом – словарный запас автора, особенности использования слов и выражений, склонность к использованию редких, иностранных, диалектных, архаичных слов, профессионализмов, навыки употребления фразеологических единиц.
5. На стилистическом – жанровая принадлежность и соответствие текста заявленному жанру, общая структура и композиция текста, стилистические фигуры и другие средства выразительности.

После того как каждый текст (тот, авторство которого необходимо установить, и тексты-образцы речи предполагаемого автора) проанализирован, выявляются характерные для автора образцов признаки, которые сравниваются с признаками текста, представленного на исследование. Совпадение большей части высокоинформативных признаков служит основанием для положительного вывода об авторстве.

Анализ протоколов допроса по данной методике представлен в работах Т. А. Распоповой [2015] и Л. М. Месропян [2017]. Прежде всего, исследователи отмечают необходимость отбора идентификационных признаков, поскольку не все из них релевантны для жанра протокола допроса. С другой стороны, авторами отмечается недостаточность отобранных идентификационных признаков, в силу чего предлагается дополнить используемую методику другими методами, в частности, контент-анализом и анализом прямых текстовых совпадений [Распопова, 2015], а также сопоставлением уровня владения языком в разных частях протокола [Месропян, 2017]. Л. М. Месропян обращает внимание на отсутствие четких границ возможного искажения речи допрашиваемого в протоколах, в результате чего речь автора обезличивается, теряет индивидуальные особенности. Это создает трудности при производстве автороведческой экспертизы, поскольку нивелирует большинство идентификационных признаков, в частности, делает невозможным исследование текста на уровне выявления орфографических и пунктуационных ошибок. Таким образом, по мнению Л. М. Месропян, при автороведческом анализе текстов данного жанра могут учитываться только лексико-фразеологический, синтаксический и стилистический уровни.

Рассмотренные исследования проводились на материале протоколов с большим количеством прямых текстовых совпадений, однако даже в этом случае для формулировки выводов авторам потребовалось прибегнуть к дополнительным методам анализа.

В одной из наших работ [Абрамкина, 2017] была предпринята попытка адаптировать данную методику с учетом жанровых черт протокола допроса, при этом использовались тексты без прямых текстовых совпадений. Результат показал, что количество и качество выделенных идентификационных признаков не дает возможности сделать категорический вывод об авторстве.

Таким образом, данная методика применима для текстов с четко выраженными авторскими признаками, в случаях же с протоколом допроса она показывает эффективность лишь при наличии достаточного объема прямых текстовых совпадений и использовании дополнительных методов.

Другая классификация идентификационных признаков и другая методика были разработаны специалистами экспертно-криминалистического центра МВД России в 2007 г. [Комплексная методика..., 2007]. В её основе лежит понятие речемыслительного навыка, содержание которого составляют усвоенные человеком нормы речи, языка и мышления, а также сформировавшиеся у него устойчивые отклонения от этих норм. Авторы методики представляют три уровня проявления речемыслительного навыка.

1. Уровень набора норм, которыми человек владеет, т. е. та совокупность языковых, речевых и мыслительных норм из всего множества, которую он усвоил в процессе формирования личности. Так, один человек может владеть свободно нормами научного стиля, в то время как другой – нормами официально-делового и ораторского.

2. Уровень набора свойств норм отражает избирательное использование человеком компонентов нормы. Так, один из владеющих ораторским стилем может в своей речи использовать единоначатие, вводные слова и перечисления, а другой – цепочки синонимов, уточнения и т. п.

3. Уровень набора языковых средств выражения свойств норм содержит конкретные слова и словосочетания, конкретные типы вводных конструкций и т. п. Так, один из ораторов может использовать преимущественно вводные слова «во-первых», «следовательно», «однако», а другой – «вероятно», «прежде всего», «наконец» и т. п. [Комплексная методика..., 2007. С. 11].

Для анализа текста по этим уровням авторы методики предлагают использовать следующие группы признаков:

- смысловые или тематические, отражающие общую направленность текста;
- текстологические, связанные со структурой и логикой построения текста;
- лексические, отражающие особенности лексико-семантического выражения мыслей автором;
- синтаксические, характеризующие особенности синтаксического оформления мыслей;
- стилистические, отражающие степень владения тем или иным стилем и средствами выразительности;
- орфографические, отражающие степень грамотности автора;
- пунктуационные, характеризующие также степень грамотности и уровень владения языком;
- психолингвистические, связанные с выражением субъективного начала в тексте, его эмоциональной наполненности.

Каждая группа признаков содержит большое количество конкретных языковых характеристик, в общей сложности их более 200.

Классификация комплексной методики более развернутая и глубокая, однако и она не полностью соответствует тем признакам, которые имеют значение для определения авторства текстов протоколов. Кроме того, выделение текстологических и психолингвистических признаков в том виде, в котором оно предлагается авторами методики, не соответствует системе понятий стилистики и требует уточнения терминологии.

Жанровые ограничения идентификационных признаков при анализе текстов протоколов допроса

Как показали исследования, обе используемые в современной экспертной практике методики имеют весьма ограниченную эффективность при анализе текстов протоколов допроса. Основная причина этого – жанровая специфика текстов протоколов. Можно выделить не-

сколько групп жанровых признаков, оказывающих влияние на возможности проявления языковой личности автора.

Первая группа черт связана с принадлежностью юрисдикционной разновидности официально-делового стиля, что диктует обилие лексических и синтаксических штампов, шаблонность самого документа, низкую эмоциональность текста и практически полное отсутствие показателей субъективности.

Вторая группа связана с таким фактором, как различие автора и составителя документа. В большинстве случаев на экспертизу поступают тексты протоколов, имеющие монологическую форму, составленные следователем или дознавателем по результатам допроса. Соответственно, в таких текстах орфографические и пунктуационные признаки будут полностью принадлежать составителю, ему же принадлежит часть лексико-фразеологических и синтаксических признаков.

Указанные черты существенно ограничивают число идентификационных признаков для текстов данного жанра. Так при пятиуровневом подходе (классификации Г. Д. Марковой и С. М. Вула), как уже отмечала Л. М. Месропян, полностью исключаются орфографический и пунктуационный уровни, а также, в значительной степени, стилистический. Лексико-фразеологический и синтаксический признаки претерпевают существенные изменения [Абрамкина, 2017].

Проведенное нами исследование текстов протокола допроса по комплексной методике МВД показало, что она также имеет определенные ограничения в применении к текстам этого жанра. Прежде всего, практически полностью исключается из анализа смысловой уровень, поскольку он во многом связан с тематикой документа, которая обусловлена конкретными экстралингвистическими факторами, как то: категория дела, роль допрашиваемого в этом деле и т. п. Значительные ограничения накладываются на уровень, отражающий логику и структуру текста, что связано с жесткой структурной организацией протокола допроса: он состоит из трех частей (вводной, описательной и удостоверяющей), из которых авторский текст может содержаться только в описательной и иногда удостоверяющей частях. Набор языковых признаков также существенно ограничивается. Полностью исключаются из анализа орфографические и пунктуационные признаки. Кроме того, такие признаки лексического уровня, как наличие в тексте лексического повтора, плеоназма, тавтологии, которые являются высокоинформативными для других жанров, показали нерелевантность в случае с текстами протокола допроса. Стилистический уровень сохранил лишь те признаки, которые характеризуют отклонение от официально-делового стиля. Субъективное начало и эмоциональная наполненность текста в целом слабо проявляются в протоколе допроса, поскольку этот жанр не предполагает эмоциональности, а его динамика и способ развертывания материала определяются вопросами допрашивающего. Однако регулярное проявление в тексте некоторых эмотивных признаков, наряду с отклонениями от стиля, может нести определенную информацию об авторе.

Классификация идентификационных признаков автора протокола допроса

Анализ существующих методик показал необходимость разработки классификации идентификационных признаков, которые будут информативны для текстов протокола допроса. Основываясь на комплексной методике МВД, а также классификациях С. М. Вула и Г. Д. Марковой, нами был составлен соответствующий набор идентификационных признаков. При этом разделение на уровни набора норм, свойств норм и средств выражения свойств норм, принятое в методике ЭКЦ МВД, было исключено из анализа. Вместо этого было использовано предложенное Г. Д. Марковой и применяемое в методике С. М. Вула разделение на общие признаки, отражающие уровень владения языковыми нормами, и частные, связанные с конкретным речевым проявлением этого уровня, особенностями использования тех или иных

языковых средств. Кроме того, терминология уровней функционирования языковых единиц была приведена в соответствие с понятийной базой современной стилистики.

На материале анализа более 100 текстов протоколов допроса был составлен следующий перечень признаков, релевантных для установления авторства протокола допроса.

1. *Структурно-текстовый уровень*

- Общие признаки: манера изложения (последовательность / непоследовательность; многословность / лаконичность; аргументированность / неаргументированность).
- Частные признаки: текстовые проявления манеры изложения (наличие / отсутствие отклонений от линии повествования).

2. *Лексико-семантический уровень*

- Общие признаки: оценочная лексика; лексика, выражающая отношение к сообщаемому; лексика, выражающая различные чувства; лексика со значением регулярности действий или событий; использование синонимов и антонимов и их характер; использование модальных глаголов, частиц, слов, усиливающих отрицание.
- Частные признаки: предпочтительное употребление конкретных слов из перечисленных групп лексики; лексические ошибки (кроме лексического повтора, тавтологии и плеоназма).

3. *Синтаксический уровень*

- Общие признаки: преобладание глагольных / именных / наречных / адъективных словосочетаний; преобладание конструкций с примыканием / согласованием; преобладание предложных словосочетаний; фразеологизмов; преобладание сложных предложений над простыми; степень осложненности и распространенности предложений; среди сложных предложений – преобладание сложносочиненных, бессоюзных или сложных предложений с разными типами связи; инверсия; парцелляция; анафора.
- Частные признаки: использование конструкций с дублированием предлога; упрощенных словосочетаний; редких словосочетаний, в которых позиция одного компонента замещена целым предложением; словосочетаний, в состав которых входит фразеологизм или другое словосочетание; способ осложнения предложений; частое использование придаточных обстоятельственных; предпочтение развернутых сложноподчиненных предложений синонимичным им простым предложениям с отглагольными существительными; использование просторечно-обиходной частицы «вот» для связи предложений; устойчивые ошибки построения определенного типа предложений.

4. *Стилистический уровень*

- Общие признаки: употребление оксюморона, антифразиса, арготизмов, сленга, жаргонизмов, профессиональной неюридической лексики; использование разговорной, научной лексики, средств выразительности (кроме гиперболы).
- Частные признаки: использование конкретных слов из выделенных групп.

5. *Эмотивный уровень*

- Общие признаки: экзальтированность, гиперболизация в выражении чувств, при передаче состояния; доминирование этической оценки происходящего; морализаторский тон повествования; просительно-заверительный характер речи; наличие эмоций ответственности, долга.
- Частные признаки: частое использование слов с суффиксами субъективной оценки, передающих различные оттенки чувств; употребление в тексте экспрессивной лексики; частое использование сниженной лексики; использование в тексте нецензурных слов и выражений как средства выражения эмоционального, негативного отношения к происходящему.

6. *Коммуникативно-прагматический уровень*

- Общие признаки: наличие дополнительной коммуникативной цели в тексте, нарушение коммуникативных максим количества и релевантности.
- Частные признаки: конкретные способы нарушения коммуникативных максим.

Таким образом, результат сопоставительного анализа текстов протоколов допросов разных авторов позволил выявить около 40 идентификационных признаков, имеющих значение для установления авторства текстов протокола допроса.

Уточнение как дополнительный идентификационный признак

Потребность в дополнительных методах анализа, обнаруженная при проведении экспертизы по методике, основанной на классификациях Г. Д. Марковой и С. М. Вула, остается не менее актуальной и при анализе протоколов допроса по выделенным нами идентификационным признакам. Дело в том, что выделение такого малого количества признаков (40 из 200), с одной стороны, устраняет неинформативные признаки, позволяя избежать лишнего «шума» при оценке результатов, с другой же стороны, создает трудности при формулировке выводов. Согласно методике МВД, для категорического вывода тексты должны иметь совпадения 20–30 высокоинформативных признаков, если же признаков всего 40, вероятность того, что 30 из них совпадут и окажутся высокоинформативными, мала.

Использование методов, которые предложены Т. А. Распоповой и Л. М. Месропян (контент-анализ, анализ прямых текстовых совпадений и уровня владения языком), возможно, однако весьма ограничено, поскольку они не являются универсальными для текстов протоколов, носят частный характер и применимы к ограниченному кругу экспертных ситуаций. Между тем, необходима разработка таких дополнительных признаков, которые будут отвечать следующим критериям.

1. Регулярность и систематичность проявления признаков в текстах протокола допроса – признаки должны быть характерной чертой жанра и проявляться во всех или большинстве текстов протоколов.

2. Высокая степень авторской уникальности признаков – они должны иметь существенные различия в проявлении у разных авторов и существенное сходство у одного автора.

Поиск дополнительных признаков, на наш взгляд, стоит проводить с учетом жанровой доминанты. Н. М. Татарникова отмечала, что жанровой доминантой протокола допроса является стремление к точности и конкретности [Татарникова, 2004]. На текстовом уровне это главным образом выражается обилием уточнений.

Под уточнением мы будем понимать семантический компонент текста, который дополняет, разъясняет, уточняет какую-то мысль, но носит факультативный характер в тексте (с точки зрения передачи информации об объекте речи). Однако в протоколах допроса уточнения являются обязательным элементом, позволяющим достичь необходимой подробности изложения информации.

Уточнения неоднородны по своей природе, поскольку могут нести дополнительную информацию о разных объектах и их разных качествах. На материале проанализированных протоколов нами была составлена семантическая классификация уточнений, в ее основу положен тип объекта, о котором сообщается дополнительная информация.

Было выделено 6 типов уточнений с несколькими подтипами:

- 1) темпоральные уточнения (даты, времени, временных границ, длительности и т. п.);
- 2) пространственные уточнения (места, направления, расстояния, маршрута, пункта отправления / назначения, адреса и т. п.);
- 3) объектные уточнения (уточнения качественных характеристик, количественных характеристик; пояснение термина или понятия, указание на существование определенного правила, порядка, обычая, традиции);
- 4) субъектные уточнения (уточнения состава участников, агенса / состава агенсов, пациенса / состава пациенсов, суперагенса);
- 5) уточнения эмоционально-интеллектуального состояния автора (указание на неосведомленность или незаинтересованность автора, осведомленность и уверенность автора, эмоционально-оценочное отношение автора к объекту; ссылка на личный опыт, ссылка на чужое мнение);

б) логические уточнения (уточнение-уступка, уточнение цели, причины, уточнение-следствие, аргументация, уточнение причинно-следственной связи, результата, уточнение-присоединение).

Все подтипы были разделены на высоко- и низкоинформативные в зависимости от их роли при установлении авторства текста (табл. 1). К низкоинформативным были отнесены те типы уточнений, которые встречаются во всех или большинстве проанализированных текстов протоколов и чаще всего принадлежат речи составителя или теме документа. Они могут иметь идентификационное значение в совокупности с высокоинформативными типами, также может быть значимо отсутствие этих типов в тексте соответствующей тематики. Высокоинформативные уточнения встречаются в текстах намного реже, но содержат больше информации об авторе протокола.

Таблица 1

Низкоинформативные и высокоинформативные типы уточнений

Table 1

Low informative and high informative types of clarifications

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Темпоральные (кроме временных границ и длительности)	Темпоральные (временных границ, длительности)
Пространственные (места через указание на расстояние от реперной точки; места (без дополнительных оттенков значения); линейное уточнение маршрута; расстояния; направления; адреса)	Пространственные (места через указание на наличие / отсутствие там лица или объекта; места через описание ландшафта; пункта отправления / назначения; радиальное уточнение маршрута)
Объекта (качественных и количественных характеристик объекта речи; пояснение термина или понятия)	Объекта (существование порядка/требования; существование обычая/традиции)
Субъекта (участников событий; агенса)	Субъекта (пациенса, суперагенса)
Эмоционально-интеллектуального состояния автора (указание на неосведомленность или незаинтересованность автора)	Эмоционально-интеллектуального состояния автора (указание на осведомленность и уверенность автора; на эмоционально-оценочное отношение автора к объекту; на личный опыт; на чужое мнение)
Логические (цели, причинно-следственной связи)	Логические (кроме причинно-следственной связи и цели)

Исследование типов уточнений также должно учитывать не только их информативность, но и общие и частные признаки, связанные с уточнениями. Так, тип и подтип уточнения относятся к общим признакам, в то время как к частным будет относиться конкретное лексическое наполнение и синтаксическая структура данного подтипа. Например, общий признак «уточнение со значением места» может быть представлен такими частными синтаксическими признаками, как использование необособленного обстоятельства места или придаточного предложения со значением конкретизации места. Уточнение направления может иметь такие частные синтаксические признаки, как использование обстоятельства места с предлогом «в» или вставки для передачи соответствующего значения.

Анализ типов уточнений позволяет составить для каждого текста картину употребления уточнений. Сопоставление получившихся результатов текстов-образцов и спорного текста позволяет оценить степень сходства использованных авторами типов уточнений.

Для иллюстрации сопоставительного анализа типов уточнений было проанализировано три текста протокола допроса. Два первых принадлежали одному автору, третий другому. Результаты сопоставления представлены в табл. 2.

Таблица 2

Типы уточнений в текстах одного и разных авторов. Общие признаки

Table 2

Types of clarifications in texts of the same and different authors. General features

Тип	Текст № 1	Текст № 2	Текст № 3
Темпоральные уточнения			
Низкоинформативные	Уточнение даты		Уточнение времени
Высокоинформативные	Уточнение времени через соотнесение с важным событием		
	Уточнение верхней временной границы		
	Уточнений нижней временной границы		
		Уточнение периода времени	
Пространственные уточнения			
Низкоинформативные	–	–	Уточнение направле- ния
	–	–	Уточнение направле- ния через указание на расположение там важного в данной коммуникативной ситуации лица или объекта
Высокоинформативные	Уточнение места через указание на при- сутствие там автора и объекта речи од- новременно		–
Уточнения объекта			
Низкоинформативные	Уточнение количественных характеристик объекта речи		
	–	Уточнение качественных характеристик объекта	
	Пояснение термина или понятия		–
	Уточнение состава объектов		
Уточнение субъекта			
Низкоинформативные	–	–	Уточнение состава агентов
Уточнение эмоционально-интеллектуального состояния автора			
Низкоинформативные	Указание на неуверенность или неосве- домленность автора		–
Логические уточнения			
Низкоинформативные	–	–	Уточнение цели
Высокоинформативные	Уточнение-присоединение		Уточнение-уступка
	Уточнение причины		

Как видно из таблицы, в текстах, составленных одним автором, количество совпадающих общих признаков (как низкоинформативных, так и высокоинформативных) значительно больше. Что касается частных признаков, то такие совпадающие в текстах обоих авторов общие признаки, как уточнение качественных и количественных характеристик объекта речи, имели разное лексическое содержание. В тексте первого автора уточнение количественных характеристик происходит с помощью одиночного числительного (3, 4), в текстах второго автора числительное содержит буквенный показатель порядкового числительного (4-я, 5-й). Уточнение качественных характеристик у первого автора выражено одиночным прилагательным, указывающим на временную соотнесенность описываемого события с другим; у второго автора – причастным оборотом со значением пространственной соотнесенности.

Таким образом, сопоставление наборов уточнений с учетом общих и частных признаков в текстах-образцах и спорном тексте является эффективным способом повышения точности результатов автороведческого идентификационного исследования.

Методика идентификационной автороведческой экспертизы текстов протоколов допроса

Методика автороведческой экспертизы строится из нескольких последовательных действий: оценки пригодности спорного текста и текстов-образцов, раздельного анализа спорного текста и текстов-образцов, сравнительного анализа полученных признаков, оценки результатов и формулирования выводов [Комплексная методика, 2007]. Они справедливы и для текстов протокола допроса, однако условия пригодности и оценки результатов, а также этапы раздельного и сравнительного анализов имеют определенную специфику.

Автороведческая экспертиза протокола допроса решает, как правило, два типа задач: определение того, принадлежат ли все тексты одному автору и принадлежит ли конкретный текст определенному автору.

Анализ протоколов допроса объемом от 150 до 4 000 тысяч слов показал, что минимальный объем для выделения устойчивых признаков при решении обеих задач составляет 300 слов, не считая вводную, удостоверительную часть и вопросы следователя.

Для решения второй задачи представляется важным сопоставление спорного текста не только с образцами речи предполагаемого автора, но и с образцами речи составителя протокола допроса. Объем сравнительных образцов при решении данной задачи должен составлять от 1500 тысяч слов (в 5 раз превышать объем спорного текста, согласно рекомендациям ЭКЦ МВД) [Комплексная методика..., 2007 С. 83].

Проведение раздельного и сравнительного анализа по разработанной нами методике состоит из следующих этапов.

1. Раздельный анализ спорного текста, образцов речи предполагаемого автора и, если есть необходимость, образцов речи составителя по выделенным идентификационным признакам структурно-текстового, лексико-семантического, синтаксического, стилистического, эмотивного и коммуникативно-прагматического уровней.
2. Сравнительный анализ выделенных наборов признаков по указанным уровням.
3. Формулирование предварительного вывода.
4. Раздельный анализ общих и частных признаков уточнений в спорном тексте, образцах речи предполагаемого автора и, при необходимости, образцах речи составителя.
5. Сравнительный анализ общих и частных признаков уточнений.
6. Формулировка выводов на основе соотношения типов уточнений.
7. Оценка результатов и формулирование общих выводов на основе анализа идентификационных признаков и типов уточнений.

Оценка результатов происходит с учетом совпадения как базовых идентификационных признаков, так и признаков уточнений. При этом для положительного вывода об авторстве

текстов важным является совпадение большей части общих и частных базовых идентификационных признаков и отсутствие существенных различий общих и частных высокоинформативных признаков уточнений. Необходимо учитывать, что общие признаки уточнений могут варьироваться не только в зависимости от автора, но и в зависимости от темы, особенно это касается низкоинформативных признаков. Таким образом, у одного автора в текстах разной тематики могут встречаться разные низкоинформативные и некоторые высокоинформативные типы уточнений, однако частные признаки и общие признаки высокоинформативных субъектных и логических уточнений, равно как высокоинформативных уточнений эмоционально-интеллектуального состояния автора, как правило, слабо варьируются у одного автора.

Данная методика прошла апробацию при проведении автороведческой экспертизы протоколов допроса и показала свою эффективность. Результаты апробации подтвердили также выводы об условиях определения пригодности – апробация проводилась на текстах объемом от 150 до 2 000 слов, полученные результаты показали, что для текстов объемом 150–200 слов сделать вывод об авторстве достаточно сложно, однако при увеличении этих значений до 300 слов авторские признаки проявляются более регулярно.

Заключение

Как показало наше исследование, жанр протокола допроса обладает рядом черт, усложняющих процедуру идентификации авторства. Проведенный обзор существующих методик идентификационной автороведческой экспертизы и подходов к установлению авторства текстов протокола допроса продемонстрировал, что в литературе отсутствуют как классификация идентификационных признаков, релевантных для текстов данного жанра, так и методика, учитывающая жанровую специфику документов.

Путем анализа более 100 текстов протоколов допроса нами была составлена классификация идентификационных признаков протокола допроса на шести уровнях (структурно-текстовом, лексико-семантическом, синтаксическом, стилистическом, эмотивном и жанрово-прагматическом). При исследовании текстов протоколов допроса нами было обнаружено такое свойство документов этого жанра, как обилие уточнений, наборы которых у разных авторов существенно отличаются. На основе этого свойства нами была разработана семантическая классификация типов уточнений и введен дополнительный идентификационный признак – набор типов уточнений.

Разработанная на основе составленных классификаций методика автороведческой идентификационной экспертизы протокола допроса основывается на рекомендациях ЭКЦ МВД и содержит как основные этапы автороведческого анализа, так и описание требований к образцам и критерии оценки результатов анализа. Предлагаемая нами методика позволяет сформулировать более точный вывод, поскольку анализируются дополнительные, характерные для жанра протокола допроса и обладающие высокой степенью авторской уникальности признаки; позволяет сэкономить время, так как используется классификация идентификационных признаков, учитывающая только релевантные для протокола допроса признаки. Данная методика строится на жанрово-прагматическом анализе протокола допроса и представляет собой один из возможных подходов к установлению авторства текстов данного жанра.

Список литературы

- Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томск. гос. ун-та, 2017. № 415. С. 158–163.
- Вул С. М. Оценка идентификационной значимости признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1978. Вып. 17. С. 104–08.
- Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.

- Комплексная методика** производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 197 с.
- Маркова Г. Д.** Идентификационные признаки письма в советской криминалистической экспертизе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1956. 341 с.
- Месропян Л. М.** Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Процессуальные действия вербального характера: Сб. ст. по материалам Всероссийского круглого стола / Под ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. 2017. С. 116–127.
- Распопова Т. А.** Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1 (6). С. 133–144.

References

- Abramkina E. E.** Interrogation minutes authorship examination: main characteristics and techniques of analysis. *Tomsk State University Journal*, 2017, no. 415, p. 158–163. (in Russ.)
- Complex methodology for production of authorship examination. I. I. Rubcova, E. I. Ermolova, A. I. Bezrukova et al. Moscow, FMI Russia, 2007, 197 p. (in Russ.)
- Galyashina E. I.** Fundamentals of forensic speech study. Moscow, Stensi, 2003, 236p. (in Russ.)
- Markova G. D.** Identification Signs of the Letter in the Soviet Forensic Examination: abstract of thesis ... of Cand. in Law. Kharkov, 1956, 341 p. (in Russ.)
- Mesropyan L. M.** Linguistic Expertise of the Interrogation Records: Speech Identification of Interrogatee as the Means of Identifying the Proceedings Defects. In: Verbal Character Proceedings. The collection of proceedings of the conference. St. Petersburg, 2016, p. 116–127. (in Russ.)
- Raspopova T. A.** Judicial authors examination: a case study. *Year-book of the Institute of the Fundamental and applied research*, 2015, no. 1 (6), p. 133–144. (in Russ.)
- Vul S. M.** Evaluation of identification importance of written speech features in the forensic authorship examination. In: Criminalistics and forensic expertise. Kiev, 1987, vol. 17, p. 104–108. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
14.06.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

- Абрамкина Елена Евгеньевна**, ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090 Россия)
- Elena E. Abramkina**, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
 abramkinaee@list.ru
 ORCID 0000-0002-9477-8117

Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов

В. А. Федотова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Пермь, Россия*

Аннотация

Излагаются результаты комплексного социально-психологического исследования, включающего качественные и количественные методики. Продемонстрирована роль культурного фактора в формировании адаптационных механизмов иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Международный характер современного образования выражается в росте академической мобильности, увеличении числа иностранных студентов. Чаще всего приспособление к новой социокультурной среде достигается за счет изменений в стереотипах и способах поведения, при этом остается внутреннее отчуждение от социальной среды. Возрастающий интерес к теме иностранных студентов и созданию для них благоприятной образовательной среды в России пробуждает исследовательский интерес в отношении изучения особенностей адаптации студентов к совершенно новым условиям проживания и обучения. Успешная адаптация способствует быстрому включению в учебный процесс, повышению качества подготовки молодых людей. Результаты исследования вносят вклад в выявление копинг-стратегий, особенностей адаптации и антиципационных механизмов в зависимости от принадлежности студентов к той или иной культуре. В качестве респондентов выступили представители полихронной, полиактивной и высококонтекстной культуры – студенты из арабских стран ($n = 64$) и представители низкоконтекстной и полихронной культуры – студенты из Индии ($n = 73$), обучающиеся в России от года до трех лет. Арабские студенты легче адаптируются к учебному процессу, у них в большей степени развита групповая вовлеченность, они более эффективно распределяют время, а личностно-ситуативная антиципационная состоятельность развита в большей степени, чем у представителей полихронной и низкоконтекстной культуры (индийцев). В свою очередь, индийцы в большей степени стремятся к поиску социальной поддержки, и им крайне сложно прогнозировать трудные ситуации, связанные со временем и межличностным общением.

Ключевые слова

адаптация, культура, копинг-стратегии, антиципационная состоятельность, шкалы социокультурной адаптации

Для цитирования

Федотова В. А. Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 109–119. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-109-119

The Experimental Research of Adaptation Competences of Arab and Indian Students

Vera A. Fedotova

*National Research University – Higher School of Economics
Perm, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of a comprehensive socio-psychological study, including qualitative and quantitative methods. The role of cultural factor in the formation of adaptation mechanisms in foreign students studying in Russian Universities is demonstrated. The number of international students is one of the indicators of how successful an institution is on the world market of educational services. The international character of modern education can be ob-

served in the increase of academic mobility and the growth of the number of international students. Most often, people manage to adapt to a new socio-cultural environment by modifying their stereotypes and behavioural patterns, yet, they may remain internally alienated from the social environment. An increasing number of international students in Russia and the need to create a favourable educational environment for them motivates researchers to study the peculiarities of how such students adapt to radically new living and learning conditions. Successful adaptation ensures fast integration into the learning process and an overall improvement of the quality of education for those young people.

The results of the current study will hopefully contribute to the identification of coping strategies, adaptation features, and anticipatory mechanisms depending on their cultural backgrounds. The respondents were representatives of a polychronic, polyactive and high-context culture (students from Arab countries, $n = 64$) and representatives of low-context and polychronic cultures (students from India, $n = 73$); all of them studying in Russia from one to three years. The Arabic-speaking students were found to adapt to the learning process easier than their Indian counterparts: they were more involved in a group's activity, and situational anticipatory competence was better developed with them. At the same time, the Indian students were found to be more eager to seek social support; also it was extremely difficult for them to predict situations associated with time and interpersonal communication.

Keywords

adaptation, culture, coping strategies, anticipatory competence, sociocultural adaptation scales

For citation

Fedotova, Vera A. The Experimental Research of Adaptation Competences of Arab and Indian Students. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 109–119. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-109-119

Введение в проблему

На сегодняшний день все больше возрастает внимание к проблеме создания для иностранных студентов в России благоприятной образовательной и социокультурной среды. К настоящему времени все более явно обозначаются противоречия между количеством эмпирических данных об адаптации иностранных студентов и отсутствием работ, направленных на изучение особенностей прогнозирования трудных ситуаций и выявление копинг-стратегий в связи с принадлежностью к культуре. Исследования, проведенные за последнее время говорят о том, что быструю включенность в образовательную среду российского вуза представителей разных стран, могут повысить программы адаптации, учитывающие национальные и религиозные характеристики студентов. Основная задача представленного исследования заключается поэтому в выявлении различий в шкалах социокультурной адаптации, копинг-стратегиях, переменных антиципационной состоятельности у иностранных студентов в зависимости от принадлежности к тому или иному типу культуры. В данном исследовании изучаются два типа культуры:

- высококонтекстная, полиактивная, полихронная культура, представителями которой являются студенты из Арабских стран;
- полихронная и низкоконтекстная культура, носителями которой являются студенты из Индии.

Критерии анализа культур

Культура – это функционально обусловленная система со своей структурой, внутренним механизмом самосохранения, адаптирующая своих членов к природной среде и социальному окружению. Вместе с тем это система определенных стереотипов, норм поведения представителей нескольких этносов [Дибраев, 2015]. Ее специфика и тип определяются соотношением нескольких факторов: степенью информированности, процессом коммуникации внутри группы и за ее пределами [Дибраев, 2015; Hall, Hall, 1990]; отношением к деятельности и планированию [Жданова, Федотова, 2018; Hofstede, 2001; Lewis, 2001]; отношением ко времени [Nishimura et al., 2008] и отношением к ингруппе и аутгруппам [Hofstede, 2001].

На данный момент существует несколько подходов к классификации культур. Согласно одной из них, все культуры можно классифицировать по признаку слабой и сильной контек-

стуальной зависимости [Hall, Hall, 1990]. Холл разграничил их на высококонтекстные и низкоконтекстные типы [Hall, Hall, 1990; Nishimura et al., 2008]. Э. Холл предложил следующее понимание взаимодействия между культурой и коммуникацией: «Коммуникация – это культура, культура – это коммуникация». Другими совами, он акцентировал внимание на том, что поведение людей, их манеры говорить, их жесты имеют в общении знаковую, информационную функцию [Грушевицкая, 2002]. Для него культурный контекст, как подчеркивают исследователи, – это информация о событии, имеющая значение для того, что происходит, и для того, с кем это происходит [Персикова, 2011].

По Э. Холлу, в зависимости от способа использования времени культуры следует разделять на два противоположных вида: монохронные и полихронные [Федотова, Жданова, 2018; Hall, Hall, 1990; Nishimura et al., 2008]. Представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения.

Иная типология культур была предложена известным английским культурологом Р. Льюисом [Lewis, 2001]. В ее основе находится также отношение носителей культуры ко времени, но в отличие от предыдущего подхода он расширил типологию, включив дополнительные признаки. Льюис выделил моноактивные, полиактивные и реактивные («слушающие») культуры. В моноактивных культурах принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности. Полиактивные народы общительны, подвижны, делают много дел сразу и не по расписанию. Реактивные культуры – это культуры, придающие наибольшее значение уважению, вежливости, предпочитающие молча и с уважением слушать собеседника, осторожно реагируя на его предложения. Представители данного типа культуры интровертивны, молчаливы, почтительны, пунктуальны, имеют едва уловимую жестикуляцию и мимику.

Программа эмпирического исследования

В качестве респондентов выступили представители арабских стран (Марокко, Сирия) и Индии (табл. 1). Респонденты обучаются в вузах Перми, Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Екатеринбурга. Общее количество респондентов составило 137 человек.

Арабские студенты (64 человека) относятся к высококонтекстной, полиактивной, полихронной культуре. В исследовании приняли участие студенты из Пермского государственного медицинского университета имени Академика Е. А. Вагнера ($n = 27$); Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Пермь» ($n = 2$); Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» ($n = 9$); Пермского государственного национального исследовательского университета ($n = 5$); Пермской государственной фармацевтической академии ($n = 16$); Казанского (Приволжского) федерального университета ($n = 5$).

Индийцы¹ обладают особой, неповторимой культурой, сильно отличающейся от других культур Восточной Азии [Zaidman, 2001]. Они более многословны, чем китайцы, японцы или корейцы, и, как и большинство романских народов, ориентируются на диалог. Несмотря на то что традиционно Индия относилась к высококонтекстной культуре, исследования, проведенные за последнее время утверждают, что Индия ближе к культуре с низким контекстом [Nishimura et al., 2008]. В одной из работ зарубежных авторов была изучена культурная обусловленность особенностей общения среди американских студентов, обучающихся в США, и индийских студентов, обучающихся в Индии [Karoor et al., 2003]. Результаты одного из

¹ Этот этноним точнее отражает культурно-религиозную специфику данной группы, чем этноним «индусы» (индийцы, исповедующие индуизм), используемый в некоторых цитируемых работах, поскольку влияние религиозного фактора в нашем исследовании прямо не учитывалось.

исследований демонстрируют, что индийский стиль общения ближе к низкоконтекстной культуре больше, чем первоначально считалось. На этом основании делается вывод, что индийская культура становится вестернизированной [Sen, 2005].

Вторую группу респондентов нашего исследования составили 73 студента из Индии, чью культуру, в силу вышесказанного, можно охарактеризовать как полихронную и низкоконтекстную. В ее состав вошли студенты из Пермского государственного медицинского университета им. академика Е. А. Вагнера ($n = 38$); Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» ($n = 4$); Пермского государственного национального исследовательского университета ($n = 6$); Пермской государственной фармацевтической академии ($n = 25$). В исследовании приняли участие студенты гуманитарных и технических специальностей, обучающиеся в российских вузах от 1 года до 3 лет.

Арабские страны относятся к полихронной культуре. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные отношения, при этом арабы более динамичны в обращении со временем. Представители арабских стран стараются адаптироваться к современным формам поведения без нарушения традиций, которые они ценят. Эти народы убеждены в том, что мужчины и женщины обладают совершенно различными личностными качествами, и между ними не может быть равноправия. Культура арабских стран – полиактивная, полихронная, высококонтекстная.

Характеристики респондентов
Characteristics of respondents

Таблица 1
Table 1

Респонденты	Количество респондентов	Возраст
Арабы	64, из них: муж. – 33 жен. – 29	Min: 19 Max: 27 Median: 23
Индийцы	73, из них: муж. – 39 жен. – 24	Min: 18 Max: 26 Median: 23

Комплексное социально-психологическое исследование базировалось на следующих качественных и количественных методиках.

1. Методика Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R) [Wilson, 2013], направленная на изучение особенностей адаптации иностранных студентов.

2. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale – SACS) (ср. [Водопьянова, Старченкова, 2009]).

3. «Тест антиципационной состоятельности» [Менделевич, 2003]. Методика была апробирована В. Д. Менделевичем и Г. Д. Хафизовой в 2007 году [Менделевич, Хафизова, 2007]. Несмотря на то, что методика первоначально была использована для выявления личностных расстройств, развитие концепции выводит ее за рамки клинической психологии [Менделевич, 2003]. Антиципационная состоятельность становится предметом изучения и в других сферах, в том числе и учебной [Даниленко, 2018]. Возможность широкого спектра применения данной методики позволила взять ее за основу в нашем исследовании. Особенности коммуникативной стороны общения так или иначе могут быть обоснованы культурными различиями [Юаньян, 2018; Lewis, 2001].

4. Глубинное интервью с арабскими студентами. Опросный лист разделен на несколько смысловых блоков, направленных на различные аспекты адаптации: образовательную, социально-психологическую, экономическую, культурную и бытовую.

Результаты исследования и их интерпретация

Обратимся к результатам, полученным в первом блоке опросника и отражающим индивидуальные стратегии преодоления респондентов. Первичный анализ ответов респондентов позволил выявить среднее значения и стандартное отклонение по каждой переменной (табл. 2).

У студентов из арабских стран, представителей полихронных, полиактивных и высококонтекстных культурных общностей, доминирует пассивная стратегия преодоления. Респондентам свойственно откладывать решение возникшей проблемы в надежде на то, что она разрешится сама; экономить силы и предпочитать заниматься чем угодно, лишь бы забыть о неприятном деле, которое нужно сделать. В то же время арабским студентам в малой степени свойственны асоциальные и агрессивные действия, которые выражаются в асоциальной стратегии преодоления стресса. Индийцы, относящиеся к полихронной и низкоконтекстной культуре, предпочитают просоциальную стратегию поведения, выражающуюся в поиске социальной поддержки. Индийцы советуются с друзьями и близкими, не стесняются обращаться к другим людям за помощью и поддержкой, а в трудные минуты для них крайне важна эмоциональная поддержка близких людей.

Нами были выявлены значимые различия между представителями полихронных и низкоконтекстных культур и полиактивных, полихронных и высококонтекстных культур в выраженности стратегии преодоления стресса – поиске социальной поддержки. Полиактивные и высококонтекстные народы не стараются скрывать свои чувства – радость, разочарование и горе выражаются открыто. В центре их ценностей находится семья, а также преданность группе. Принадлежность к группе в индийской культуре является доминирующей. Большое значение придается ингруппам.

Перейдем к анализу результатов из второго блока опросника, направленного на изучение особенностей социокультурной адаптации, используя опросник «Revised Sociocultural Adaptation Scale» [Wilson, 2013]. Автор методики выделила следующие шкалы адаптации: межличностное общение, академическая адаптация, принадлежность к группе, экологическая адаптация, уровень владения языком принимающей стороны [Wilson, 2013]. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение по каждой переменной, а также различия по t-критерию Стьюдента (табл. 3).

В ходе анализа были установлены межкультурные различия в академической адаптации и по шкале «наличие интересов и групповая вовлеченность». У арабов значение по шкалам «академическая адаптация» и «групповая вовлеченность» выше, чем у представителей полихронной и низкоконтекстной культуры – индийцев. Соответственно, арабы больше настроены на взаимодействие, участие в общественных мероприятиях, имеют увлечения и интересы, а также более выраженные стремления к участию в академической деятельности и выполнению рабочих обязанностей.

Перейдем к анализу результатов из третьего блока опросника, направленного на изучение антиципационной состоятельности. Данная методика представляет собой опросник, состоящий из 81 утверждения. Степень согласия-несогласия с ними оценивается по пятибалльной шкале: 1 – абсолютно не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – не знаю, не уверен, 4 – скорее согласен, 5 – абсолютно согласен. Далее подсчитываются баллы по трем составляющим антиципационной состоятельности: личностно-ситуативной, пространственной и временной, а также общий уровень развития антиципационной состоятельности. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение по каждой переменной, а также различия по t-критерию Стьюдента (табл. 4).

Таблица 2

Показатели стратегий преодоления у индийцев и арабов

Table 2

Strategies for coping with stress situations in Indian and Arab students

Стратегии преодоления	Модель поведения (действия)	Арабы		Индийцы		p-уровень	Размер эффекта (d Коэна)
		Степень выраженности	Стандарт. отклонение	Степень выраженности	Стандарт. отклонение		
Активная	Ассертивные действия	15	0,34	16,8	0,33	Незначим	0,05
Просоциальная	Вступление в социальной контакт	19,7	0,81	15,3	0,59	Незначим	0,07
Просоциальная	Поиск социальной поддержки	16,3 **	0,66	21,8 **	0,48	$p < 0,01$	0,95
Пассивная	Осторожные действия	20	0,34	19,4	0,83	Незначим	2,74
Прямая	Импульсивные действия	15,7	0,62	15	0,55	Незначим	0,01
Пассивная	Избегание	19	0,64	18	0,58	Незначим	0,01
Непрямая	Непрямые действия	15,7	0,76	16,6	0,56	Незначим	0,13
Асоциальная	Асоциальные действия	14,3	0,41	13	0,54	Незначим	0,02
Асоциальная	Агрессивные действия	14,3	0,59	13,8	0,61	Незначим	0,08

Примечание к табл. 2–4: *** – различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** – различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * – различия достоверны на уровне $p < 0,05$.

Таблица 3

Шкалы социокультурной адаптации у индийцев и арабов

Table 3

Socio-cultural adaptation scales for Indian and Arab students

Шкала	Арабы			Индийцы			Размер эффекта (d Коэна)
	ср. знач.	min–max	ст. откл.	ср. знач.	min–max	ст. откл.	
Межличностное общение	4,26	1–5	0,44	3,9	1–5	0,34	0,10
Учебная (академическая) адаптация	4,13 *	3–5	0,73	3,62 *	3–5	0,48	0,06
Наличие интересов и групповая вовлеченность	4,45 *	2–5	0,71	3,8 *	2–5	0,49	0,08
Экологическая адаптация	3,2	1–5	0,57	3,47	1–5	0,37	0,06
Уровень владения русским языком	3,37	1–5	0,84	3,2	1–5	0,65	0,03

Составляющие антиципационной состоятельности

Таблица 4

Table 4

Components of anticipation competence

Составляющие антиципационной состоятельности	Арабы		Индийцы		p-уровень	Размер эффекта (d Коэна)
	Среднее значение	Стандарт. отклонение	Среднее значение	Стандарт. отклонение		
Личностно-ситуативная	194 **	0,68	172,41 **	0,73	$p < 0,01$	0,31
Пространственная	58,4	0,41	60,8	0,59	Незначим	0,06
Временная	40,2 *	0,75	37,19 *	0,74	$p < 0,05$	0,04
Общая АС	292,6	0,61	270,4	0,70	Незначим	0,33

Наблюдаются значимые различия по составляющим антиципационной состоятельности у арабских студентов и индийцев, обучающихся в России. Личностно-ситуативная и временная составляющие прогностической валидности больше выражены у представителей полихронных, полиактивных и высококонтекстных культур. Другими словами, арабы способны прогнозировать ситуации, связанные с общением, точно так же, как и прогнозировать течение времени и точно распределять его. Об антиципационной состоятельности арабских студентов ранее ничего не было известно в науке, но низкая временная антиципационная состоятельность индийцев культурно детерминирована. Как нами было сказано ранее, что полиактивные народы общительны, подвижны, делают много дел сразу и не по расписанию, а по степени их привлекательности, значимости на данный момент, носители данного типа культуры экстравертивны, нетерпеливы, словоохотливы, непунктуальны [Федотова, Жданова, 2019; Lewis, 2001].

Дополнительно нами была проведена серия интервью с арабскими студентами. Глубинное интервью было разделено на несколько смысловых блоков, направленных на разные аспекты адаптации: образовательную, социально-психологическую, экономическую, культурную и бытовую. Были заданы следующие вопросы: «Почему выбрали Россию как страну для обучения?», «С чем возникли трудности после приезда?», «Какие традиции считаете хорошими?», «Что знали о России раньше?» и др. Анализ ответов позволил сделать следующие выводы о носителях культуры.

Большинство арабов приехали в Россию учиться, поскольку ранее слышали много положительных отзывов от своих родственников и друзей. Трудности по приезде возникли ввиду различия языка, культуры и религии. У арабов есть стойкое убеждение в том, что россияне не дружные, и, проучившись в принимающей стране от года до трех лет, они по-прежнему придерживаются того же мнения. Арабам нравятся такие традиции, как Масленица, празднование Нового года и 1 Мая. На вопрос, с кем в основном общаются арабские студенты, большинство из них отвечали, что со всеми, при этом они стремятся посещать университетские мероприятия с участием российских студентов, а список их занятий в свободное от учебы время варьируется от занятий спортом, посещения кино, катания на коньках и лыжах и зимнее время до «прогулки с русскими».

Заключение

Безусловно, изучение особенностей адаптации иностранных студентов к образовательному пространству российского вуза остается актуальной темой на сегодняшний день. Несмот-

ря на наличие некоторого ряда российских и зарубежных исследований, направленных на изучение стратегий адаптации иностранных студентов, в большинстве из них студенты не дифференцированы по национальности [Краюшкина, 2013; Natalova, Chylova, 2012], в зарубежных исследованиях не проводится даже разделение по культурной специфике [Cao et al., 2017; 2018; Khawaja, Stallman, 2011; Merc, Subasi, 2015].

Полученные данные об адаптационных компетенциях студентов, принадлежащих к разным культурам, а именно особенности их копинг-стратегий и умение прогнозировать ситуации, связанные с общением и распределением времени, могут лечь в основу разработки сопровождающих программ адаптации.

Культурные различия между студентами должны учитываться не только программами адаптации, но и системами обучения иностранных студентов. Так, при разработке программ нужно учитывать, что арабские студенты как представители полихронной, полиактивной и высококонтекстной культуры легче адаптируются к учебному процессу, поскольку адаптация происходит непосредственно через механизмы коммуникации. У них в большей степени развита групповая вовлеченность, они более эффективно распределяют время, их личностно-ситуативная антиципационная компетенция развита в большей степени, чем у представителей полихронной и низкоконтекстной культуры (в нашем исследовании у индийцев).

Студенты из Индии – это та культурно-специфическая группа, которой нужно четко обозначать дедлайны, которую требуется информировать о графике текущего учебного контроля, а членов группы учить уделять особое внимание тайм-менеджменту, поскольку временная антиципационная состоятельность выработана у них в меньшей степени.

Выявленные различия в копинг-стратегиях демонстрируют, что студенты-индийцы в большей степени стремятся к поиску социальной поддержки. Им крайне сложно прогнозировать наступление «трудных» учебных и бытовых ситуаций, связанных с умением планировать время и общаться. Высокая необходимость в социальной поддержке выступает у них как стратегия преодоления. Соответственно, сделав на этом акцент, можно ускорить их адаптацию к учебному процессу.

У арабских студентов академическая адаптация проходит легче, а временная и антиципационная состоятельность развита у них в большей степени, чем у студентов из Индии.

Список литературы

- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.** Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2009. 189 с.
- Грушевицкая Т. Г.** Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана. 2002. 352 с.
- Даниленко О. И.** Антиципационная состоятельность в системе личностных предикторов академической успеваемости студентов // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 9–18.
- Дибраев А. Д.** Этническая культура и становление гражданской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 406–410.
- Жданова С. Ю., Федотова В. А.** Копинг-стратегии как механизмы адаптации иностранных студентов к условиям российской образовательной среды // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2018. № 4. С. 89–105.
- Краюшкина Н. А.** Социально-психологическая адаптация к менеджерской деятельности и копинг-стратегии у студентов в период прохождения практики // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Серия: Образование и педагогические науки. 2014. С. 88–96.
- Менделевич В. Д., Хафизова, Г. Д.** Взаимосвязь антиципационной состоятельности и волевой деятельности у пациентов с личностными расстройствами // Практическая медицина. 2007. Т. 22, № 3. С. 52–54.

- Менделевич В. Д.** Тест антиципационной состоятельности – экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. Т. 13, № 1. С. 35–40.
- Персикова Т. Н.** Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос. 2011. 224 с.
- Федотова В. А., Жданова С. Ю.** Некоторые теоретические предпосылки изучения адаптации иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре: к постановке проблемы // Изв. высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 47–50.
- Юаньян В.** Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в Российских вузах // Педагогическая психология. 2018. № 2. С. 65–71.
- Abramova, I. E., Ageeva, N. A., Shapovalov, G. N., Lysenko, K. N., Samofalova, M. V.** Russia-India: Indian students' adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilizations and cultures. *Periodico Tche Quimica*, 2018, Vol. 15 (30), p. 87–94.
- Cao, C., Men, Q., Shang, L.** How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, vol. 63, p. 43–52.
- Cao, C., Zhu, C., Meng, Q.** Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 2017, vol. 20, p. 85–96.
- Hall, E., Hall, M.** *Understanding cultural differences: Germans, French and Americans*. Yarmouth: Intercultural Press, 1990, 317 p.
- Hofstede, G.** *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001, 198 p.
- Kapoor, S., Hughes, P., Baldwin, J., Blue, J.** The relationship of individualism – collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003, Vol. 27, p. 683–700. DOI 10.1016/j.ijintrel.2003.08.002
- Khawaja, N., Stallman, H.** Understanding the coping strategies of international students: a qualitative approach. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2011, vol. 2, p. 203–224.
- Lewis, R.** When culture collide: leading across cultures. WS Bookwell, 2016, 590 p.
- Merc, A., Subasi, G.** Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 2015, vol. 6, p. 39–51.
- Natovova, L., Chylova, H.** Coping Strategies Adopted by University Students – Part II: Role Conflict and Age. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 2012, vol. 4, p. 226–238. DOI 10.7160/eriesj.2012.050405
- Nishimura, S., Nevgi, A., Tella, S.** Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India. *Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki*, 2008, p. 783–796.
- Sen, A.** *The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture and Identity*. Penguin Books, 2005, 96 p.
- Wilson, J.** Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013.
- Zaidman, N.** Cultural codes and language strategies in business communication: Interactions between Israeli and Indian businesspeople. *Management Communication Quarterly*, 2001, vol. 14 (3), p. 408–441.

References

- Abramova, I. E., Ageeva, N. A., Shapovalov, G. N., Lysenko, K. N., Samofalova, M. V.** Russia-India: Indian students' adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilizations and cultures. *Periodico Tche Quimica*, 2018, Vol. 15 (30), p. 87–94.
- Cao, C., Men, Q., Shang, L.** How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, vol. 63, p. 43–52.
- Cao, C., Zhu, C., Meng, Q.** Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 2017, vol. 20, p. 85–96.
- Danilenko, O. I.** Anticipatory consistency in the system of personal predictors of academic performance of students. *Psichologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2018, no. 61 (1), p. 9–18. (in Russ.)
- Dibraev, A. D.** Ethnic culture and the formation of civic identity. *Caspian region: politics, economy, culture*, 2015, no. 2 (43), p. 406–410. (in Russ.)
- Fedotova, V. A., Zhdanova, S. Yu.** Some theoretical prerequisites for studying the adaptation of foreign students in connection with belonging to culture: to the formulation of the problem. *Herald of higher educational institutions. Series: The humanities*, 2018, no. 1, p. 47–50. (in Russ.)
- Grushevitskaya, T. G.** Osnovy mezkul'turnoi kommunikatsii [Basics of intercultural communication]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2002, 352 p. (in Russ.)
- Hall, E., Hall, M.** *Understanding cultural differences: Germans, French and Americans*. Yarmouth: Intercultural Press, 1990, 317 p.
- Hofstede, G.** *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001, 198 p.
- Kapoor, S., Hughes, P., Baldwin, J., Blue, J.** The relationship of individualism – collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003, Vol. 27, p. 683–700. DOI 10.1016/j.ijintrel.2003.08.002
- Khawaja, N., Stallman, H.** Understanding the coping strategies of international students: a qualitative approach. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2011, vol. 2, p. 203–224.
- Krayushkina, N. A.** Socio-psychological adaptation to management activities and coping strategies among students during the internship period. *Vestnik MGLU. Education and pedagogical sciences*, 2014, p. 88–96. (in Russ.)
- Lewis, R.** *When culture collide: leading across cultures*. WS Bookwell, 2016, 590 p.
- Mendelevich, V. D., Khafizova, G. D.** Interrelation between anticipatory solvency and volitional activity in patients with personality disorders. *Practical medicine*, 2007, no. 3, p. 52–54. (in Russ.)
- Mendelevich, V. D.** The test of anticipatory solvency – an experimental psychological method for assessing the readiness for neurotic disorders. *Social and Clinical Psychiatry*, 2003, no. 1, p. 35–40. (in Russ.)
- Merc, A., Subasi, G.** Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 2015, vol. 6, p. 39–51.
- Natovova, L., Chylova, H.** Coping Strategies Adopted by University Students – Part II: Role Conflict and Age. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 2012, vol. 4, p. 226–238. DOI 10.7160/eriesj.2012.050405
- Nishimura, S., Nevgi, A., Tella, S.** Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India. *Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki*, 2008, p. 783–796.

- Persikova, T. N.** Intercultural communication and corporate culture. Moscow, Logos Publ., 2011, 224 p. (in Russ.)
- Sen, A.** The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture and Identity. Penguin Books, 2005, 96 p.
- Vodopiyanova, N. E., Starchenkova, E. S.** Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, 189 p. (in Russ.)
- Wilson, J.** Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013.
- YuanYang, V.** Emotional Intelligence and Socio-Psychological Adaptation of Foreign Students in Russian Universities. *Pedagogical Psychology*, 2018, no. 2, p. 65–71. (in Russ.)
- Zaidman, N.** Cultural codes and language strategies in business communication: Interactions between Israeli and Indian businesspeople. *Management Communication Quarterly*, 2001, vol. 14 (3), p. 408–441.
- Zhdanova, S. Yu., Fedotova, V. A.** Coping strategies as mechanisms for the adaptation of foreign students to the conditions of the Russian educational environment. *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 2018, no. 4, p. 89–105. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
01.04.2019

Сведения об авторе / Information about the author

- Федотова Вера Александровна**, аспирант, старший преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия)
- Vera A. Fedotova**, Senior Lecturer of the Management Department of the National Research University “Higher School of Economics” (Perm, Russian Federation)
vera_goldyreva@mail.ru

УДК 114/115(=512.157)

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке

И. Б. Иванова, С. Е. Ноева (Карманова)

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Предпринята попытка исследования национально-культурной специфики системы мер длины в якутском языке. Основная цель связана с рассмотрением проблемы трансформации модели художественного пространства, меняющейся структуры национальной картины мира. На основе мифо-фольклорных источников, историко-культурных представлений и языкового материала народа саха изучаются особенности выражения мер дали и близости, участвующих в репрезентации понятий «центр» и «периферия». Объектом изучения явились два сегмента якутского мира: освоенное близкое пространство *туөлбэ* (обжитое пространство якута), состоящее из топологической реальности *тиэргэн-двора* (дома, юрты, урасы), сенокосных, охотничьих угодий, и не освоенный якутом чужой далекий мир в виде темного леса, песчаных пустынь, болотистых местностей, заброшенных домов, ущелий, пещер, в которых презентуются совершенно различные характеристики и способы мер длины. Помимо физической географической реальности в аспекте данного исследования рассмотрены понятия ирреального пространства – *Отугэн төрдө*, *Ньүкэн түгэсэ*, *Өлүү чөркөчүөх* – мифологические образы далекой темной периферии, преимущественно обозначающие территории демонов. Особое внимание авторов статьи направлено на специфику культурно-языковых модификаций, отражающих сложный процесс отношений между человеком и осваиваемым им миром, то есть эволюции ландшафтного сознания человека, претерпевающего изменения от природно-географических до социально-культурных реалий, сакральных объектов пространства. Целью данного исследования, предполагающего новый подход в решении проблемы отношений человека и мира, обусловлен междисциплинарный характер статьи, в пределах которой достаточно четко очерчен широкий круг проблем современной якутской науки, касающиеся этнолингвистики, геоэтики, этнокогнитивистики, лингвофольклористики и др.

Ключевые слова

якутский язык, геоэтика, лексика, центр и периферия, оппозиция свой-чужой, физическая и сакральная география

Для цитирования

Иванова И. Б., Ноева (Карманова) С. Е. Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

National Cultural Specificity of the Concepts “Center” and “Periphery” in the Yakut Language

Irina B. Ivanova, Sargylana E. Noeva (Karmanova)

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article describes the national cultural specificity of the system of length measures in the Yakut language, both physical and figurative. The issue under study is transformation of the imaginary space model and its evolution in the national worldview. On the basis of mythological and folklore sources, historical and cultural ideas and linguistic ma-

© И. Б. Иванова, С. Е. Ноева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

terial of the Sakha people peculiarities of defining close and far worlds, short vs. long distances involved in the representations of the concepts “center” and “periphery” are discussed.

The object of the study was the two segments of the Yakut world: the close (familiar) space of *tyelbe* (it is mastered, explored and exploited), embracing the topological reality of the tiergen ‘yard’ (house’s, *yurta*’s, *urasa*’s), hay fields, hunting grounds, on one hand, and undeveloped Yakut alien distant world, a dark forest, sandy deserts, marshlands, cemeteries, abandoned houses, gorges, caves, on the other. These two segments represent their completely different characteristics as well as different ways of measuring space and time, length or distance. Special attention is paid to the specificity of their cultural and linguistic modifications, reflecting the complex history of relations between man and the world mastered by him. These illustrate the evolution of human landscape consciousness, its development from natural geographic realities to socio-cultural ones, including sacral space objects. In addition to the actual geographic reality, in terms of this study, the concepts of surreal space are considered – *Etygen terde*, *Nyyken tygege*, *Olyy cherkecheyeh*, mythological images of the distant dark periphery – mainly denoting demonic territories.

The purpose of the study being to propose a new approach to describing man -- world relationship, predetermines the interdisciplinary nature of the article, which clearly outlines a wide range of issues of modern Yakut scholar ethno-linguistics, geo-poetics, ethno-cognitive science, folk culture, etc.

Keywords

Yakut language, geo-poetics, lexis, center / periphery, friend / stranger, in-group/out-group opposition, physical vs. sacred geography

For citation

Ivanova, Irina B., Noeva (Karmanova), Sargylana E. National Cultural Specificity of the Concepts “Center” and “Periphery” in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 120–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

Введение

Проблема земли, «освоение» ее культурных территорий имеют высокую степень актуальности в разных исследовательских контекстах, в том числе в трудах гуманитарного характера. Адаптация человека к жизни на севере происходила через приспособление его к деятельности, связанной с постижением земли, – это ремесленничество, кочевое оленеводство, охота, рыболовство, отгонное скотоводство, собирательство, мотыжная обработка земли и др., полноценное осуществление которых реализуемо только при условии открытости сознания обживаемому пространству. Внимательно вглядываясь, измеряя, оценивая географическую реалию, человек максимально приспосабливается к окружающей его среде – трансформируется сам внутренне и находит свое место в окружающем его пространстве. Эта трансформация, происходящая с человеком, заключающаяся в духовно-нравственном обогащении, изменении его восприятия мира, связанная в первую очередь с понятием идентификации, выявляется в его способности к рецепции мира через отношение к понятиям центра и периферии, расстояния, дали и близости.

1. Меры длины, используемые в географическом пространстве Центральный освоенный мир

Как известно, понятие национального космоса якута составляет трехуровневая вертикальная модель мира: верхнего – небесного, среднего – земного, нижнего – подземного, которые соединяет установленная мировая ось, Мировое древо Аал Луук Мас. Средний мир, или центральный мир, иначе «орто дойду», именуется якутом как «дойду», «аан ийэ дойду», «орто бараан дойду», «төрөөбүт дойду», «сир-дойду», «сир ийэ», «күн сирэ», «ийэ буор», «төрөөбүт буор» и др.

Стоит отметить, что понятие Центра (Оси) является одним из важных в космической картине каждого народа и выражает точку отсчета в пространственном измерении его мира. Практически любой этнос имеет свой Центр (сакральная вертикаль может быть в виде храма, башни, алтаря, могучего дерева, священной горы и др.). Горизонтальная модель обжитого близкого *туөлбэ* якута в виде дома (балагана, урасы) отмечена как центр пространства и, в свою очередь, делится на несколько сегментов. К реально освоенной локальной терри-

тории – *тиэргэн* (состоящей из жилища-юрты, *урасы*, центр которой обозначен *коноязыю-сэргэ*) примыкает *дал* ‘загон для скота’, *хаһаа* ‘конюшня, стойло’. Далее в понятие Центра (Оси) за кругом по степени отдаления от него к периферии расположены сенокосные угодья *ходуһа* ‘луг’, *отоннуур сирдэр* ‘ягодные места’, *мэччирэн сирдэр* ‘пастбища’, *булт сирдэрэ* ‘охотничьи угодья’. По этимологии *сир* восходит к древнетюркскому слову *йир*. К *йир-сүв* (букв. ‘земля-вода’) добавлялся также эпитет *ыдук* ‘священная’.

Понятие «дом», состоящее из образов *дыз*, *алаһа*, *өтөх*, занимает центральное место в картине мира якута и воспроизводит логические звенья смыслов, связанные с рождением, теплотой, любовью, счастьем, безопасностью и пр. смысловыми нагрузками.

Из них лексема *өтөх* имеет двоякое значение – в первом случае в традиционном понимании означает ‘отчий дом, местность, где родился, откуда родом человек’: *Өтөбүттэн өнүйбэтэх (өннүбэтэх)* ‘тот, кто не отлучался из родных мест, не выезжал в дальние края’; *Өтөххүн быс* ‘отправляться домой’.

Во втором случае *өтөх* имеет семантическую характеристику «покинутый, старый, ветхий дом», но при этом употребляется в смысловом ряду наравне с понятиями «предок, род, корни», тем самым обладает маркером сакральности. Здесь нужно отметить, что иногда в понимании якута места, наиболее сакрально значимые для него (даже когда речь идет о родном доме), могут оставаться в периферии за освоенным человеком пространством – и это может быть связано с проявлением почитания предков и поклонения им. Поэтому слово *өтөх*, хотя и называет заброшенный дом, занимает сакральное место в восприятии мира якута наряду с другими священными местами – шаманскими захоронениями (*ойуун арангастара*), могилами предков (*өбүгэлэр унуохтара*), сакральными природными местами (*айылба ытык сирдэрэ*) и топологически прикреплено к периферии.

В процессе самоидентификации человек определяет свое место и роль в окружающем мире, как правило, ориентируясь между центром и периферией – и здесь им используются национальные единицы измерения длины и расстояния, которые закрепились и получили распространение в фольклорно-художественных текстах, фразеологических оборотах или же частично сохранились в разговорной речи народа и применяются по сей день.

Длина – физическая величина, определяющая расстояние между двумя наиболее удаленными точками одного предмета, измеренное горизонтально, в отличие от высоты, которая измеряется в вертикальном направлении, и ширины или толщины, которые измеряются поперек объекта (под прямым углом к длине) [Fullmer, 1966. С. 102]. Измерение длины, выражающей расстояние преимущественно в радиусе «своего», безопасного для человека мира, его дома, начинается с собственно самого человека: мера длины использует части его тела, головы (*ытыс* ‘ладонь’, *мурун* ‘нос’ и *харах* ‘глаза’). К примеру, словосочетания *Муннун анныттан* ‘из-под самого носа, с самого близкого расстояния’ (напр., *удирать*). *Муннун анныттан ыраабы көрүмэ* ‘Не видеть дальше своего носа’; *Харах ыларын тухары (харах ыларынан)* ‘Насколько хватает (видит) глаз’ используются для определения расстояний в пределах близкого и освоенного пространства.

Другие фразеологизмы с компонентами *харах* ‘глаза’, *ытыс* ‘ладонь’ с различными значениями, как *хараххын быраба сырыт*, *хараххын кэбис* ‘время от времени наблюдать за кем-либо’, *харах холооһунунан* ‘на глазок’ и др., *ытыһын иһигэр баар*, *ытыһын далыгар* ‘букв. вертеть как хотеть; распоряжаться кем-либо по своему усмотрению; держать около себя’ и др. также несут смысловую нагрузку, выражающую максимально близкое, рядом находящееся с человеком.

Помимо этого в измерении небольшой длины, которую можно измерить руками или другими частями тела человека, широко распространились общетюркские термины измерения длины и расстояния:

Слово *тутум*, образованное от глагола *тут* ‘держат’, имеет значение ‘мера длины, равная высоте сжатого кулака, или ширине четырех пальцев’.

Единица измерения *сүөм* ‘вершок’ – мера длины, равная расстоянию между концами большого и указательного пальцев (18–20 см); пядь. Ср.: кумык. *сюем*, ног. *сүөм* [Асадулаева, 2014. С. 23].

Термин *харыс* ‘пядь’ – мера длины, равная расстоянию между концами до отказа раздвинутых большого пальца и среднего – 20–25 см. Ср.: кумык. *къарыш*, ног. *карыс*, кирг. *карыш*, башк. *карыш*, хак. *харыс* [Асадулаева, 2014. С. 23]. [Сабы] 3–4 *харыстан* ордук уһун *гымматтар* ‘Нитку делают не длиннее 3–4 харыс’.

Единица измерения *былас* ‘маховая сажень, размах’ (1,76 м – старая русская мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев раздвинутых в стороны рук) [ТСЯЯ II, 2005. С. 693], обхват чего-либо (например, талии, бедер человека). Слово *былас* до революции служило для обозначения якутской меры длины стога сена. *Былас* ‘сажень’ применительно к данной мере равнялся в среднем четырем аршинам, или 2,84 м [ТСЯЯ Б II, 2005. С. 694]. Якутский народ использует словосочетания *дубук былас* ‘чуть меньше маховой сажени’, *нуучча былаһа* ‘три аршина’ – 2,134 м, *уунар былас* – мера длины, равная расстоянию от кончика большого пальца левой ноги до третьего сустава (основания) среднего пальца вытянутой вверх правой руки ‘косая сажень’, 2,48 м.

Лексема *арсыын* ‘аршин, түөрт сүөм кэринэ’ (арсыынай табаар; арсыыннаа). Ср.: кумык. *ар*, *аршын*, ног. *аршын*, карач.-балк. *ар*, хак. *аршийн* [Асадулаева, 2014. С. 23], в которых единицами мерила являются пальцы, руки человека.

Мера саһаан ‘сажень’, заимствованная из русского языка, равная 2,134 м, также относится к категории мер, используемых внутри «своего» пространства. *Бэчээтинэй саһаан* ‘полноммерная, большая сажень’ (210–213 см). В слове сажень присутствует древний праславянский корень **seǵъ*, **seǵenъ*, связанный с глаголом сгать «протягивать руку» [Лебединская, 2014, С. 110]. Термин *саһаан* также используется при измерении длины веревки, нитки, проволоки, салама и др.

Периферия

По мере отдаленности от центра в процессе движения к периферии характер измерения длины, степень оценки протяженности между предметами начинает меняться¹. Для определения расстояния между предметами используются термины параметрии с функционально-семантической нагрузкой динамической возможности человека, в которых основное значение отводится его потенциалу передвигаться, ехать на лошади, стрелять и пр.

Среди маркеров осязаемого расстояния используется фразеологическая единица *саа тэбиштэ* ‘выстрел ружья’ – обозначение конкретного расстояния ружейного выстрела, не превышающего 50 м.

Следующим измерителем расстояния или длины в один метр служит лексема *хаамы* ‘шаг’. *Уонча хаамылаах сиргэ баар* ‘Находится в 10 шагах’.

Расстояние в один километр обозначается словом *биэрэстэ* ‘верста’, которое также заимствовано из русского языка, равна старой русской мере длины около 1,06 км. Ср.: хак. *версга*, ног. *шакырым*, башк. *сакрым*, кумык. *чакъырым* [Асадулаева, 2014, с. 23]. *Абыйах биэрэстэлээх сир* ‘Недалеко, всего несколько верст’. Верста – самая распространенная единица измерения больших расстояний в России в XIX в. [Лебединская, 2014. С. 108–118].

Для обозначения примерно 10 км используется термин *көс* ‘якутская мера длины, равная примерно 10 км’ (Ср.: др. тюрк. *көч.*, каз. *көш* [ЯРС, 1972. С. 182]. Есть понятие *тыыллар көс* ‘самый большой көс’. Э. К. Пекарский в «Словаре якутского языка» указывает, что *көс* имеет несколько видов: *сатыы көс*, *сатыы куннук* – 7–8 км, *ат көһө* ‘конная миля – 10 верст’, *си-*

¹ Judson L. Calibration of Line Standards of Length and Measuring Tapes at The National Bureau of Standards. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-C13-4897c508a3a9e5e445c66591da704b30/pdf/GOVPUB-C13-4897c508a3a9e5e445c66591da704b30.pdf> (accessed 13.04.2018).

элэр ат көһө – ‘миля бегущей рысью лошади’ – 13–14 км, *обус көһө* ‘бычья миля’, *тишин көһө* ‘белчья миля; переезд, который делает тунгус во время кочевания при охоте на белку’ [Пекарский, 1959. 1170 стлб.]. Фразеологическая единица *көстөөх сир* ‘далеко находящееся место’ образно выражает довольно далекое расстояние.

Для измерения протяженности расстояний ощутимой дали, характеризующих малозаселенные небезопасные чужие земли, обычно использовались сочетания названий времени и проходимого пространства. Максимально большие расстояния измерялись днями, переходами, привалами. День пути условно равен 35–40 км для пешего путешественника и 50–70 км для конного. Выражение *күннүк сир* – расстояние, проходимое путником за день (примерно с семи часов утра до семи часов вечера). В казахском языке данная параметрия используется активно: *күндік жер*. Также можно определить расстояние по слуху или визуально: расстояние, на котором можно услышать крик человека, животных, топот коня и др. Аналогичным образом определяли расстояние славянские, финно-угорские, тюркские и многие другие народы [Лебединская, 2014. С. 214].

Для обозначения длинного расстояния, более-менее знакомого пространства Среднего мира, используется маркер большого расстояния, фразеологическая единица *бардар бараммат* ‘беспредельное, безграничное расстояние для ходьбы (например, о дороге, о поле и др.)’. Данная фразеологическая единица используется для определения широкой площади. *Бардар бараммат киэн ходуһа* ‘Преширокое поле’.

Для якута топосами, расположенными за центром, то есть хтоническими, древними, не поддающимися освоению, потому и имеющими маркеры «страшного мира», являются ущелья, пещеры, болотистые места (*маар* ‘болотистое место, марь’, *бадараан* ‘болото’, *кута сирдэр* ‘топь’), *хараҥа ойуур* ‘темный лес’, *тукулааны* ‘песчаные пустыни’, заброшенные жилища, кладбища и др., находящиеся далеко за границей освоенного пространства.

В использовании имени существительного *түгэх* в значении ‘дальняя часть, сторона чего-либо; самая дальняя окраина какой-либо местности’, как нам кажется, наиболее ярко аккумулярован отпечаток особенного мировосприятия якута, который делил окружающее его пространство на свое центральное и чужое периферийное, где *түгэх* ‘край, окраина, далекая сторона’ имеет все свойства далекого, темного, неизведанного, глухого мира.

Дальние страны, о которых якут имеет нечеткое представление в силу большей удаленности от освоенного центра, оцениваются как *хол дойду*, *тэҕил дойду* ‘дальние страны’. *Тэҕил дойдуга тэннээбин*, *Хол дойдуга холооннообун булбатах*. *Үс дойдуттан* ‘со всего света; со всех концов света. Букв. С трех стран’.

Смысловое поле слов, связанных с далью и плохо усвояемыми территориями, нечеткими пространственными ориентирами, дополняется использованием понятия ‘наугад, непонятно куда’ в якутском языке и выражается фразеологическими единицами, содержащими в себе компоненты *бас* ‘голова’ и *атах* ‘ноги’: *атах балай бар* ‘идти куда глаза глядят, куда ноги несут’, *бас быстарынан* ‘очертя голову’, *атах балай (атах мээнэ)* ‘(идти) куда глаза глядят, без цели, наугад’. *Атах балай барбыт сылгылар эһэ-бөрө сиэнэ буолбуттар*. Күннүк Уурастыырап [ТСЯЯ I, 2004. С. 640]. В них говорится, что разумное животное потеряло голову и ноги его стали как будто «слепые», не ведают, куда идут.

Название задней части ступни человека *тилэх* ‘пятка; пятки’ в якутском языке, семантически близкое к *атах*, часто упоминается в основном в описаниях типа *тилэҕэ хараарда*, *тингилэҕэ харааран хаалла* ‘букв. только пятки засверкали; убежал’; *тилэҕин элэтэр* ‘букв. натер пятки; много, часто ходить куда-либо’; *тилэх баттаһан* ‘по пятам гнаться; преследует, догоняет’. В них *тилэх* ‘пятка’, так же как *атах* ‘нога’, как самая нижняя часть человеческого тела, используется в глагольных фразеологизмах со значением ‘гнаться, убежать, много ходить’. А единица *тилэххинэн тэҥит* переводится буквально ‘пятками своими расширять’, имеет значение ‘обойти много мест, побывать во многих местах’.

В определении границ пространства знаковое значение отводится понятию «Сибирь». В зависимости от контекста *Сибирь* имеет функционально-семантические характеристики

огромной, широкой территории или далекой окраины. Компонент *сир* ‘земля’ в паре с топонимом *Сибиир* ‘Сибирь’ обозначает необъятное пространство, у которого не видно ни конца, ни края: *Сири-сибири бараабыт киһи* ‘человек, побывавший во многих местах, объехавший всю страну’. Понятие *Сир уһуга* ‘край света’ для якутов центральных районов обозначает Крайний Север или Сибирь: *Сир быстар уһугар, хоту дойдуга, Сайаҕас уолчаан олорто*. С. Данилов [ТСЯЯ, VIII, 2011. С. 425]. ‘На самом краю земли, на Крайнем Севере, жил-был приветливый мальчик’. *Өскөтүн, наада буоллабына, Сибииргэ, сир уһугар барыам, ол туһугар санаабын хамсатыма*. «Кыым» ‘Не волнуйся, если понадобится, поеду в Сибирь, на край света’.

В традиционном миропонимании саха центр обладает маркерами безопасной, родной, теплой среды. Роль долины Туймаада (долина, расположенная в Центральной Якутии, место жизнеобустройства предков саха, где стоит нынешний город Якутск) в картине мира саха аналогична по своей смысловой нагрузке центру Вселенной.

В. Н. Топоров определяет степень усиления сакральности пространства по мере движения к центру, внутрь: с одной стороны, в горизонтальной плоскости Космоса развитие сакральности усматривается «через ряд как бы вложенных друг в друга “подпространств” или объектов (типовая схема: своя страна – город – его центр – храм – алтарь – жертва)», с другой – в вертикальном разрезе Вселенной небесный конец “мировой оси”, т. е. абсолютный верх, является наиболее сакрально отмеченной точкой [Топоров, 1983. С. 256–257].

Роль *axis mundi* (мировой вертикали) в якутской картине мира выполняют гора Чочур Мыраан, занимающая особое место в ритуально-обрядовых действиях; уникальные скалы Ленские Столбы, стоящие вдоль берега великой реки Лена; священная коновязь-сэргэ, установленная посередине якутского двора и др. Это сакральные образы, являющиеся воплощением центра мира. Шаманское дерево, в котором гнездятся души будущих шаманов, также выполняет значимую роль вертикали-оси в якутской культуре². Могильный лабаз (аранас) родоначальника Мунньан Дархана (*аранас* ‘конструкция для погребения, так называемое воздушное захоронение, когда на восьми столбах устанавливается ящик с телом усопшего’) и священная гора Хоту Ытык хайа, где покоятся культурные герои народа саха Элляй и Омогой – образы с вертикально направленным вектором в Туймаде также указывают на особую знаковую роль данной топологической реалии в культуре саха. Стоит согласиться с мнением У. Ханнерса о том, что «центры являются таковыми в основном по историческим или мифическим причинам, поскольку что-то произошло там однажды в прошлом или произошло там впервые» [Hannerz, 2015. Р. 308].

В противоположность данному центру периферийное положение занимают Глухой (то есть далекий) Вилюй, Туманнаах Түбэ, Түнкэтэх үрэх, горы Верхоянья, Оймяконья, территория Бодайбо и т. д., имеющие свойства далекого, чуждого, темного, неясного, страшного, хаотичного, глухого, холодного пространств.

В контексте бинарной оппозиции «свой / чужой» интересное раскрытие получает антиномия понятий *тон* ‘мерзлый’ и *приэнэх* ‘талый, насыщенный влагой, растаявший’. От прикреплённости к определенным координатам пространства (центру или периферии) зависит специфика самоидентификации человека. Иначе говоря, саха, идентифицирующий свое «Я» с центром, воспринимает людей из периферии Вилюя, Оймяконья, Верхоянья в качестве *чужих, других*: он называет их *тон биис* ‘мерзлый род’. Тогда как он сам себя характеризует как «уу саха», используя такие признаки, как *инчэбэй эттээх* (букв. ‘с мокрым телом’), *приэнэх хааннаах* (букв. ‘с талой кровью’), *уу харахтаах* (букв. ‘с водяными глазами’). Подобную семантическую нагрузку несет и определение *тон нуучча* (букв. ‘мерзлый русский’) в значении ‘русский, совершенно не владеющий якутским языком’.

² Eliade M., Diószegi V. Shamanism religion. URL: <https://www.britannica.com/topic/shamanism/Worldview> (accessed 04.05.2019).

2. Меры обозначения сакральных понятий о дали

Помимо географического пространства понятия близости и дали применяются и по отношению к сакральным мирам, которые остаются за гранью знаний простого человека [Smith III, 2011. С. 618]. В понимании якутского человека понятие «неизведанный мир» ассоциировался с разными представлениями. Якут был убежден, что за горизонтом его видения есть другие сферы, которые представляют для него интерес и вместе с тем могут быть для него опасными. Про такие неизвестные ему миры он говорил:

– үөдэн (үөдэн дойдута) ‘нижний мир, преисподняя, ад’ (ср. п.-монг. *егүдэн* ‘дверь’). Фразеологическая единица *үөдэн түгэбэ* ‘у черта на куличках’. *Хайа үөдэн айабар (түгэбэ) түстүн? Ханна түһэн хааллын?* ‘Куда ты запропостился? (Букв. Куда ты провалился?)’.

Өтүгэн төрдө, Ньүкэн түгэбэ, Өлүү чөркөчүөх – вход в нижний мир демонов-*абаасы* – это мифологические образы далекой темной периферии, преимущественно обозначающие демонские территории, чуждые людям *айыы* и тяжело поддающиеся измерению.

Стоит заметить, что по мере освоения новых территорий и изменения ареала жизни понятие центра смещается. Этим можно объяснить, к примеру, разрозненность в понимании центра в монгольской и якутской культурно-языковых традициях³. В географическом ландшафте монгольского народа земля, мать-земля и гора-прародительница (в смысле центр) обозначены словом *Этуген-эхе* ‘мать-земля’. Согласно Т. Д. Скрынниковой слово «*Этуген*» – «домонгольского (тюркского) происхождения и прежде символизировало центр, тогда как имеющее монгольские параллели якутское слово *өтүгэн* (вариант – *үтүгэн*) обозначает у якутов страшную даль, периферию, место обитания *абаасы* (злых духов) [Скрынникова, 2005. С. 43].

Мотив освоения земли, нового пространства, а значит, раскрытие новых горизонтов в познании человека, наиболее широко раскрывается в романах якутского писателя В. С. Яковлева-Далана «Глухой Вилюй» (1983) и «Тыгын Дархан» (1993) и может быть рассмотрен в раскрытии концептов **расстояния**, **дороги**, имеющих непосредственное значение в эволюционном развитии героя. Особое значение обретает в романах гносеологический принцип освоения пространства: способ познания природного внешнего мира аналогичен познанию своего внутреннего мира.

Модель освоения пространства, отраженная в романах, отчетливо прослеживается в пути-переходе главной героини девочки Ньырбачаан. Персонажа закрытого пространства (девочку-сироту из Глухого Вилюя) ведет путь, горизонтальная ось, представленная архетипом реки Лены, связывающая периферийное пространство Глухого Вилюя и центральное (открытое) великой Туймаады. Однако если Ньырбачаан представляется персонажем, освоившим лишь географическое пространство, то еще большей способностью преодоления расстояний обладают другие герои романов: удаганка Тыаһааны, шаманы Эргис, Лүксүрэни, которые имеют возможность раздвигать границы пространства и времени. Вызов души с Небытия-Кыраман, разговор с духом умершего брата и пр., вознесение в дьябын показаны наиболее колоритно.

В аспекте рассматриваемой темы весьма любопытно развертывание концепта «даль» в связи с сюжетом о смерти и бессмертии. **Путь в даль** как инвариант пути сакрального значения имеет в романе особую смысловую нагрузку. *Кыраман*, *Быраман*, *Дьябын* как образы Небытия в якутской культуре используются в качестве понятий, выражающих сакральные дали, куда устремляются души умерших шаманов.

Кыраман используется в значении ‘далшний, далекий, чрезвычайно далекий’. Кыраман дойду. Кыраман сир. Кыраман ыраах дойду. *Сурдьум Кэрэмэс, эн туохтан суорума суолламмыккын билээри ол Кырыыстаах Кыраман сириттэн, Ытылбан ынырык*

³ Bobrowsky P., Cronin V., Capua G., Keiffer S., Peppoloni S. The Emerging Field of Geoethics. URL: <https://www.academia.edu/RegisterToDownload#RelatedPapers> (accessed 22.02.2019).

дойдутуттан эйигин бу Орто дойдуга күүрэттим [Яковлев, 1993. С. 449]. ‘Брат мой Кэрэмэс, я вызвала твой дух из далекой и проклятой страны Кыраман, из мира страшного хаоса Ытылган, чтобы узнать страшную правду твоей смерти’.

Близким семантическим оттенком наделено слово *быраман*, которое также обозначает даль: *быраман дойду* ‘очень дальний, отдаленный, давний’. *Былыргы былдьаһыктаах дьылларым Быһылааннаах быраман мындаатыгар*. П. Ойуунускай [ТСЯЯ II, 2005. С. 731–732]. ‘На далекой вершине давних лет, На отдаленном хребте минувших лет’.

Данные слова могут быть использованы в контексте мотива смерти и бессмертия, называя загробный мир, далекую страну предков.

Другой вариацией дороги в даль явилось поднятие духа удаганки Тыаһааны в дьабын ‘место пребывания злых духов, загробный мир, куда отправляются души умерших шаманов’, которая, не смирившись с радикальными жизненными принципами отца-завоевателя Тыгын Дархана, посредством шаманских заклинаний верхом на шаманском матери-звере Кэй Тугут Кыыл устремляется в небо. Дьабын (небо, небытие) представляется удаганке как далекая прекрасная солнечная страна:

«Мин манна аны тардыллыбаппын – ханнык даҕаны хара мэн сыстыбатах, тахсан эрэр күн күлүмүн, киирэн эрэр күн килбиэнин курдук ыраас-килбиэн сардангалаах сана кирбиигэ – сырдык ыраас Дьабыммар көтөбүн» [Яковлев, 1993. С. 456]. (‘Здесь меня не держит ничто, и я улетаю в беспорочно чистый, сияющий, как рассветное солнце, и блистающий, как закатное солнце, светлый мир – в страну Джабын’) (пер. – А. Шапошникова) [Яковлев, 1993. С. 390].

Человек, создавший центр в пределах своего ментального поля, становится осью вселенной, сконцентрировав вокруг себя весь окружающий мир, спектральные координаты не освоенного никем, пустого, хаотичного пространства. Персонажи романов В. С. Яковлева-Далана воспринимаются нами поэтому как одни из первых героев, освоивших пространственные дали и получающих в процессе преодоления далеких расстояний духовное обновление, самоутверждение.

Заключение

Посредством противопоставления пространственных оппозиций центра и периферии, в оценке которых особое место отводится мерам длины, человек вступает в коммуникативные отношения с окружающей реальностью, что является ярким показателем эволюции ландшафтного сознания, в процессе которой показаны сложные трансформации в переустройстве социально-общественного порядка, культурных основ жизни народа и, в первую очередь, самого человека, освоившего это пространство.

Специфика культурно-языковых модификаций, отражающих сложный процесс отношений между человеком и осваиваемым им миром, является показателем эволюции ландшафтного сознания человека, который претерпевает изменения от физико-географических до сакральных представлений и знаний о пространстве. В результате изучения двух сегментов якутской картины мира, *освоенной* среды проживания *туөлбэ*, состоящей из топологической реальности двора-тиэргэн (дома, юрты, урасы), сенокосных, охотничьих угодий, и *неосвоенного* мира в виде чужой далекой периферии (темного леса, песчаных пустынь, болотистых местностей, заброшенных домов, ущелий, пещер и пр.) можно сформулировать следующие выводы.

В восприятии пространственных реалий презентуются совершенно различные характеристики и способы мер длины.

В радиусе «своего» освоенного пространства якут использует в основном антропометрический способ измерения, обращаясь к терминам, имеющим общетюркские и древнерусские корни, которые обозначают названия частей тела (*ытыс, мурун, харах, тутум, сүөм, харыс, былас, арсыын, саһаан*).

Для определения далеких расстояний используются термины параметрии с функционально-семантической нагрузкой динамической возможности человека (*саа тэбиштэ, куннук сир, бардар бараммат, атах балай, тилэх, үөдэн түгэбэ* и пр.).

Деление окружающего мира в рамках бинарной оппозиции свой / чужой позволяет трактовать пространственные представления народа о мире как о пространстве жизни и смерти. Якут ассоциативно связывает освоенную близкую ему среду с домом, теплым очагом, рождением, а даль представляется ему в качестве страшной периферии, места смерти. Поэтому в этом аспекте темы помимо реальных географических мест, относящихся к дали, краю, вполне логично рассматривать и такие понятия ирреального пространства, как *Өтүгэн төрдө, Ньүкэн түгэбэ, Өлүү чөркөчүөх* (мифологические образы “демонических” территорий), а также образы Небытия и Смерти, закрепленные в якутской шаманской культуре и представленные понятиями *Кыраман, Быраман, Дьабын*, наделенными сакральными значениями временных и пространственных далей.

В понятии «Сибирь», имеющем для якутов значение неопределенного по ширине и дали необъятного пространственного ареала, предугадывается историко-генетический опыт народа-кочевника, который до прихода на нынешнюю область проживания в прошлом мог пройти, пересечь огромные территории Сибири, образ которой впоследствии мог тесно связаться в народном сознании с поиском места (сир) и неким опытом преодоления пространств.

Таким образом, традиционные способы измерения близости и дали, центра и периферии, отраженные в фольклорно-художественных источниках, глубоко связаны с мироощущением человеком окружающего пространства, с характером его экзистенциальных границ в сложном меняющемся мире.

Список литературы

- Асадулаева П. У.** Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12, ч. 2. С. 22–24.
- Лебединская В. Г.** История русской метрологической терминологии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 475 с.
- ПЭК СЯЯ – Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. В 3 т. Л., 1959. Т. 1. 3895 стлб.
- Скрынникова Т. Д.** Сакральное пространство // Гуманитарная география: науч. и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Ин-т наследия, 2005. Вып. 2. С. 370–372.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка:** В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1. 680 с.; 2005. Т. 2. 912 с.; 2011. Т. 8. 572 с.
- Топоров В. Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- ЯРС – Якутско-русский словарь** / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энцикл., 1972. 605 с.
- Яковлев В. С.-Далан.** Тыгын Дархан. Якутск: Бичик, 1993. 512 с.
- Fullmer I.** Dimensional metrology: Subject-classified with abstracts through. National Bureau of Standards (U.S.), 1966, 332 p.
- Hannerz U.** Center-Periphery Relationships. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed., 2015, P. 308–311. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/center-periphery> (accessed 30.04.2018).
- Smith III J., Heuvel-Panhuizen M., Teppo A.** Learning, teaching, and using measurement: introduction to the issue. *ZDM: the international journal on mathematics education*, 2011, no. 43 (5), p. 617–620.

References

- Asadulaeva P. U.** The name of the ancient measures in the kumyk language. In: *Philological Science: Theory and Practice*. Tambov, Gramota, 2014, no. 12, pt. 2, p. 22–24. (in Russ.)
- Explanatory dictionary of the Yakut language. In 15 vols. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1, 680 p.; 2005, vol. 2, 912 p.; 2011, vol. 8, 572 p. (in Russ. and Yakut)
- Fullmer I.** *Dimensional metrology: Subject-classified with abstracts through*. National Bureau of Standards (U.S.), 1966, 332 p.
- Hannerz U.** Center-Periphery Relationships. In: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed., 2015, P. 308–311. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/center-periphery> (accessed 30.04.2018).
- Lebedinskaya V. G.** The history of the Russian metrological terminology. *Doct. Phil. Sci. Diss.* Moscow, 2014, 475 p. (in Russ.)
- Pekarskiy E. K. Yakut language dictionary. Vol. I. L., 1959. 3895 column. (in Russ. and Yakut)
- Skrynnikova T. D.** Sacred space // *Humanitarian geography: scientific, cultural and educational almanac*. Moscow, 2005, iss. 2, p. 370–372. (in Russ.)
- Smith III J., Heuvel-Panhuizen M., Teppo A.** Learning, teaching, and using measurement: introduction to the issue. *ZDM: the international journal on mathematics education*, 2011, no. 43 (5), p. 617–620.
- Toporov V. N.** Space and text // *Text: semantics and structure*. Moscow, Nauka, 1983, p. 227–284. (in Russ.)
- Yakut-Russian dictionary. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1972, 605 p. (in Russ. and Yakut)
- Yakovlev V. S.-Dalan.** Tygyn Darhan. Yakutsk, Bichik, 1993, 512 p. (in Yakut)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

14.05.2019

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, Россия)

Irina B. Ivanova, PhD in Philology, Fellow Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, Russian Federation)

imenaotglagola@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0361-5708

Ноева (Карманова) Саргылана Еремеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, Россия)

Sargylana E. Noeva (Karmanova), PhD in Philology, Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, Russian Federation)

nosaer37@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2957-5233

Организация лингвокультурных знаний переводчика как условие их успешного функционирования в процессе переключения кодов в переводе

Я. Б. Емельянова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация

Переключение кодов является ключевым элементом процесса перевода, в значительной степени определяющим эффективность коммуникации с переводом. Предлагается рассматривать такое переключение как переключение лингвокультурных кодов, что позволяет подчеркнуть важность понимания процесса перевода как взаимодействия двух лингвокультур. Процесс переключения лингвокультурных кодов опирается на функционирование ряда навыков и механизмов, одним из которых является извлечение языковых средств, составляющих способ описания определенного фрагмента переводящей лингвокультуры и оперативный доступ к ним. Известно, что успешное извлечение языковых средств обеспечивается «заостренностью» языковых знаний, опирающейся на функционирование связи по типу «стимул – реакция» между концептуальной информацией и ее языковым воплощением. В качестве формы организации и представления языковых и культурных знаний переводчика, способствующей обеспечению подобной заостренности, предлагается рассматривать фрейм. Были выявлены характеристики фрейма, позволяющие рассматривать его в качестве адекватной структуры для данной цели. К ним относятся способности фрейма: а) формировать «видение» фрагмента действительности в определенной культуре; б) обеспечивать интеграцию концептуальных и языковых знаний в единую систему; в) создавать предпосылки для успешной интеграции информации в структуре памяти; г) обеспечивать условия для успешной активации и извлечения языковых средств; г) создавать основу для вероятностного прогнозирования. Сопоставление данных параметров с навыками и механизмами процесса переключения лингвокультурных кодов показало способность фреймовых структур повышать оперативность и эффективность функционирования упомянутых механизмов и процессов при переключении кодов в переводе, особенно в направлении перевода с родного языка на иностранный, характеризующемся значительными трудностями. Выдвигается предположение о том, что формирование, закрепление и использование фреймовых структур может осуществляться более эффективно благодаря опоре на металингвистическую осведомленность. Она обеспечивает: а) осознанное владение языком, необходимое переводчику; б) «заострение» языковых и культурных знаний; в) владение языками на уровне нормы и узуса; г) развитие навыков перевода и способности к переключению; д) развитие более творческого и нестандартного мышления, в том числе и более эффективного поиска и творческого использования языковых средств. Делается вывод о необходимости системного и целенаправленного формирования фреймовой организации лингвокультурных знаний переводчика в процессе иноязычной подготовки в качестве одного из элементов ее профессиональной направленности.

Ключевые слова

перевод, переключение кодов, лингвокультурный код, фрейм, металингвистическая осведомленность, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку

Для цитирования

Емельянова Я. Б. Организация лингвокультурных знаний переводчика как условие их успешного функционирования в процессе переключения кодов в переводе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 130–144. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-130-144

Organizational Structure of Translator's Linguocultural Knowledge as a Prerequisite for its Effective Functioning in Code-switching in Translation

Yana B. Emelyanova

National Research University "Higher School of Economics"
Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Abstract

Switching from the source language to the target language is an essential and crucial element of the translation process which to a large extent determines the effectiveness of cross-cultural communication in translation. We propose that such switching be viewed as the switching of linguocultural codes, thus allowing us to stress the importance of viewing translation as a contact of two linguocultures. The process of linguocultural code-switching is based on a number of mechanisms, mental processes and operations, one of which being access to and retrieval of linguistic means used to describe a particular fragment of reality in the target linguoculture. It is assumed that effective language retrieval depends on the "distinctness" of linguistic knowledge based on the stimulus-response connection between conceptual information and its linguistic manifestation. We believe that a mental structure for translator's linguistic and cultural knowledge should be viewed as a frame. We identified a number of characteristics of the frame suggesting that it can ensure the above-mentioned distinctness of linguistic knowledge. These characteristics include the ability of frame structures to form a 'vision' of a fragment of reality in a linguoculture, integrate conceptual and linguistic knowledge into a unified single system, facilitate the integration of information into memory structures, create favourable conditions for the activation and retrieval of linguistic knowledge, create framework for probabilistic forecasting. A comparison of these characteristics with the mechanisms and processes of linguocultural switching has shown that frame-based knowledge can increase their speed and effectiveness, especially in translation from L1 to L2 which is known to be most challenging. It is also hypothesised that the development and use of a *frame knowledge* base can be made more effective due to reliance on metalinguistic awareness. It provides better language competence, indispensable for a translator, distinctness of linguistic and cultural knowledge, better understanding of norm and usage, translation skills development and the ability to code-switch; it also stimulates creative thinking which allows for a more effective search and use of linguistic means. The author draws a conclusion that development of frame-based knowledge about a foreign language should be made systematic and be part of translator's professional competence taken into account by curricula for trainee translators.

Keywords

translation, code-switching, linguocultural code, frame, metalinguistic awareness, translator's professional competence, translation teaching

For citation

Emelyanova, Yana B. Organizational Structure of Translator's Linguocultural Knowledge as a Prerequisite for its Effective Functioning in Code-switching in Translation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 130–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-130-144

Введение

Переключение кодов представляет собой комплексное психолингвистическое явление, характерное для речи мультILINGВОВ и являющееся ее характерной особенностью. Его определяют как «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта» (здесь и далее перевод мой. – Я. Е.) [Figuerola, 1995. С. 14].

Переключение кодов осуществляется и в процессе перевода, при переходе с языка оригинала на язык перевода. В отличие от билингвального переключения переводческое переключение кодов является ключевым элементом процесса перевода и способствует достижению целей коммуникации с переводом. Этим объясняются более высокие требования, предъявляемые к качеству осуществления и оперативности переводческого переключения кодов.

Для описания переключения кодов в переводе мы предлагаем использовать термин «**переключение лингвокультурных кодов**» или «**лингвокультурное переключение**», под которым мы понимаем *переключение, имеющее место в процессе перевода, обеспечивающее выход на другую систему видения и языкового описания действительности и являющееся одним из условий создания адекватного текста перевода, соответствующего норме и узусу*

переводящего языка. Выбор данного термина и его трактовка обусловлены необходимостью понимания процесса перевода как взаимодействия двух лингвокультур, а не просто переключения между языками.

Переключение лингвокультурных кодов в переводе требует выхода на определенный фрагмент переводящей лингвокультуры и извлечения языковых средств, составляющих способ его описания. Данный процесс должен осуществляться оперативно и обеспечивать отбор языковых средств, необходимых для создания адекватного текста перевода. Целью данной статьи является попытка ответить на вопрос, какая организация лингвокультурных знаний переводчика может обеспечить оперативный поиск и извлечение необходимых средств в языке перевода.

Описание процесса переключения лингвокультурных кодов в переводе

Предложенные нами концепция и модель процесса переключения лингвокультурных кодов в переводе были изложены в монографии «Теоретические основы и предпосылки переключения лингвокультурных кодов в переводе» [Емельянова, 2017]. Здесь мы приведем перечень основных механизмов и процессов, лежащих в основе переводческого переключения кодов. К ним мы предлагаем относить следующие.

1. **Процесс девербализации.** Данное явление можно определить как «освобождение заключенного в тексте смысла от языковых средств, форм и структур исходного языка» [Миньяр-Белоручев, 1999. С. 132]. Осуществление данного процесса происходит с опорой на соответствующие *установку* и *образ текста оригинала*, сформированный на этапе его восприятия.

2. Определенные умственные процессы происходят в так называемый **«момент ориентировки»** и включают: а) установку на ориентировку в ситуации и осознание текущей задачи; б) установку на смену лингвокультуры; в) упреждающий механизм планирования переключения; г) целенаправленное переключение внимания на «видение» и «языковое описание» заданного фрагмента действительности в переводящей лингвокультуре.

3. **Вероятностное прогнозирование.** И. М. Фейгенберг предлагает рассматривать его как «преднастройку, готовность к действиям в определенной ситуации, основанную на прошлом опыте, хранящемся в вероятностно организованном виде» [Фейгенберг, 1977. С. 169].

4. **Радиянтное мышление** (*radiant thinking*). Оно понимается как «ассоциативные мыслительные процессы, связанные с какой-то стартовой точкой или инициируемые ею» [Buzan, 1993. С. 57] и является комплексным процессом, лежащим в основе оперативной активации, извлечения целевых языковых средств в переводящем языке, а также ассоциативного поиска. Радиянтное мышление осуществляется на основе связей и ассоциаций, существующих между концептами. Любой отрезок информации может выступать в мозге в качестве стартовой точки, от которой отходит бесконечное число ассоциативных связей, имеющих у нас с данной информацией.

5. Радиянтное мышление осуществляется на основе процесса **распространяющейся активации**, идущего от одного слова к другому, ассоциирующемуся с ним, и далее по ассоциативным полям, так или иначе связанным с конкретной ситуацией действительности [Buzan, 1993; Залевская, 1999].

6. Значительную роль при переключении играют опора на ресурсы **оперативной памяти** и специфическое переводческое **умение удержания в памяти когнитивных репрезентаций воспринятого материала** (*attitude of freezing cognitive representations*) [Proverbio et al., 2004. С. 1647].

7. «Фильтрация» и отбор языковых средств, обеспечивающих создание адекватного текста перевода, осуществляются в рамках процесса **редуктивного мышления** (*reductive reasoning*, термин Э. Пима) [Рум, 2003] с опорой на:

а) навык **подавления первого импульса** в процессе выбора языковых средств в переводящем языке [Proverbio et al., 2004. С. 1647];

б) процесс динамического **межязыкового и межкультурного сопоставления**;

в) навык активации / актуализации предшествующего опыта;

г) установку на соответствие создаваемого текста образу оригинала и навык сверки с образом текста.

8. В процессе переключения лингвокультурных кодов осуществляется несколько видов **контроля**, функционирующих непрерывно:

а) лингвокультурный и деятельностный контроль (по его объекту);

б) проактивный, текущий и контроль выполнения (по характеру осуществления).

9. Осуществление лингвокультурного переключения в переводе требует особой организации личности переводчика. На первый план выходят:

а) эмпатия, творческие способности, гибкость мышления;

б) когнитивные ресурсы и психологические характеристики, обеспечивающие оперативность реакций и действий.

Описанные выше навыки, умения и механизмы могут способствовать успешному переключению на другую модель видения мира, т. е. на переводящую лингвокультуру.

Эффективность функционирования данных процессов может отличаться в зависимости от **направления перевода**. Термин «направление» означает, что перевод осуществляется с родного языка или на родной язык переводчика. Существует своего рода неписанное правило, согласно которому в идеале перевод должен выполняться носителем языка и культуры переводящего языка. Данное мнение разделяется многими исследователями [Borges, 2005; Marmaridou, 1996] и переводческими ассоциациями: ITI – Institute of Translation and Interpreting, UK); ATA – American Translators Association, USA; FIT – International Federation of Translators; CEATL – European Council of Literary Translators' Associations. Оно лежит в основе деятельности многих международных организаций (ООН и др.).

Однако в последнее время все большее количество исследователей выступают в поддержку необходимости признания перевода на иностранный язык как возможного, необходимого и допустимого сценария переводческой деятельности [Campbell, 1998; Cronin, 2003; Pavlović, 2007]. Перевод на Я2 является неизбежной практикой в мультикультурных и этнических контекстах.

Переключение с Я2 на Я1 функционирует на основе прямых и автоматизированных связей от Я2 к Я1 и прочной связи от Я1 к концептуальному блоку. Оно характеризуется:

а) ведущей ролью лексических репрезентаций, тогда как концептуальные / смысловые репрезентации практически не задействуются [Heredia, 1996];

б) более коротким путем к переводному соответствию, т. е. более оперативным поиском способа выражения смысла на Я1, соответствующего его норме и узусу;

в) большей скоростью благодаря прямой ассоциативной связи от второго языка к первому;

г) возможными кальками с Я2;

д) состояниями типа «вертится на языке» в Я1 (неспособность вспомнить хорошо известное слово);

е) необходимостью реактивации Я1 (при повторном переключении на Я1 с Я2), что может требовать дополнительных усилий.

Переключение с Я1 на Я2 представляет большие трудности по сравнению с переключением с иностранного языка на родной [Jackson et al., 2001; Kroll et al., 2008; Proverbio et al., 2004; Van Hell, Witterman, 2009], так как опирается на слабые не прямые связи от Я1 к Я2 и от Я2 к концептуальному блоку и характеризуется следующими признаками.

С одной стороны, это более медленный темп переключения, более медленное производство речи на Я2. Данное направление характеризуется большими затратами, которые обусловлены: а) высокой степенью межязыковой конкуренции при производстве речи на Я2;

б) потребностью в более значительных усилиях и ресурсах для подавления активного доминирующего Я1 в силу его более высокого уровня активации [Jackson et al., 2001] и, как следствие, в) необходимостью более высокого уровня контроля. При этом более значительные затраты наблюдаются даже у профессиональных переводчиков [Proverbio et al., 2004].

С другой стороны, для данного направления переключения характерны: а) большая сложность нахождения адекватных способов выражения смысла в Я2 по причине более длинного и трудного пути к переводному эквиваленту на фоне отсутствия прямой ассоциативной связи от Я1 к Я2 [Dufour, Kroll, 1995]; б) кальки с Я1 (интерференция). Данные проблемы отражают трудности осуществления процесса лексикализации концептов в Я2, имеющего место при извлечении языковых средств.

В направлении с Я1 на Я2 извлечение языковых средств сопровождается определенными трудностями. *Доступ* к лексическим единицам (*lexical access*) – это процесс, в ходе которого активируется нужное слово в определенном контексте. Процесс доступа к хранящейся в лексиконе информации называется *извлечением* (*retrieval*).

Процесс извлечения запускается информацией, поступившей из довербального сообщения, содержащего смысл, который необходимо выразить. Извлечение языковых средств опирается на *процесс лексикализации концептов*, который представляет собой подбор соответствующих языковых средств, необходимых для выражения понятий и концептов. В ситуациях, когда выбор языковых средств происходит в Я2, процесс перевода концептов в языковые средства происходит сложнее, что, по мнению многих исследователей, составляет ключевую проблему производства речи на Я2 [Kroll, Tokowicz, 2001. С. 56]. Для изучающих иностранный язык во взрослом возрасте, а также в условиях отсутствия языковой среды процесс лексикализации концептов может представлять собой проблемное звено, где проявляется отсутствие, слабость или неадекватность связи между формализмом языков (Я1 и Я2) и концептуальным блоком, т. е. системой их значений.

Фрейм как структура организации лингвокультурных знаний переводчика

В процессе переключения лингвокультурных кодов в переводе требуется извлечение языковых средств, необходимых для создания адекватного текста перевода, соответствующего норме и узусу переводящего языка, и оперативный доступ к этим языковым средствам. В этой связи на первый план выходит необходимость в точном владении значениями и контекстами употребления языковых средств, а также более оперативной адресной активации языковых средств, удовлетворяющих требованиям конкретного контекста коммуникации.

Успешное извлечение языковых средств определяется наличием «ярлычков» (*cues*), закрепленных за словом и определяющих его местонахождение в лексиконе, его «приписку» [Higbee, 2001]. К. Л. Хигби (K. L. Higbee) сравнивает поиск необходимых языковых средств с поиском по обширной картотеке: для нахождения нужной информации необходимо знать, где она находится [Там же]. Для этого необходимо обеспечить «местонахождение» языковых знаний в соответствующих «разделах» памяти и иметь четкое представление об их «расположении», т. е. обеспечить «рельефность», «заостренность», акцентированность языковых знаний. На наш взгляд, одним из способов обеспечения подобной рельефности является определенная организация языковых и культурных знаний, обеспечивающая функционирование связи по типу «стимул – реакция» между концептуальной информацией и ее языковым воплощением / выражением.

В качестве формы организации и представления языковых и культурных знаний переводчика, обеспечивающей их эффективное функционирование в процессе переключения лингвокультурных кодов, мы предлагаем рассматривать *фрейм*. В когнитивной лингвистике фрейм определяется как «структура данных (образ) для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979]; «модель культурно-обусловленного канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [Болдырев, 2001].

С. 33]. Фрейм обладает определенными характеристиками, которые делают его наиболее подходящей структурой для организации лингвокультурных знаний переводчика, способной обеспечить оперативную активацию и извлечение необходимых иноязычных языковых средств.

*Фрейм позволяет формировать «видение» фрагмента действительности
в определенной культуре*

С одной стороны, фреймы связаны с концептами и рассматриваются многими исследователями как способ их организации и структурирования:

а) «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм» [Телия, 1996. С. 94];

б) «фреймы <...> всегда организованы вокруг некоторого концепта и содержат основную и потенциально возможную информацию, ассоциированную с ними» [Ван Дейк, 1989. С. 16–17].

С другой стороны, фрейм является одной из когнитивных структур, обеспечивающих категоризацию мира и языка. Категоризация представляет собой «классификационную деятельность сознания человека» [Кравченко, 1996. С. 93], «познавательную операцию, позволяющую определять объект через его отнесение к более общей категории» [Фрумкина, 2001. С. 62]. По мнению Н. Н. Болдырева, «функция категоризации является важнейшей функцией человеческого сознания, лежащей в основе всей познавательной деятельности человека» [Болдырев, 2000. С. 23].

Процессы переработки и организации информации имеют самое непосредственное отношение к переводческой деятельности. Как подчеркивает Е. Р. Поршнева, «информационная грамотность переводчика основывается на способности преобразовывать информацию в индивидуальное знание, генерировать новое знание, упорядочивать и обрабатывать получаемую информацию, а не просто ее фиксировать» [Поршнева, 2002, С. 123].

*Фрейм способствует интеграции концептуальных
и языковых знаний в единую систему*

Когнитивная лингвистика рассматривает значения слов как неразрывно связанные с фреймами, как когнитивные структуры, включенные в модели знания и соотносимые с «блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев, 2001. С. 30]. Принципиально важным является «отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом» [Там же. С. 33].

В случае иностранного языка ассоциирование языковых знаний с концептуальной информацией будет способствовать формированию концептуального доступа непосредственно через этот язык, что позволит снизить его зависимость от родного языка, повысить уровень его активации, обеспечить более высокую скорость извлечения информации. Предпосылки для формирования концептуального доступа обеспечиваются за счет ассоциирования языковых средств с конкретными фрагментами действительности и их элементами, представленными в виде четких и структурированных моделей. В свою очередь, интеграция языковых средств в контекст описания конкретного фрагмента действительности позволит повысить их семантическую конгруэнтность (*semantic congruence*) и ожидаемость в конкретном контексте.

Эффективность такой стратегии в овладении языком подтверждается многими специалистами по дидактике языка и перевода. Так, Дж. Ли (J. Lee) и Б. Ван Паттен (B. Van Patten) делают вывод, что подлинное изучение языка всегда предполагает установление связей между формой и значением в мозге обучающегося, а формирование концептуального доступа через изучаемый язык возможно только в том случае, если языковые средства ассоциируются с каким-то реальным объектом или смыслом [Lee, Van Patten, 1995. С. 38]. Фрейм позволяет отразить взаимодействие и соотношение между языковыми средствами в динамике их реального существования в речевой деятельности человека, в системе разнообразных связей и от-

ношений между ними, в совокупности образующих динамический способ описания определенного фрагмента действительности.

Интеграция концептуальных и языковых знаний и ассоциирование их с определенным фрагментом действительности соотносятся с переводческим понятием «способа описания ситуации». Фрагмент действительности, описываемый в речевом произведении, называется *предметной* (денотативной / внеязыковой) *ситуацией*. Теоретиками перевода предметная ситуация рассматривается как «совокупность объектов / денотатов и связей между ними, описываемая в высказывании путем именования отдельных ее признаков, служащих “опорными точками”, позволяющими реципиенту распознавать описываемую данным высказыванием ситуацию действительности» [Комиссаров, 1990. С. 54].

Способ описания ситуации представляет «часть содержания высказывания, указывающую на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании» [Комиссаров, 1990. С. 55]. Таким образом, способ описания ситуации отражает видение и языковое оформление определенной ситуации и ее наиболее важных признаков представителями конкретной культуры. Опора на фреймовые структуры может способствовать формированию и закреплению определенного способа «видения» и языкового описания ситуации в иностранном языке.

*Фрейм создает предпосылки для успешной интеграции информации
в структуры памяти*

По утверждению М. Минского, «лишь незначительная часть информации может длительно храниться в памяти, если она не связана с соответствующими фреймами» [Минский, 1979. С. 16]. Мы полагаем, что опора на фрейм в полной мере будет способствовать эффективному закреплению языковых и неязыковых знаний в *семантической памяти*.

Семантическая память является видом долгосрочной декларативной / эксплицитной памяти. В противоположность лексической памяти, связанной со способностью запоминать лексику языка, семантическая память представляет собой «общее знание, хранилище знаний о мире, связанное с опытом человека и обусловленное принадлежностью к определенной культуре» [Jones, McRae, 2013. С. 2]. Она хранит информацию о чертах и характеристиках концептов [Martin, Chao, 2001. С. 194].

Семантическая память тесно связана с использованием языка, так как она представляет собой «ментальный тезаурус, организованные знания о словах и других вербальных символах, их значениях и референтах, отношениях между ними и о правилах, формулах и алгоритмах для манипуляции с этими символами, концептами и отношениями» [Tulving, 1972. С. 386]. Именно с семантической памятью связаны процессы, позволяющие эффективно извлекать, выдавать и осуществлять другие действия с хранящейся в ней информацией для выражения наших мыслей на языке.

Семантическая память содержит событийные знания (*event-based knowledge*), т. е. знание привычных повседневных событий, включающее типичные для них элементы, такие как субъекты действия, объекты действия, инструменты, с помощью которых совершаются действия, места, где происходят действия и пр. [Jones, McRae, 2013. С. 10]. Оперативное формирование событийных знаний на основе отдельных разрозненных фактов происходит за счет ассоциирования языковых средств с определенными ситуациями.

Соответственно, опора на фрейм как модель определенного фрагмента действительности может способствовать более прочному и естественному закреплению информации в памяти. Кроме того, фрейм как структура позволяет обеспечить добавление новой информации в систему уже существующей, поскольку характеризуется рекурсивностью, т. е. устойчивостью в изменчивости. Важность данного требования подтверждается выводами о том, что существующие знания должны быть организованы таким образом, чтобы новая информация могла легко ассимилироваться или подключаться к когнитивной структуре организации знаний индивида [Ausubel, 1968].

В контексте изучения языка возможность эффективного подключения новой информации к уже существующей структуре является ключевой. По мнению исследователей, языковые средства, которые по какой-то причине не были интегрированы в общую систему знаний, впоследствии могут узнаваться обучающимися, но извлекаются с трудом или вообще не активируются в ответ на потребность выразить какую-то мысль.

*Фрейм создает предпосылки для успешной активации
и извлечения языковых средств*

По мнению М. Минского, структура организации знаний и осведомленность о ней самого говорящего играют ключевую роль в процессе извлечения информации: «Система извлечения информации в значительной степени опирается на удачную модель памяти» [Минский, 1979]. М. Минский рассматривал фреймы как структуры организации и хранения информации, позволяющие объяснить «феномен силы и “быстродействия” человеческого мышления» [Там же].

Факт принадлежности языковых средств к конкретному фрейму обеспечивает определенную ассоциативную связь между ними и создает основу для функционирования процесса распространяющейся активации. Активация может распространяться в нескольких направлениях.

1. **От контекста к языковым средствам.** Как отмечает в своем исследовании Г. А. Мартинович, «маршрут “идея – язык – текст” <...> проходит определенную тематически существенную часть лексикона» [Мартинович, 1997. С. 129], так как коммуникативный контекст направляет внимание говорящего на определенную область языкового знания, необходимую в данном контексте коммуникации.

2. **От языковых средств к контексту.** Лексические единицы обладают способностью «активировать соответствующий когнитивный контекст или фрейм» [Болдырев, 2001. С. 33], вызывать из памяти «существенные для проведения рассуждений тематические структуры» [Минский, 1979. С. 14].

3. **От одних языковых средств к другим.** «Всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами...» [Крушевский, 1883. С. 67].

Фрейм создает основу для вероятностного прогнозирования

Во-первых, фрейм позволяет моделировать комплексные ситуации действительности, организовывать, прогнозировать информацию, выявлять недостающие элементы структуры. Он кратко выражает или условно представляет сложные ситуации и целые эпизоды [Минский, 1979].

Данные процессы осуществляются благодаря четкой иерархической структуре фрейма, включающей:

- а) узлы, связанные с названием / определением ситуации;
- б) узлы, отражающие общие понятия, которые всегда справедливы в отношении предполагаемой ситуации. Они уже заполнены своими заданиями и содержат конкретные сведения и информацию, относящиеся к концептуальному объекту, описываемому фреймом;
- в) терминальные узлы / терминалы – ячейки, содержащие так называемые «задания отсутствия». В конкретном контексте коммуникации они должны быть заполнены примерами или данными.

Во-вторых, фрейм задает направление нашей мысли в конкретном контексте за счет:

- а) опоры на вопросы, которые необходимо задать относительно ситуации. Хотя изначально вопросы предлагалось соотносить только с фреймами-сценариями, т.е. динамическими фреймами, мы полагаем, что данный принцип можно распространить и на фреймы статических ситуаций, поскольку М. Минский не проводил таких различий и предлагал использовать термин «фрейм» для статических и динамических ситуаций;

б) «ожиданий» (термин, используемый в теории фреймов), с которыми всегда связан фрейм и которые определяются знаниями о стандартном контексте и ситуации [Минский, 1979].

Способность фрейма создавать предпосылки для моделирования ситуаций и прогнозирования информации, а также направлять мысль говорящего за счет опоры на вопросы и формирование определенных «ожиданий» обеспечивают благоприятные условия для функционирования механизма вероятностного прогнозирования.

Роль металингвистической осведомленности в формировании и закреплении фреймовых структур

Успешное формирование, закрепление и использование фреймовых структур должно быть осознанным, в связи с чем уместно обратиться к понятию *металингвистической осведомленности* (*metalinguistic awareness*). Она представляет собой:

а) «способность иметь дело с языковыми формами как таковыми с целью анализа их самих» [Cazden, 1976. С. 603];

б) способность размышлять о языке и объективировать языковые формы с целью работы с ними самими, рассмотрения и анализа языка в целом как процесса и как системы [Мога, 2009];

в) эксплицитные знания языковой структуры и способность намеренно / целенаправленно к ней обращаться [Bialystok, 2010. С. 119].

А. В. Щепилова использует термин «*металингвистическое сознание*» и рассматривает его как особое, «качественно своеобразное состояние языкового сознания индивида, являющееся результатом регулярного сравнения и сопоставления лингвистических кодов в практике овладения языками» [Щепилова, 2005. С. 18].

Металингвистическая способность проявляется в более сознательном отношении к речи и языковым формам. При этом сознательное отношение представляет собой не столько «рефлексию над своей речью и речью окружающих», сколько «способность ясно и внятно выражать результаты своих наблюдений и обнаруженные закономерности» [Шахнарович, 1998].

Металингвистическая осведомленность может обеспечить осознанное формирование, владение и оперирование фреймовыми структурами, что имеет немаловажное значение для использования переводчиком языковых знаний.

Во-первых, осознанность языковых знаний отражает характер «знания» языков, необходимый переводчику. Владение неродным языком имеет характер «бессознательно-интуитивного практического владения» [Беляев, 1969], отличается «бессознательностью многих процессов» и «сниженностью осознанного контроля за речью» [Завьялова, 2001. С. 69].

Значения многих языковых средств в иностранном языке воспринимаются менее конкретно, чем в родном. Так, М. В. Завьялова делает вывод, что в памяти тех, кто изучает иностранный язык «определенная часть слов связывается с более общими (более широкими) понятиями, чем настоящие» [Завьялова, 2001. С. 64]. По ее мнению, это объясняется «правополушарной схемой восприятия иноязычного слова, когда запоминается не само слово, а его гештальт, что приводит к расширению его значения» и формированию расплывчатого образа [Там же]. Таким образом, металингвистическая осведомленность может обеспечить более осознанное восприятие значений единиц Я2, поскольку она способствует формированию чувствительности к деталям и структуре языка [Thomas, 1988].

Во-вторых, металингвистическая осведомленность способствует «заострению» языковых и культурных знаний. Было установлено, что обучающиеся с более высоким уровнем осознанности знаний гораздо успешнее узнавали (при речевосприятии) и подбирали (при речепорождении) языковые средства в иностранном языке [Leow, 2000]. Очевидно, большая осознанность языковых знаний способствует сужению круга активируемых языковых средств

и целенаправленному отбору тех языковых средств, которые в наибольшей степени соответствуют требованиям ситуации.

В-третьих, осознанность способствует обеспечению и поддержанию владения языками на уровне нормы и узуса. Знание и использование двух языков может приводить к размыванию границ между ними – процесс, который получил название «конвергенции» (*convergence*) [Еске, 2004]. Как показывают исследования, «билингвы могут терять ощущение “грамматической правильности” в одном или обоих языках» [Seliger, 1989. С. 176]. Аналогичным образом и у переводчика постоянная работа с двумя языками может приводить к изменению характера использования языковых средств, так называемому «расшатыванию» языковой нормы и в особенности узуса, что может проявляться в определенном уподоблении языковых средств [Комиссаров, 1990. С. 230].

Интерферентные процессы могут иметь катастрофические последствия для перевода. Хотя многие переводоведы ставят под сомнение возможность полного преодоления интерференции, переводчик, тем не менее, должен, по словам Ж. Мунэна, «сознательно бороться против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции» [Мунэн, 1978. С. 36].

В-четвертых, по мнению ряда исследователей, металингвистическая осведомленность способствует развитию навыков перевода и способности к переключению [Lightbown, Spada, 1990]. М. Малакофф (М. Malakoff) и К. Хакута (K. Nakuta) описывают навыки перевода как «производную от коммуникативных и металингвистических навыков – навыков, которые являются транслингвистическими (*translinguistic*), т. е. не связанными с каким-то конкретным языком» [Malakoff, Nakuta, 1991].

Кроме того, металингвистическая осведомленность обеспечивает развитие более творческого и нестандартного мышления, в том числе и более эффективный поиск и творческое использование языковых средств [Hamers, Blanc, 2000]. Данная характеристика особенно актуальна в контексте перевода, поскольку «многие переводческие решения осуществляются на стыке алгоритмизированных формально-логических и поисково-эвристических, интуитивных операций» [Тарнаева, 2011. С. 19].

Выводы

Лингвокультурное переключение играет ключевую роль в переводе и в значительной степени влияет на качество посреднической деятельности переводчика. Процесс переключения на иностранный язык сопряжен с определенными трудностями, нейтрализация которых необходима для повышения эффективности переключения кодов с целью обеспечения качества перевода.

Предлагается рассматривать фрейм как организующую структуру для языковых и культурных знаний переводчика, создающую предпосылки для оптимизации процессов извлечения языковых средств и повышения оперативности и эффективности функционирования ряда механизмов переводческого переключения кодов.

Целенаправленное формирование фреймовой организации лингвокультурных знаний переводчика должно осуществляться в процессе обучения иностранному языку. По мнению ряда авторов, постепенное формирование фреймов *может* происходить в процессе изучения иностранного языка [Никонова, 2006]. На наш взгляд, в процессе иноязычной подготовки переводчиков этот процесс должен быть системным, организованным и целенаправленным, поскольку фреймовая организация лингвокультурных знаний способствует формированию предпосылок для оперативного функционирования лингвокультурных знаний переводчика в процессе переключения лингвокультурных кодов в переводе.

Решение данной задачи может рассматриваться как один из элементов профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, при котором «образовательная среда, способы обучения иностранному языку делают его инструментом повышения качества профес-

сиональной подготовки и формирования профессиональной компетенции» [Юрчук, 2014. С. 35].

Список литературы

- Беляев Б. В.** Новое в психологии обучения иностранным языкам // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 143–155.
- Болдырев Н. Н.** Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 25–36.
- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ, 2000. 123 с.
- Ван Дейк Т. А.** Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.
- Емельянова Я. Б.** Теоретические основы и предпосылки переключения лингвокультурных кодов в переводе: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. 194 с.
- Завьялова М. В.** Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 60–85.
- Комиссаров В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Кравченко А. В.** Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: ИИУ, 1996. 253 с.
- Крушевский Н. В.** Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Импер. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. 19. 148 с.
- Мартинovich Г. А.** Из опыта работы над учебным коммуникативно-тематическим словарем русского языка // Проблемы лексикографии: Сб. ст. СПб., 1997. С. 126–142.
- Минский М.** Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979. 152 с.
- Миньяр-Белоручев Р. К.** Как стать переводчиком?. М.: Готика, 1999. 176 с.
- Мунэн Ж.** Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 36–41.
- Никонова Ж. В.** Теория фреймов в аспекте лингвистических исследований // Электрон. вестн. ВППКФЛ. 2006. № 2. URL: <http://eveppk.ru/article.php?id=26>.
- Поршнева Е. Р.** Базовая лингвистическая подготовка переводчика: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. 148 с.
- Тарнаева Л. П.** Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2011. 31 с.
- Телия В. Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 24 с.
- Фейгенберг И. М.** Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977. 391 с.
- Фрумкина Р. М.** Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 320 с.
- Шахнарович А. М.** К проблеме онтогенеза грамматики // Речевое и психологическое развитие дошкольников. М., 1998. С. 29–36.
- Щепилова А. В.** Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: Учеб. пособие. М.: Владос, 2005. 245 с.
- Юрчук Г. В.** Формирование профессионально ориентированной языковой компетенции студентов медицинского вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2014. 203 с.

- Ausubel, D.** Educational Psychology: A Cognitive View. New York, Hokd, Reinhart & Wilson, 1968.
- Bialystok, E.** Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind. *Current Directions in Psychological Science February*, 2010, vol. 19, p. 119–123.
- Borges, A.** Should I become a translator? 2005. URL: <http://www.translatorscafe.com/cafe/article39.htm>
- Buzan, T.** The mind map book. New York, NY, Penguin Books Ltd, 1993.
- Campbell, S.** Translation into the second language. London and New York, Longman, 1998.
- Cazden, C.** Play with language and metalinguistic awareness: One dimension of language experience. In: Bruner J. S., Jolly A., Sylva K. (eds.). *Plays: its role and development of evolution*. New York, Basic Books, 1976, p. 603–618.
- Cronin, M.** Translation and globalisation. London and New York, Routledge, 2003.
- Dufour, R., Kroll, J. F.** Matching words to concepts in two languages: A test of the concept mediation model of bilingual representation. *Memory & Cognition*, 1995, vol. 23, no. 2, p. 166–180.
- Ecke, P.** Language attrition and theories of forgetting: a cross-disciplinary review. *International Journal of Bilingualism*, 2004, vol. 8, no. 3, p. 321–354.
- Figueroa, L.** Knowing the code. *Hispanic*, 1995, vol. 8, p. 14–18.
- Hamers, J. F., Blanc, M.** Bilinguality and Bilingualism. Cambridge, MA, Cambridge Press, 2000.
- Heredia, R.** Bilingual memory: a re-revised version of the hierarchical model of bilingual memory. *Center for research in Language Newsletter*, 1996, vol. 10, no. 3. URL: <http://www.crl.ucsd.edu/newsletter/10-3/> (accessed 12.01.2013).
- Higbee, K. L.** Your memory: How it works and how to improve it. 2nd ed. New York, Marlowe & Company, 2001.
- Jackson, G. M., Swainson, R., Cunnington, R., Jackson, S. R.** ERP correlates of executive control during repeated language switching. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2001, vol. 4, p. 169–178.
- Jones, M., McRae K.** Semantic memory. In: Reisberg D. (ed.). *The Oxford handbook of cognitive psychology*. Oxford, 2013, p. 206–219.
- Kroll, J. F., Tokowicz, N.** The development of conceptual representation for words in a second language. In: Nicol J. (ed.). *One mind, two languages: bilingual language processing*. Malden, MA, Blackwell, 2001, p. 49–71.
- Kroll, J., Bobb, S., Misra, M., Gou, T.** Language selection in bilingual speech: Evidence for inhibitory processes. *Acta Psychol (Amst)*, 2008, vol. 128, no. 3, p. 416–430.
- Lee, J., Van Patten, B.** Making communicative language teaching happen. New York, McGraw Hill, 1995.
- Leow, R. P.** A study of the role of awareness in foreign language behavior: Aware versus unaware learners. *Studies in Second Language Acquisition*, 2000, vol. 22, p. 557–84.
- Lightbown, P. M., Spada, N.** Focus-on-form and corrective feedback in communicative language teaching. *Studies in Second Language Acquisition*, 1990, vol. 12, no. 4, p. 429–448.
- Malakoff, M., Hakuta, K.** Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals. In: Bialystok E. (ed.). *Language processing and language awareness*. New York, Oxford University Press, 1991, p. 141–166.
- Marmaridou, A. S. S.** Directionality in translation. Processes and practices. *Target*, vol. 8, no. 1, p. 49–73.
- Martin, A., Chao L. L.** Semantic memory and the brain: structure and processes. *Current opinion in Neurobiology*, 2001, vol. 11, p. 194–201.
- Mora, J. K.** Metalinguistic awareness as defined through research. 2009. URL: <http://www.moramodules.com/Pages/MetalingHandout>.
- Pavlović, N.** Directionality in translation and interpreting practice. Report on a questionnaire survey in Croatia. In: Pym A., Perekrstenko A. (eds.). *Translation Research Projects 1*. Tarragona, Intercultural Studies Group, 2007, p. 79–95.

- Proverbio, A. M., Leoni, G., Zani A.** Language switching mechanisms in simultaneous interpreters: an ERP study. *Neuropsychologia*, 2004, vol. 42, p. 1636–1656.
- Pym, A.** Redefining translation competence in an electronic age. In defence of a minimalist approach. *Meta: Translators' Journal*, 2003, vol. XLVII, no. 4, p. 481–497.
- Seliger, H.** Deterioration and creativity in childhood bilingualism. In: Hyltenstam K., Obler L. K. (eds.). *Bilingualism across the lifespan: Aspects of acquisition, maturity, and loss*. Cambridge, U.K., Cambridge University Press, 1989, p. 173–184.
- Thomas, J.** The role played by metalinguistic awareness in second and third language learning. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1988, vol. 9, p. 235–246.
- Tulving, E.** Episodic and semantic memory. In: Tulving E., Donaldson W. (eds.). *Organization of Memory*. New York, Academic Press, 1972, p. 381–403.
- Van Hell, J. G., Witteman, M. J.** The neurocognition of switching between languages: A review of electrophysiological studies. In: Isurin L., Winford D., de Bot K. (eds.). *Multidisciplinary approaches to code switching*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 2009, p. 53–84.

References

- Ausubel, D.** *Educational Psychology: A Cognitive View*. New York, Hokd, Reinhart & Wilson, 1968.
- Belyaev, B. V.** New developments in the psychology of teaching foreign languages. In: *Psychological and psycholinguistic problems of using and mastering a foreign language*. Moscow, MSU Publ., 1969, p. 143–155. (in Russ.)
- Bialystok, E.** Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind. *Current Directions in Psychological Science February*, 2010, vol. 19, p. 119–123.
- Boldyrev, N. N.** Cognitive semantics. Tambov, TSU Publ., 2000, 123 p. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** Concept and meaning of a word. In: Sternin I. A. (ed.). *Methodological problems of cognitive linguistics: scientific publication*. Voronezh, VSU Publ., 2001, p. 25–36. (in Russ.)
- Borges, A.** Should I become a translator? 2005. URL: <http://www.translatorscafe.com/cafe/article39.htm>
- Buzan, T.** *The mind map book*. New York, NY, Penguin Books Ltd, 1993.
- Campbell, S.** *Translation into the second language*. London and New York, Longman, 1998.
- Cazden, C.** Play with language and metalinguistic awareness: One dimension of language experience. In: Bruner J. S., Jolly A., Sylva K. (eds.). *Plays: its role and development of evolution*. New York, Basic Books, 1976, p. 603–618.
- Cronin, M.** *Translation and globalisation*. London and New York, Routledge, 2003.
- Dufour, R., Kroll, J. F.** Matching words to concepts in two languages: A test of the concept mediation model of bilingual representation. *Memory & Cognition*, 1995, vol. 23, no. 2, p. 166–180.
- Ecke, P.** Language attrition and theories of forgetting: a cross-disciplinary review. *International Journal of Bilingualism*, 2004, vol. 8, no. 3, p. 321–354.
- Emelyanova, Y. B.** Theoretical foundation and preconditions of linguacultural switching in translation: monograph. Nizhny Novgorod, NSU Publ., 2017, 194 p. (in Russ.)
- Feygenberg, I. M.** Probabilistic forecasting in human activity. Moscow, Nauka Publ., 1977, 391 p. (in Russ.)
- Figuerola, L.** Knowing the code. *Hispanic*, 1995, vol. 8, p. 14–18.
- Frumkina, R. M.** Psycholinguistics: textbook for institutions of higher education. Moscow, Akademia Publ., 2001, 320 p. (in Russ.)
- Hamers, J. F., Blanc, M.** *Bilinguality and Bilingualism*. Cambridge, MA, Cambridge Press, 2000.
- Heredia, R.** Bilingual memory: a re-revised version of the hierarchical model of bilingual memory. *Center for research in Language Newsletter*, 1996, vol. 10, no. 3. URL: <http://www.crl.ucsd.edu/newsletter/10-3/> (accessed 12.01.2013).

- Higbee, K. L.** Your memory: How it works and how to improve it. 2nd ed. New York, Marlowe & Company, 2001.
- Jackson, G. M., Swainson, R., Cunnington, R., Jackson, S. R.** ERP correlates of executive control during repeated language switching. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2001, vol. 4, p. 169–178.
- Jones, M., McRae K.** Semantic memory. In: Reisberg D. (ed.). The Oxford handbook of cognitive psychology. Oxford, 2013, p. 206–219.
- Komissarov, V. N.** Theory of translation (linguistic aspects). Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 223 p. (in Russ.)
- Kravchenko, A. V.** Language and perception: cognitive aspects of language categorization. Irkutsk, IIU Publ., 1996, 253 p. (in Russ.)
- Kroll, J. F., Tokowicz, N.** The development of conceptual representation for words in a second language. In: Nicol J. (ed.). One mind, two languages: bilingual language processing. Malden, MA, Blackwell, 2001, p. 49–71.
- Kroll, J., Bobb, S., Misra, M., Gou, T.** Language selection in bilingual speech: Evidence for inhibitory processes. *Acta Psychol (Amst)*, 2008, vol. 128, no. 3, p. 416–430.
- Krushevskiy, N. V.** Essay on the science of language. News and scientific notes of the Imperial Kazan University. Kazan, 1883, vol. 19, 148 p. (in Russ.)
- Lee, J., Van Patten, B.** Making communicative language teaching happen. New York, McGraw Hill, 1995.
- Leow, R. P.** A study of the role of awareness in foreign language behavior: Aware versus unaware learners. *Studies in Second Language Acquisition*, 2000, vol. 22, p. 557–84.
- Lightbown, P. M., Spada, N.** Focus-on-form and corrective feedback in communicative language teaching. *Studies in Second Language Acquisition*, 1990, vol. 12, no. 4, p. 429–448.
- Malakoff, M., Hakuta, K.** Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals. In: Bialystok E. (ed.). Language processing and language awareness. New York, Oxford University Press, 1991, p. 141–166.
- Marmaridou, A. S. S.** Directionality in translation. Processes and practices. *Target*, vol. 8, no. 1, p. 49–73.
- Martin, A., Chao L. L.** Semantic memory and the brain: structure and processes. *Current opinion in Neurobiology*, 2001, vol. 11, p. 194–201.
- Martinovich, G. A.** From the experience of developing a communicative-thematic Russian dictionary. *Problems of lexicography. A collection of articles*. St. Petersburg, 1997, p. 126–142. (in Russ.)
- Minskiy, M.** Framework for Representing Knowledge. Moscow, Mir Publ., 179, 152 p. (in Russ.)
- Minyar-Beloruchev, R. K.** How to become a translator? Moscow, Gotika Publ., 1999, 176 p. (in Russ.)
- Mora, J. K.** Metalinguistic awareness as defined through research. 2009. URL: <http://www.moramodules.com/Pages/MetalingHandout>.
- Mounin, J.** Theoretical problems of translation. Translation as language contact. In: Issues in the theory of translations in foreign linguistics. Moscow, 1978, p. 36–41. (in Russ.)
- Nikonova, J. V.** Theory of frames in the context of linguistics studies. *Electronic bulletin of VPPKFL*, 2006, no. 2. URL: <http://eveppk.ru/article.php?id=26> (in Russ.)
- Pavlovič, N.** Directionality in translation and interpreting practice. Report on a questionnaire survey in Croatia. In: Pym A., Perekrestenko A. (eds.). Translation Research Projects 1. Tarragona, Intercultural Studies Group, 2007, p. 79–95.
- Porshneva, E. R.** Basic linguistic training of a translator: monograph. Nizhniy Novgorod, NNSU Publ., 2002, 148 p. (in Russ.)
- Proverbio, A. M., Leoni, G., Zani A.** Language switching mechanisms in simultaneous interpreters: an ERP study. *Neuropsychologia*, 2004, vol. 42, p. 1636–1656.

- Pym, A.** Redefining translation competence in an electronic age. In defence of a minimalist approach. *Meta: Translators' Journal*, 2003, vol. XLVII, no. 4, p. 481–497.
- Seliger, H.** Deterioration and creativity in childhood bilingualism. In: Hyltenstam K., Obler L. K. (eds.). *Bilingualism across the lifespan: Aspects of acquisition, maturity, and loss*. Cambridge, U.K., Cambridge University Press, 1989, p. 173–184.
- Shakhnarovich, A. M.** Towards the problem of the ontogenesis of grammar. In: *Speech and psychological development of preschoolers*. Moscow, 1998, p. 29–36. (in Russ.)
- Shchepilova, A. V.** Theory and methods of teaching French as a second foreign language: manual. Vldos Publ., 2005, 245 p. (in Russ.)
- Tarnayeva, L. P.** Teaching future translators to translate culture-specific meanings in institutional discourse. Abstract of thesis dokt. ped. nauk. St. Petersburg, 2011, 31 p. (in Russ.)
- Teliya, V. N.** Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistic aspects. Moscow, Language of Russian culture Publ., 1996, 24 p. (in Russ.)
- Thomas, J.** The role played by metalinguistic awareness in second and third language learning. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1988, vol. 9, p. 235–246.
- Tulving, E.** Episodic and semantic memory. In: Tulving E., Donaldson W. (eds.). *Organization of Memory*. New York, Academic Press, 1972, p. 381–403.
- Van Deyk, T. A.** Context and cognition. Frames of knowledge and the understanding of speech acts. In: *Language. Cognition. Communication*. Moscow, Progress Publ., 1989, p. 12–40. (in Russ.)
- Van Hell, J. G., Wittenman, M. J.** The neurocognition of switching between languages: A review of electrophysiological studies. In: Isurin L., Winford D., de Bot K. (eds.). *Multidisciplinary approaches to code switching*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 2009, p. 53–84.
- Yurchuk, G. V.** Developing a professionally oriented language competence in medical students. Thesis cand. ped. nauk. Krasnoyarsk, 2014, 203 p. (in Russ.)
- Zaviyalova, M. V.** The study of bilingual speech mechanisms (as exemplified in the association experiment with Lithuanian-Russian bilinguals). *Questions of Language studies*, 2001, no. 5, p. 60–85. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
25.05.2019

Информация об авторе / Information about the author

- Емельянова Яна Борисовна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация)
- Yana B. Emelyanova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Applied Linguistics and Foreign languages. National Research University "Higher School of Economics" (25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation)
- yemelyanova2007@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1415-7343

Наименования наук в языковом сознании русских и китайских студентов

М. А. Башанова¹, Юй Чжан², А. А. Яковлев³

¹ Школа иностранных языков «Время-универс»
Красноярск, Россия

² Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

³ Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

Аннотация

Приводятся данные ассоциативного эксперимента, нацеленного на сопоставительный анализ наименований некоторых наук в языковом сознании русских и китайских студентов. Эти три сферы объединены вокруг наименований дней недели, наименований профессий и наименований научных дисциплин. Языковое сознание определяется как понятие, фиксирующее зависимость между изменениями значений и личностных смыслов слов, с одной стороны, и внешними (социальными) и внутренними (психическими) факторами функционирования языка, с другой. В эксперименте приняло участие 104 русских и 100 китайских студентов. Для анализа материала применялся авторский метод семантико-тематической группировки реакций с их последующим многофакторным анализом. Образы языкового сознания формируются под влиянием социально-культурных факторов (школьная программа и вообще система образования) и факторов эмоционально-личностных (переживание данных наук как интересных, сложных и т. д.). Образы языкового сознания, стоящие за наименованиями наук, состоят из представлений об объектах этих наук, впрочем, часто искаженных и даже неверных, о средствах познания и о месте, где это познание происходит. Образы языкового сознания китайских студентов содержат существенный оценочный компонент, отражающий трудность данных наук и почти совсем не характерный для языкового сознания русских студентов. Существенно различаются значения наименований наук, входящих и не входящих в школьную программу. Однако представления и знания, зафиксированные в значениях наименований наук, не выходят за рамки обыденных и часто не имеют почти ничего общего с реальной ситуацией. Делается вывод, что далеко не всякий фрагмент языкового сознания является специфическим в культурно-этническом отношении.

Ключевые слова

языковое сознание, русские студенты, китайские студенты, значение, личностный смысл, психолингвистика

Для цитирования

Башанова М. А., Юй Чжан, Яковлев А. А. Наименования наук в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 145–155. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-145-155

Science Names in the Language Consciousness of Russian and Chinese students

Maria A. Bashanova¹, Yu Zhang², Andrey A. Yakovlev³

¹ School of foreign languages "Time-Univers"
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

³ Krasnoyarsk State Pedagogic University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article discusses the results of the associative experiment aimed at the comparative analysis of some science names in the language consciousness of Russian and Chinese students. These three areas are united around the names of the days of the week, the names of professions and the names of scientific disciplines. Language consciousness is

defined as a concept fixing the relationship between changes in meanings and personal senses of words, on the one hand, and external (social) and internal (mental) factors of language functioning, on the other hand. The experiment involved 104 Russian and 100 Chinese students. The analysis of the material was based on the authors' method of semantic-thematic grouping of associations with their subsequent analysis. As the analysis and comparison of the reactions of Chinese and Russian students to the same stimuli complexes showed, all of them are influenced by both internal and external factors. Images of the language consciousness are formed under the influence of socio-cultural factors (school curriculum and educational system in general) and emotional-personal factors (evaluation of these sciences as interesting, complicated, etc.). The images of the language consciousness behind the names of sciences "consist" of knowledge about the objects of these sciences (however, often distorted and even incorrect), about the ways of acquiring knowledge and about the place where this cognition process takes place. The images of the language consciousness of Chinese students comprise a substantial evaluative component, reflecting the difficulty of the sciences and almost non-existent in the language consciousness of Russian students. We emphasize that all these ideas do not go beyond the ordinary ones and have almost nothing to do with the actual situation. This state of affairs takes place, of course, because our participants are not professionally engaged in these types of activities, although they have an "external" view of them obtained through school education.

Keywords

language consciousness, Russian undergraduate students, Chinese undergraduate students, meaning, personal sense, psycholinguistics

For citation

Bashanova, Maria A., Zhang Yu, Yakovlev, Andrey A. Science Names in the Language Consciousness of Russian and Chinese Students. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 145–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-145-155

Вводные замечания

Описанный ниже эксперимент является частью исследования, результаты которого частично обсуждались в статьях [Башанова, Чжан, Яковлев, 2019а, 2019б]. Мы рассмотрели особенности образов сознания, стоящих за наименованиями дней недели и некоторых профессий. Было установлено, что в языковом сознании русских студентов наиболее явно отражены результат и орудие труда представителя профессии, сфера и конкретное место осуществления деятельности. В языковом сознании китайских студентов наиболее явно отражены собственно деятельность представителя профессии и его характеристика. Кроме того, было установлено, что в значении наименования профессии в китайском языке входит существенный компонент, означающий не действия представителя профессии, а того субъекта, который с ним взаимодействует.

Относительно наименований дней недели было установлено, что их значение имеет не столько социально-культурную, сколько эмоционально-личностную специфику. Они обусловлены не этносом и культурой напрямую, а опосредованы той деятельностью, в которую регулярно вовлечен конкретный человек.

В обеих названных частях исследования было выявлено одновременное влияние внешних (социально-культурных) и внутренних (личностных) факторов, действующих на изменение значений и личностных смыслов изученных слов. Внешними факторами можно считать ту деятельность, которую осуществляет представитель данной профессии по отношению к студенту, или совокупность деятельностей, регулярно осуществляемых в тот или иной день недели; внутренним фактором является эмоционально-личностное переживание субъектом этой деятельности, ее результата или самого ее субъекта.

Все три части исследования базировались на единой теоретико-методологической базе, которая подробно описана в названных публикациях. Остановимся лишь на самых важных положениях.

Согласно точке зрения, которая является в настоящее время почти общепринятой в отечественной психолингвистике, языковое сознание (далее – ЯС) функционирует как индивидуальное явление, как часть индивидуального сознания человека [Баландина, 2013. С. 8; Дзюба, 2015. С. 13; Попова, Стернин, 2007. С. 45–46; Уфимцева, 2011. С. 206; Уфимцева, Тарасов, 2009. С. 20; Шишканов, 2002. С. 18–19]. В такой трактовке ЯС суть не понятие теории, отра-

жающие некоторые факты языка и сознания, а сами эти факты. При этом в исследованиях ЯС, как правило, задействованы группы людей и изучаются черты индивидуальных языков (ментальных лексиконов) этих людей в их зависимости от внешних условий (профессия, возраст, социальное положение и т. д.), а также отражение в них личностного отношения этих людей к условиям или явлениям действительности (упорядоченного, т. е. регулярно проявляющегося, или не упорядоченного).

Исследуемые явления и связи, фиксируемые в понятии ЯС, выступают своего рода производной от внешних (групповых, социальных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов, влияющих на значения и личностные смыслы слов. Следовательно, ЯС не может считаться чем-то, находящимся внутри индивидуального сознания конкретного человека, или некой суммой фрагментов индивидуальных сознаний множества людей. В ЯС как теоретическом понятии фиксируется определенная закономерная связь между внутренними и внешними факторами, влияющими на язык. Эта связь (зависимость) состоит в том, что для существенного, т. е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и личностного смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом.

Поэтому наше исследование базируется на следующем определении: **языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов.** Таким образом, ЯС фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т. е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов.

ЯС является не объективно существующим конкретным предметом познания, а понятием теории, научным конструктом, теоретической моделью действительности, которая воссоздает в обобщенном виде закономерную связь между языковыми явлениями, с одной стороны, и явлениями эмоционально-личностного и социально-культурного порядка, с другой. Следовательно, в понятии ЯС психолингвистическими методами в обобщенном виде фиксируется закономерное влияние эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояния человека. Отметим также, что ЯС носит вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений.

Описание эксперимента

В проведенном ассоциативном эксперименте приняли участие русские и китайские студенты – 104 и 100 человек соответственно. На момент проведения экспериментов все испытуемые (далее – Ии.) были студентами разных университетов Красноярска и Шанхая, в основном языковых специальностей. Им были предъявлены в письменном виде 55 слов-стимулов, среди которых вразброс были даны интересующие нас слова, а именно *археология, астрономия, биология, география, история, лингвистика, математика, психология, физика*; и соответственно: 考古学, 天文学, 生物学, 地理学, 历史, 语言学, 数学, 心理学, 物理学.

Выбор стимулов обусловлен, во-первых, тем, что часть из наук изучается в качестве школьных дисциплин, во-вторых, тем, что среди них есть гуманитарные, социальные и естественные науки. При этом может возникнуть вопрос: «Не изучается ли в данном случае научная картина мира?» Нет оснований отвечать на него положительно, поскольку за наименованиями наук не стоит никакого научного знания, напротив, за ними стоит знание обывателя, не занимающегося этими науками и знающего их только «извне».

По заданию эксперимента Ии. могли дать до трех реакций на каждый стимул. Может появиться возражение, что такая процедура вносит нежелательное влияние на результаты ассоциативного эксперимента (каждая следующая реакция дается не на стимул, а не преды-

душую реакцию). Однако специальное исследование этой проблемы показало, что возникающие при такой процедуре флуктуации получаемых ассоциаций остаются в пределах 1–2 %, носят случайный характер и не искажают имеющихся в ментальном лексиконе связей [Яковлев, 2018].

Основываясь на методе распределения реакций по типу связи между реакцией и стимулом [Залевская, 2011. С. 140–141], для анализа полученных данных мы применяли метод, который может быть назван **методом семантико-тематической группировки** реакций. В его основе лежит одновременный учет связей как между стимулом и реакцией, так и между разными реакциями. Это позволяет сконцентрироваться на личностном смысле, реализующемся в реакциях, и на его «удельном весе» во всей совокупности полученных реакций (ассоциативном поле).

Реакции на каждый стимул объединялись по признаку их потенциальной принадлежности к одной теме или высказыванию, сфере употребления, классу обозначаемых предметов и т. д. Для выявления эмоционально-личностного компонента ЯС реакции группировались не по какому-то формульному или произвольно выбранному признаку, а по признаку выражения в них личностного отношения Ии. к обозначаемым словами-стимулами явлениям. Затем полученные группы реакций сравнивались для выявления общей тенденции. Важно не просто количество, например, эмоционально-окрашенных реакций, а их «удельное» **отношение** к количеству всех остальных реакций (наподобие удельного веса какого-либо вещества). Имеет место не сопоставление групп реакций, полученных от одной группы Ии., а сопоставление одинаковых групп реакций, полученных от разных групп Ии.

Анализ результатов

От русских Ии. в сумме было получено 1 574 реакции, включая нулевые. Их количественное распределение по выделенным тематическим группам дано в табл. 1.

Следует уточнить, что имеется в виду под условными названиями групп реакций в таблице. Реакции групп «оценка» и «характеристика» отличаются тем, что первые обозначают скорее состояние самих Ии., а вторые – объективные свойства некоторой науки. Например, в группу «оценка» отнесены реакции наподобие ФИЗИКА – *сложно* (2); *боль*; *фу*; ПСИХОЛОГИЯ – *интерес*; *круто*. В группу «характеристика» вошли реакции типа ФИЗИКА – *точная наука*; *недостижимая*; ПСИХОЛОГИЯ – *ложь* (2); *дуристика*; *фигня*. Как представляется, реакции остальных групп ясны из их названий.

Отметим, что впечатление от большого количества реакций группы «частное – общее» обманчиво, потому что во всех без исключения случаях наиболее частотной в этой группе является реакция *наука*. За этим количеством не следует видеть какого-то особого знания студента о том, в какую научную область входит та или иная наука. Эта частотность говорит, по нашему мнению, именно о том, что Ии. не осознают достаточно четко содержание каждой из названных наук и выражают лишь знание факта, что это является наукой.

Обращает на себя внимание, что реакции группы «раздел науки» частотны только на три стимула. Это вполне объяснимо, если привести несколько примеров: ИСТОРИЯ – *Россия* (12); *искусств* (4); *всемирная*; *государства Российского*; *средневековая*; *Европы* и др.; МАТЕМАТИКА – *алгебра* (3); *тригонометрия* (2); *логика* (2); *арифметика* (2); *высшая* и др.; ФИЗИКА – *механика* (3); *квантовая* (2); *ядерная* (3) и др. Логично предположить, что в силу особенностей школьного образования у студентов нет более четких представлений о разделах других наук.

То же самое относится к большому числу реакций группы «средства познания» на стимулы ГЕОГРАФИЯ и ФИЗИКА. Например: ФИЗИКА – *формулы* (9); *законы* (4); *опыт* (3); *учебник* (2); *эксперимент*; *колба* и др.; ГЕОГРАФИЯ – *глобус* (27); *карта* (22); *карты* (3); *атлас* (3); *контурная карта*; *учебник* и др. Все они отражают не столько реальный опыт научного исследования, сколько личностный опыт самих Ии. по овладению азами данных наук.

Таблица 1

Количество реакций русских студентов на стимулы – наименования наук

Table 1

Russian Students' Reactions to the Science Names Stimuli

Группа реакций	Наука									Итого
	Археология	Астрономия	Биология	География	История	Лингвистика	Математика	Психология	Физика	
Науки той же области Science of the same field	9	1	3	6	0	3	3	3	9	37
Синонимия Synonymy	0	0	0	0	2	2	0	0	1	5
Ученый Scientist	2	5	1	0	0	3	1	5	0	17
Раздел науки Field of science	0	0	4	0	26	1	13	1	10	55
Объект изучения Object	66	125	112	62	43	63	87	64	38	660
Средства познания Tools of research	8	17	7	64	8	1	17	8	33	163
Частное – общее Part – whole	29	14	13	11	33	41	16	22	24	203
Оценка Evaluation	5	0	3	6	6	4	8	4	8	44
Характеристика Characteristics	1	0	1	4	7	9	8	21	5	56
Процесс / место познания Process / place of research	41	2	4	5	11	5	10	12	14	104
Связь с личной жизнью Link with private life	1	1	0	1	6	4	4	4	2	23
Персоналии / персонажи Persons	5	2	2	1	12	2	9	4	21	58
Прочее Other	3	20	14	17	14	8	8	17	14	115
Отказы Zero reactions	6	2	5	3	2	9	3	4	0	34

Многие реакции группы «процесс / место познания» также отражают, скорее, обыденные представления Ии. о том, где и как происходят исследования, составляющие данную науку. Например: АРХЕОЛОГИЯ – *раскопки* (33); *музей* (2); *копать*; *пустыня*; ПСИХОЛОГИЯ – *кабинет* (4); *кресло* (2); *дурка*; *психушка* и др. Кроме того, в эту же группу реакций вошли такие, как ФИЗИКА – *школа* (7), *урок* (3), *кабинет физики*; ИСТОРИЯ – *школа* (6); *урок* (3); *урок истории* и др. Все они еще раз показывают, что в них отражаются ситуации, в которых происходило ознакомление с этими науками.

Реакции группы «персоналии / персонажи» представлены именами и фамилиями известных фигур: ФИЗИКА – *Ньютон* (11); *Эйнштейн* (3); *Тесла* (2); ИСТОРИЯ – *Наполеон* (3); *Гитлер*; *Сталин*; *Иван Грозный* и др.

Наиболее частотная группа реакций – «объект изучения». Качественный анализ реакций этой группы показывает, что объект многих наук понимается Ии. неверно и чаще всего как частные предметы или проблемы наук, известных Ии. из школьного курса. Например: ФИЗИКА – *атом* (3); *материя* (2); *притяжение* (2); *броуновское движение* (2) и др.; ИСТОРИЯ – *война* (10); *войны* (4); *Россия* (3) и др.; МАТЕМАТИКА – *цифры* (20); *числа* (9); *примеры* (5); *логарифмы* (3) и др. Еще более показательна эта группа реакций на стимулы, означающие науки, которые не входят в школьный курс, например: АРХЕОЛОГИЯ – *кости* (17); *динозавры* (5); *скелет* (4); *артефакты* (3); *черепки* (2) и др.; ПСИХОЛОГИЯ – *мозг* (8); *человек* (5); *душа* (4); *отношения* (3); *проблемы* (2) и др. Реакции показывают, что большинство представлений о предметной области упомянутых наук очень размыты или попросту неверны, как в случае с археологией. Можно полагать, что эти представления основаны на догадках или на выводном знании. С другой стороны, сами знания (например, что такое броуновское движение или логарифм), вряд ли могут быть отнесены к обыденным. Во всяком случае, в ситуациях обыденного общения такие знания получить невозможно: в обыденности люди крайне редко обсуждают и обдумывают эти явления. Такие знания и соответствующие им реакции (а также языковые средства их выражения вообще) можно назвать «косвенно научными», они обусловлены, конечно, «отголосками» школьных и университетских курсов. Можно предположить, что косвенно научный характер имеют и знания об инструментах тех или иных наук, а также об объектах изучения (атом, материк, интеграл, молекулы и т. д.).

Интересны реакции этой группы на стимул АРХЕОЛОГИЯ, которые отражают неверные представления об объекте этой науки. Например: *кости* (17); *динозавры* (5); *мумия* (3); *динозавр* (2); *скелет* (4); *скелеты* (2); *черепки* (2) и др. Данный тип реакции характерен вообще для всех слов, означающих науки, не входящие в школьный цикл. Знания, стоящими за этими словами, либо чрезвычайно ограничены, либо попросту не соответствуют объективной научной картине мира. Например: АСТРОНОМИЯ – *звезды* (61); *космос* (17); *небо* (10); *планеты* (7); *планета* (4); *Луна* (3); *звезда* (3); ПСИХОЛОГИЯ – *мозг* (8); *человек* (5); *люди* (4); *душа* (4); *отношения* (3) и др.

Образы ЯС, отражаемые данным комплексом лексем, довольно однотипны: в них доминирует, как правило, предметный компонент, и поэтому их можно подвести под общую схему, соответствующую словарному толкованию наподобие «X – это наука о том-то». Эта общая схема в целом соответствует тем фактам ментального лексикона и знаний человека, которые отражаются в ЯС.

На те же стимулы китайские студенты дали в сумме 987 реакций, включая нулевые. Общие критерии распределения реакций по группам были теми же. Реакции китайских Ии. проявляют несколько иные тенденции, которые проявляются уже количественно (табл. 2).

Как видно, существенное место принадлежит реакциям групп «объект изучения» и «оценка». Как и русские студенты, китайские Ии. выражают в реакциях первой из названных групп знания, полученные в школе или в результате «стороннего наблюдения» за этими науками. Например:

物理学 ФИЗИКА – 公式 (3) ‘формула’; 杠杆 (3) ‘рычаг’; 电 (2) ‘электричество’; 核 (2) ‘ядро’; 量子 ‘квант’; 重力 ‘сила тяжести’;

历史 ИСТОРИЯ – 古代 (5) ‘древность, древние эпохи’; 中国古代 (2) ‘китайские древности’; 唐宋元明清 ‘династии Тан, Сун, Юань, Мин, Цин’; 文革 ‘культурная революция’;

地理学 ГЕОГРАФИЯ – 地球 (6) ‘Земля’; 地震 (4) ‘землетрясение’; 世界 (2) ‘мир’; 大地 (2) ‘Земля’; 土壤 (2) ‘земля, почва’; 山 (2) ‘горы’; 经纬度 ‘широта и долгота’; 五大洲 ‘5 континентов’;

数学 МАТЕМАТИКА – 数字 (9) ‘цифра, число’; 公式 (6) ‘формула’; 函数 (5) ‘функция’; 计算 (3) ‘расчет’; 方程 (2) ‘уравнение’; 微积分 (2) ‘дифференциальное и интегральное исчисление’ и др.

Таблица 2

Количество реакций китайских студентов на стимулы – наименования наук

Table 2

Chinese Students' Reactions to the Sciences Names Stimuli

Группа реакций	Наука									Итого
	考古学 Археология	天文学 Астрономия	生物学 Биология	地理学 География	历史 История	语言学 Лингвистика	数学 Математика	心理学 Психология	物理学 Физика	
Науки той же области Science of the same field	2	1	4	9	6	2	1	3	12	40
Синонимия Синонимы	0	0	2	0	6	2	2	3	5	20
Ученый Scientist	3	3	2	1	0	1	0	5	4	19
Раздел науки Field of science	0	0	0	0	0	0	8	0	2	10
Объект изучения Object	11	75	53	42	19	48	38	10	35	331
Средства познания Tools of research	9	10	3	12	5	1	1	2	4	47
Частное – общее Part – whole	0	0	1	2	3	1	0	0	5	12
Оценка Evaluation	24	4	17	26	30	24	32	36	19	212
Характеристика Characteristics	1	3	0	0	7	0	3	10	3	27
Процесс / место познания Process / place of research	5	2	2	0	5	2	2	2	5	25
Связь с личной жизнью Link with private life	1	0	1	0	1	1	2	0	2	8
Персоналии / персонажи Persons	5	0	3	1	14	0	1	0	16	40
Прочее Other	43	13	21	16	15	20	24	32	12	196
Отказы Zero reactions	1	1	1	1	1	0	1	1	1	8

И точно та же тенденция видна в реакциях на наименования наук, не входящих в китайскую школьную программу:

考古学 АРХЕОЛОГИЯ – 木乃伊 (4) ‘мумия’; 古板 (2) ‘древний ксилограф’; 化石 ‘окаменелость’; 骨架 ‘скелет’;

语言学 ЛИНГВИСТИКА – 英语 (9) ‘английский язык’; 中文 (5) ‘китайский язык’; 日语 (4) ‘японский язык’; English (2); 说话 (2) ‘речь’; 外语 ‘иностраннй язык’; 鸟语 ‘птичье пение’ (пренебр. иностранная речь); 天文学 АСТРОНОМИЯ – 星星 ‘звезды’ (39); star (6); 星空 (4) ‘звездное небо’; 太阳 (4) ‘Солнце’; 星座 (2) ‘созвездие’; 星球 (2) ‘небесное тело, планета’; 银河 ‘млечный путь’; 月球 ‘Луна’; 流行 ‘метеорит’ и др.

Как видно, они во многом не соответствуют сложной научной действительности и фиксируют научные знания в их обыденном преломлении.

Как и реакции русских студентов, реакции их китайских сверстников почти на все стимулы сохраняют эмоционально-оценочный компонент, но их пропорция меняется в сравнении с реакциями русских Ии.: таблица показывает гораздо большее число реакций группы «оценка», что не характерно для русских Ии. В подавляющем большинстве случаев это реакция 难 ‘трудный’, являющаяся весьма частотной по большинству стимулов. Примечательно, однако, что эта реакция малочисленна или вообще не дана на стимулы 天文学 АСТРОНОМИЯ, 考古学 АРХЕОЛОГИЯ, 心理学 ПСИХОЛОГИЯ, т. е. те науки, которые не изучаются в школе или изучаются весьма поверхностно (астрономия).

Приведем еще несколько примеров из группы «оценка»: 数学 МАТЕМАТИКА – 难 (14) ‘трудный’; 不喜欢 (2) ‘не нравится’; 不会 (2) ‘не могу’; 头疼 (2) ‘головная боль’; 历史 ИСТОРИЯ – 难 (4) ‘трудный’; 有趣 (3) ‘интересный’; 枯燥 (2) ‘монотонный, скучный’; 生物学 БИОЛОГИЯ – 难 (6) ‘трудный’; 太难了 (2) ‘слишком сложно’; 有趣 ‘интересный’; 不会 ‘не разбираюсь’; 脑子疼 ‘головная боль’ и др. Как отмечено выше, подавляющее большинство таких реакций связаны с понятийной сложностью наук.

Вообще реакции 难 ‘трудный’ или 太难了 ‘слишком сложно’ характерны именно для группы «оценка». Однако в реакциях русских Ии схожей тенденции не наблюдается. Приходится констатировать, что китайские студенты намного больше, чем русские, склонны оценивать изучаемые в школе и вузе науки как сложные. Мы можем только констатировать эту тенденцию и не беремся искать ей какое-либо объяснение в китайской культуре или системе образования.

Характерной особенностью реакций китайских Ии. является дописывание одного иероглифа ко многим стимулам (ко всем, кроме 历史 ИСТОРИЯ и 数学 МАТЕМАТИКА) – 家. Объясняется это, разумеется, чисто языковыми факторами: добавление 家 к наименованию науки дает наименование соответствующего ученого, деятеля этой науки, поэтому Ии. не видят надобности писать все слово целиком. Такая стратегия ассоциирования и выражения ассоциативной связи в реакции может быть характерна только для изолирующего или агглютинативного языка. Трудно себе представить, чтобы русскоязычные Ии. на стимул ВОДИТ давали бы реакцию ель или на стимул ПОД – реакцию писать. Такие реакции китайских Ии. наталкивают и на вопрос теоретического характера: следует ли их относить к синтагматическим или парадигматическим реакциям? Данный вопрос требует более детального изучения и не входит сейчас в наши задачи.

Выводы

Напомним, что выше языковое сознание было определено как понятие, которое показывает зависимость между изменениями значений и личностных смыслов слов, с одной стороны, и внешними (социальными) и внутренними (психическими) факторами функционирования языка, с другой.

Наиболее важный социальный фактор, влияющий на содержание слов (наименований наук) и проявляющийся в описанном эксперименте, – это школьная программа, точнее, ограниченность состава изучаемых предметов, дающая лишь начальные знания далеко не обо всех науках. Другим фактором, влияющим на отражаемые в полученных материалах знания русских и китайских студентов, является, возможно, доступность научно-популярных материалов в Интернете.

Таким образом, фактором социального порядка в формировании значений изученных слов является место обозначаемых ими наук в школьной программе. Фактором личностного порядка является место обозначаемого явления в жизни человека и отношение к его личностным ценностям (интерес, непонимание и т. д.). Отсутствие явного культурно-этнического компонента в проанализированном нами материале свидетельствует, что куда важнее то, что наши Ии. – студенты, чем то, что они русские и китайские студенты. Характер осуществляемой ими учебной деятельности влияет на специфику реакций сильнее, чем их культурная принадлежность. Следовательно, далеко не всякий фрагмент языкового сознания имеет культурно-этническую специфику.

Можно было бы сказать, что личностный смысл выражается только в эмоциональных реакциях группы «оценка». Однако это не совсем так, поскольку и остальные группы выражают в определенной мере как индивидуальные знания, так и личный опыт. Например: ЛИНГВИСТИКА – *подруга поступила*; 语言学 ЛИНГВИСТИКА – *我学的* ‘то, что я изучаю’; МАТЕМАТИКА – *на три балла*; Антон Евгеньевич; 数学 МАТЕМАТИКА – *34 分* ‘34 балла’; 物理学 ФИЗИКА – *Phy 205 (3)* ‘кабинет физики’; 不及格 ‘не сдать’; и др.

Примечательно в этом отношении также, что реакции, показывающие эмоциональное отношение Ии., весьма частотны. А именно оно репрезентирует личностное переживание знаний, фиксируемых и выражаемых данными словами. Этот факт еще раз свидетельствует в пользу вывода, что в значениях наименований наук в ЯС студента фиксируется не научная, а обыденная картина мира, наполненная эмоционально-личностным переживанием. Тем не менее она все-таки не лишена некоторого научного компонента, который имеет характер косвенного научного знания, полученного не через собственный научный исследовательский опыт, а через образование.

Выше мы говорили, что реакции группы «объект науки» отражают те знания Ии. о науках, которые можно было бы назвать косвенно-научными. Наличие косвенно-научных знаний говорит о том, что весь комплекс знаний, аккумулируемых наименованием науки, представляет собой сложное многообразие, в котором отделить обыденный компонент от научного невозможно.

Образы языкового сознания, стоящие за наименованиями наук, состоят из представлений об объектах этих наук, впрочем, часто искаженных и даже неверных, о средствах познания и о месте, где это познание происходит.

Образы языкового сознания китайских студентов содержат весьма стойкий оценочный компонент, отражающий трудность данных наук. Этот компонент почти совсем не характерен для языкового сознания русских студентов. Это связано, вероятно, с тем, что образы языкового сознания формируются под влиянием социально-культурных факторов (в нашем случае это школьная программа и вообще система образования) и факторов эмоционально-личностных (переживание данных наук как интересных, сложных и т. д.).

Подчеркнем, что представления и знания, зафиксированные в значениях наименований наук, не выходят за рамки обыденных и часто не имеют почти ничего общего с объективной научной картиной мира. Такое положение дел имеет место, конечно, потому, что студенты не занимаются профессионально данными видами деятельности, хотя и имеют о них «стороннее» представление, полученное благодаря школьному образованию. При этом полученные реакции выявляют и такие научные знания, которые получены благодаря образованию и не относятся к повседневной жизни.

Если вспомнить, что в основе психолингвистического понимания значения лежит постулат о его изменении, то можно заключить, что каждое слово в ментальном лексиконе изменяется по-своему, но общее направление изменения схожих по значению слов едино. При всем различии китайской и русской культур общие тенденции раскрытия значений стимулов в полученных реакциях весьма похожи. Это особенно заметно по реакциям группы «объект науки», которые чрезвычайно схожи у китайских и русских студентов.

Список литературы

- Баландина Е. С.** Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
- Башанова М. А., Чжан Юй, Яковлев А. А.** Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019а. Т. 17, № 2. С. 102–114. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-102-114
- Башанова М. А., Чжан Юй, Яковлев А. А.** Наименования профессий в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник Челябинс. гос. ун-та. Серия: Филологические науки. 2019б. № 4. Вып. 116. С. 21–30.
- Дзюба Е. В.** Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
- Залевская А. А.** Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
- Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф.** Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.
- Уфимцева Н. В.** Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.
- Шишканов И. В.** Специфика немецкого и русского языкового сознания: Психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 216 с.
- Сафонова Н. В.** Ментальная и языковая репрезентация концепта благо / добро в русском языковом сознании: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 497 с.
- Яковлев А. А.** Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-16-25

References

- Balandina, E. S.** Dynamics of the family image in the language consciousness of representatives of different cultures: thesis ... candidate of philology. Ekaterinburg, 2013, 23 p. (in Russ.)
- Bashanova, M. A., Zhang, Yu, Yakovlev, A. A.** Names of the days of the week in the language consciousness of Russian and Chinese Undergraduate Students. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 102–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-102-114
- Bashanova, M. A., Zhang, Yu, Yakovlev, A. A.** Professions names in the language consciousness of Russian and Chinese students. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology sciences*, 2019, no. 2, p. 21–30. (in Russ.)
- Dzyuba, E. V.** Linguocognitive categorization in Russian language consciousness. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2015, 286 p. (in Russ.)
- Zalevskaya, A. A.** Word meaning through the prism of the psycholinguistic experiment. Tver, Tver gos. un-t, 2011, 240 p. (in Russ.)

- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Cognitive linguistics. Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2007, 314 p. (in Russ.)
- Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F.** Problems of the language consciousness research. *Psycholinguistic journal*, 2009, no. 10, p. 18–25. (in Russ.)
- Ufimtseva, N. V.** Language consciousness: dynamics and variations. Moscow, 2011, 252 p. (in Russ.)
- Shishkanov, I. V.** German and Russian language consciousness specifics: psycholinguistic analysis of the thematic group “Human”: thesis ... doctor of philology. Moscow, 2002, 216 p. (in Russ.)
- Safonova, N. V.** Mental and language representation of the concept “good” in the Russian linguistic consciousness: thesis ... doctor of philology. Tambov, 2004, 497 p. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** On a procedural error in the free association experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 16–25. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-16-25

Материал поступил в редакцию
Date of submission
17.05.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Башанова Мария Алексеевна**, преподаватель школы иностранных языков «Время-универс» (ул. Корнеева, 50, Красноярск, 660001, Россия)
Maria A. Bashanova, School of foreign languages “Time-Univers” (50 Korneev Str., Krasnoyarsk, 660001, Russian Federation)
mashabashanova46@gmail.com
- Чжан Юй**, преподаватель кафедры восточных языков Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)
Yu Zhang, Siberian Federal University (82a Svobodniy Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
yuzhang0829@foxmail.com
- Яковлев Андрей Александрович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия)
Andrey A. Yakovlev, Krasnoyarsk State Pedagogic University named after V. P. Astafiev (89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation)
mr.koloboque@rambler.ru
ORCID 0000-0003-1491-0577

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

М. А. Кузьмина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова

адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphorization tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphorization features are demonstrated.

Keywords

adjectival metaphor, vehicle, metaphorization tenor

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
05.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru